ПИОНЕР

3/174

Июль

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда". 1937 г.

7

ПРОСЬБА К ЧИТАТЕЛЯМ:

При обнаружении экземпляров с производственным браком (перепутанные страницы, плохая печать и т. п.) возвращать их для обмена в Издательство «Правда».

Адрес: Москва, 40, ул. «Правды», 24, комн. № 216.

34

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Гос. Публичная Б-ка

№ 7

Июль 1937

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

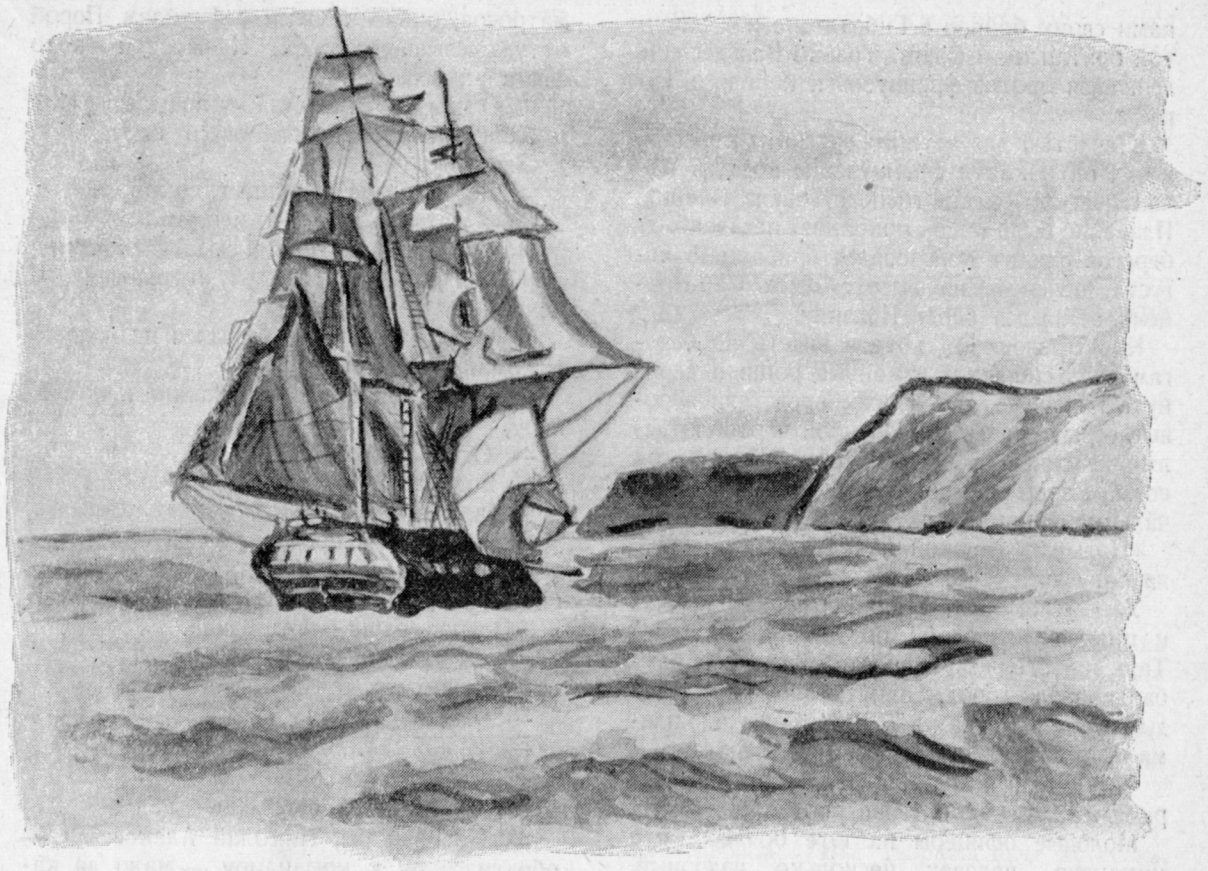
Сомбреро

Летом 1824 года русский фрегат «Проворный» был послан императором Александром Первым в Испанию. Там произошло народное восстание. «За Пиренеями народом правила свобода», по выражению А. С. Пушкина. «Священный союз», к которому в лице Александра Первого присоединилась и Россия, решил помочь испанским монархистам в их борьбе с повстанцами. Герцог Ангулемский во главе 100 тысяч французов, выполняя постановление «Священного союза», ворвался в 1823 году в Испанию и водворил снова власть абсолютизма. Франция отправила военные корабли громить и блокировать гавани Испании, ибо морем испанцы получали оружие и порох из Англии.

Фрегат «Проворный» входил в состав кораблей гвардейского экипажа, матросы которого 14 декабря 1825 года восстали под командой своих офицеров против Николая 1-го. Посещение русским фрегатом французского порта Бреста, а затем появление «Проворного» в испанских водах должны были показать, что Россия вполне согласна с Францией и одобряет ее вмешательство в испанские дела.

На «Проворном» в числе офицеров были члены «Северного союза» (декабристы), и среди них мичман Александр Петрович Беляев. Фалалей, служивший флейтщиком музыкантской команды гвардейского экипажа, из крепостных крестьян Беляевых, тоже был на «Проворном». О Фалалее я рассказывал в своей повести о 14 декабря 1825 года. Теперь, когда героическая борьба испанского народа за свою свободу и независимость занимает целиком наши умы и сердца, стоит сообщить подробней о пребывании фрегата «Проворного» в испанских водах в 1824 году.

Сергей Григорьев



Сомбреро

Рассказ Сергея Григорьева *Рисунки В. Чернецова*

Испанский берег

На «Проворном» все, начиная с командира капитана-лейтенанта Козина и кончая флейтщиком Фалалеем, знали наверное, что никаких военных действий не предполагается да и не могло быть.

Утлый фрегат к ним и не был способен. Это сделалось ясно после того, как, входя вечером, перед спуском флага, во французский порт Брест, «Проворный» салютовал крепости тридцатью тремя холостыми выстрелами.

Французы из крепости ответили равным числом выстрелов.

— В трюме вода, Николай Алексеевич,— доложил командиру мичман Бодиско.— Прикажете поставить людей на помпы?

Козин поморщился...

— Подождите. Это срам! После ужина.

Настала ночная тьма, и под ее защитой команда «Проворного» до полуночи «кланялась на помпах», отливая из трюма воду.

И это от холостых пушечных выстрелов! Боевые выстрелы сотрясают корабль несравненно сильнее. При боевом залпе одного борта, из тридцати собственных пушек разом, «Проворный» мог бы и совсем затонуть без всякого усилия со стороны противника.

Франция и не нуждалась в русской помощи: восстание в Испании доживало последние дни: главный вождь повстанцев Риего был захвачен в плен и казнен. Другие: Лопец, Баниес, Наварец, Эспиноза — поспешили укрыться с ничтожными остат-

ками своих бойцов в Гибралтаре под защитой британского флага. Только Вальдес еще держался против французов и короля в Тарифе.

К счастью для ветхого русского корабля, когда он покинул французские воды, в Атлантическом океане господствовала тишина. Плавание было очень покойное: недалеко от берегов фрегат пользовался бризами. 5 августа, вечером, на высоте мыса Сан-Винцент открылся берег Испании.

На «Проворном» хотели видеть по берегам апельсинные и лимонные рощи и вдохнуть их аромат, но взорам предстали суровые серые скалы, зазубренной чертой отделявшие синее небо от изумрудной морской воды. Береговой ветер принес оттуда печальный запах сухой земли.

«Полынью горькой пахнет», — удивились на баке матросы.

Утром вступили в Гибралтарский пролив и прошли испанский порт Тарифу. Перед Тарифой стоял французский фрегат и бомбардировал город, закутываясь в белый дым. В трех местах в Тарифе полыхало пламя пожаров. Крепость уже не отвечала.

— Попали к шапочному разбору, — угрюмо сказал боцман Чепурной.

Молодые офицеры на юте боялись, что командир, человек несколько вздорный, вздумает присоединиться к французам и откроет пальбу по Тарифе. Чувства моряков были на стороне испанской свободы. Но Козин буркнул:

— Нам здесь делать нечего.

Прибавили по его команде парусов, чтобы скорей и незаметно удалиться. Команда вздохнула с облегчением. Уже Тарифа скрылась из виду. На грех, ветер внезапно упал. «Проворный» заштилел. Паруса бессильно повисли. И только течение пролива тихо увлекало фрегат к востоку...

Европейский берег таился во мгле. Встал из моря берег африканский. Но все еще доносился по тихой воде со стороны Тарифы отдаленный пушечный гул.

На русском фрегате наступило штилевое безделье. Офицерская молодежь в кают-компании о чем-то горячо спорила. О чем??!— догадывался командир фрегата, сердито шагал по вылощенной до блеска, «продранной» с песком деке шканцев, заложив одну руку за борт кителя, а другую за спину. У флага, застыв, навытяжку стоял часовой и, не смея передохнуть, проклинал командира: «Скоро ль он уйдет в свою каюту?!»

С бака доносилось треньканье балалайки: флейтщик Фалалей там что-то пел среди матросов, около кружки с фитилем. Порой оттуда слышался смех. И часовой около флага ухмылялся...

— О чем он там поет? — поймав улыбку часового, спросил, остановясь перед ним, Козин.

— Не могу знать, ваше высокородие!

Лицо матроса стало каменным.

— Позвать флейтщика сюда! — обратился Козин к Бестужеву 1-му, стоявшему на вахте.

— Есть. Флейтщика Фалалея на шканцы к командиру...

— Есть флейтщика на шканцы к командиру, — ответили с бака.

— С балалайкой!

— Есть с балалайкой.

С балалайкой в руке, весело улыбаясь, перед капитаном предстал флейтщик.

— Честь имею явиться: флейтщик роты его величества гвардейского экипажа Фалалей Осипов, ваше благородие!..

— Ты там поешь?

— Точно так.

— Веселая песня?

— Точно так.

— Пой что там пел!

Бестужев поморщился.

— Не надо бы, Николай Алексеевич, — обратился он к командиру, — мало ли какие песни они там поют... У них свои песни...

— Пой, мне скушно! — повторил Козин свое приказание и, заложив руку за спину, по-наполеоновски, зашагал снова.

Фалалей испуганно взглянул в лицо Бестужеву, тот легонько кивнул головой...

Флейтщик отчаянно ударил по струнам и запел не так тихо, как раньше на баке, а в полный голос. На баке матросы сгрудились у сетки, смотрят в сторону шканцев и прислушиваются:

«Ай, и скушно же мне
Во своей стороне!
Все в неволе,
В тяжкой доле...
Видно, век так вековать...
Долго ль русский народ
Будет рухлядь господ,
И людями,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?»

— Что? Что? Что это он поет? А? — круто остановился Козин перед Бестужевым. — Я спрашиваю вас, лейтенант, что он поет?

— Песню, Николай Алексеевич! Вы же сами приказали. Не надо бы...

— Ага! Я сам? Ну пой! Что же ты замолк? Пой!

Командир притопнул на Фалалея. Тот забренчал по балалайке и погасшим голосом продолжал:

«А под царским орлом
Ядом поят с вином
Лишь народу
Для заводу
Велят вчетверо платить.
А наборами царь
Усушил, как сухарь:
То дороги,
То налоги
Разорили нас вконец».

— Что он поет?! А? Что он поет?! И это на шканцах! У андреевского флага! На священном месте корабля! — кричал в слезах Козин, роясь в кармане.

Он достал клок ваты, нащипанной из морского каната, и, скатав из нее два тугих шарика, заткнул ими оба уха.

— Это бунт! — бормотал командир. — Я ничего не слыхал. Слышите, лейтенант, я ничего решительно не слыхал! Мне в уши надуло! Ох!

Бестужев усмехнулся.

— Помилуйте, Николай Алексеич, откуда же надуло: тепло и полный штиль...

Командир закрыл уши ладонями.

— Я ничего не слышу... Ты! — повернулся командир к Фалалею, — пошел на салинг, «насвистывай ветер».

— Есть на салинг!

Фалалей форменно повернулся и сбежал со шканцев.

Захватив флейту, он живо вскарабкался по вантам на салинг, оседлал его. Посмотрел вверх и, обняв стеньгу ногами, полез по ней еще выше, на самый клотик, отмахиваясь головой от вымпела, долгой змеей ниспадавшего из-под сплющенной репы флагштока.

— Отчаянный парень! — сказал боцман Чепурной, смотря вверх. — Смотри сорвешься! — крикнул он флейтщику.

Фалалей его не послушался. Подтянулся на руках, взгромоздился на клотик и сел на нем, свесив ноги. Куда хватал глаз, лежало перед закатом синее в золоте море. В тумане мрел африканский берег. Фалалей грустно вздохнул и, приложив к губам флейту, тихо засвистал песню:

«Не одна-то во поле
дороженька пролегала...»

На баке стих говор, и вдруг к свисту флейты пристал звонкий, почти женский голос запевалы:

«Во поле дороженька пролегала!»

Океан вздохнул. Шевельнулась ленивая змея вымпела и забила хвостом...

Снизу послышалась команда:

— Поворот к ветру!

Паруса заполоскались и наполнились ветром.

Фалалей осторожно слез с клотика и сел верхом на салинг.

«Стоило в Испанию проситься! — думал сердито Фалалей. — То и дело: «Пошел на салинг!» А у Чепурного в кармане линёк — хоть драть он и не смеет, а все-таки! Эх, лучше бы мне остаться в Питере... То ли дело на разводе караула...»

Он замечтался, вспоминая развод у Зимнего дворца. Рота гвардейского экипажа идет по Морской в дворцовый караул. Впереди всех флейтщики: их четверо. За ними барабаны. Матросы рослые. А флейтщики нарочно выбраны ростом пониже. Их так и зовут «малые», а то и «малютки». Лихо, локоть на отлете, «малютки» насвистывают на флейтах-«пиколо» плясовую: «Во саду ли, в огороде...» Грохочут в такт марша барабаны. Народ останавливается на панелях. Мальчишки вслед бегут: им завидно!.. Тоже и флейтщики: завидно им было, что Фалалея одного на фрегат в поход взяли: «Апельсины есть будешь. Канареек слушать!» Вот тебе и пташки-канарейки! Вот тебе и Испания! Эх, служба матросская!..

— Осипов! — крикнул боцман с палубы. — Пошел с салинга вниз!

— Есть! — ответил Фалалей и побежал вниз по веревочной лестнице вант.

Гибралтар

Фрегат «Проворный», подгоняемый свежим ветром, принял на борт с лодки лоцмана, вошел в огромную бухту гибралтарской крепости и бросил якорь на рейде. В бухте находилось множество кораблей, военных и торговых. Лодки, весельные и с красными дублеными парусами, шныряли по рейду.

Капитан-лейтенант Козин приказал отдать салют англичанам.

— Тридцать три или тридцать один? — спросил его артиллерист.

— Тридцать три! — ответил Козин.

Люди на «Проворном» ждали, как ответят британцы. На салют «Проворного» ответила не крепость, а флагманский фрегат британского флота — это было знаком особого почета. Все считали, сколько ответных выстрелов даст британец. Старый спор: надменные британцы обычно отвечали на салют своему флоту кораблям других наций двумя выстрелами меньше...

— Тридцать. Тридцать один. Тридцать два! Тридцать три! «Ура!» — прокатилось вдоль русского фрегата от носа к корме.

В первый раз Англия признала равенство русского флага своему. Больше того: флагман британского флота послал команду своего корабля по вантам и реям — фрегат запестрел синими матросками, и оттуда донеслось ответное «Ура!»

Очевидно, прибытия русского фрегата ждали. Должно быть, шапповский оптический телеграф уже донес лорду Чатаму, губернатору Гибралтара, что «Проворный» прошел Тарифу мимо, не присоединился к французам и не послал в мятежный город ни одного снаряда.

На визит командира русского фрегата лорд Чатам ответил приглашением всех офицеров «Проворного» — осмотреть крепость и порт, что англичане делают неохотно.

После осмотра командир фрегата и все офицеры были позваны лордом Чатамом на обед, где был и английский флагман с его офицерами. За обедом пили много вина. Под раскрытыми окнами губернаторского дома английский оркестр исполнял разные пьесы. Лорд Чатам из желания угодить русским приказал музыкантам сыграть «Марш Риего» — вождя испанской революции; марш этот русские моряки впервые услыхали еще в Бресте...

Молодые офицеры «Проворного» единодушно рукоплескали «Маршу Риего», исключая командира, который никак не мог забыть, что Россией еще правит Аракчеев. Крайне сконфуженный, капитан-лейтенант Козин сидел, опустив нос в тарелку: дело зашло слишком далеко.

Захмелевший Сашенька Беляев, подняв бокал, воскликнул:

— Да здравствует свободная Испания!

Лорд Чатам, улыбаясь тонкими губами, приподнял в ответ свой бокал, заметив:

— Да, но... Тарифа, последний оплот восстания, пала. Вальдес ночью, спасаясь от петли, на лодке прибыл на гибралтарский рейд...

Беляев, не допив вина, поставил свой стакан на стол.

В то время как офицеры «Проворного» с командиром во главе пировали во дворце лорда Чатама, и «людям» было разрешено сойти на берег. К первой очереди присучился и флейтщик Фалалей.

Выходя на берег, боцман Чепурной наставлял Фалалея:

— Гляди в оба. От меня не отставай. Я тут уж в третий. А ты еще аглицкого языка не знаешь. Без языка пропадешь. В случае отобьешься, говори: «Ай сей! Мой рушен сайлор. Рушен чип» [1] — и покажи рукой, что тебе домой на корабль надо. Любой лодочник тебя предоставит на борт. Понял?

— Ай сей! Мой рушен сайлор! Рушен чип! Айда, братцы, — повторил Фалалей, хватая фалинь, и первый выскочил из шлюпки на стенку каменного причала для шлюпок.

Матросы рассеялись по прибрежной улице. Фалалей, держась за большой палец Чепурного, тянул его вперед, дивясь всему, что видел. Да и было чему подивиться!

— Вроде как у нас на ярманке! — воскликнул он. — Вот так базар! Народы-то какие, дядя Чепурной. Эна, гляди, ефиоп... Ай сей!

— Негра, а не ефиоп, — поправил Чепурной.

— А это кто?

Навстречу им важно, медленно шел чернобородый человек. Голова его была окутана пышной белой чалмой. Устремив куда-то вдаль взгляд, он шел в толпе, ее не замечая. Перед ним невольно расступались.

— Это индеец из Калькутты. Важный народ! — похвалил Чепурной. — А вот, гляди, арап... Негра тоже, только побелее.

Толпа кишела, делаясь все плотней. Мелькали синие береты с красными помпонами на маковке; красные фески с черной кистью на головах турок; черные шляпы с закрученными в трубку полями, из-под которых надменно смотрели с бледного лица черные глаза монахов; высокие шапки персов; широкополые панамы; расшитые золотом по черному тюбетейки; ловко завязанные белые башлыки; тюрбаны; белые каски «здравствуй-прощай» с двумя козырьками, спереди и сзади, окутанные по тулье зеленой кисеей; пестрые платки неаполитанцев, с лихо спущенными на ухо уголками.

---

[1] «Послушай! Я русский моряк, с русского корабля».

— А это какие генералы, дядя Чепурной? — остановясь в изумлении, спросил Фалалей.

Посреди улицы кружком стояло, тихо говоря между собой, пятеро высоких статных молодцов. Полы коротких курток у них были богато расшиты золотом; за широкими шолковыми поясами у каждого торчало по паре пистолетов; вдоль шва узких красных панталон шли широкие лампасы из золотого позумента; на ногах крепкие башмаки, на головах островерхие шляпы с пышными кистями и широченными прямыми полями.

Они о чем-то совещались, не выпуская изо рта сигар, попыхивали при каждом слове синим дымком. Не сторонились, и толпа их обтекала с обеих сторон, как будто с почтением и страхом.

— Это не генералы, а гитаны — об'яснил Чепурной Фелалею, — проще сказать, разбойники, контрабандисты...

— Эх, шляпы-то!

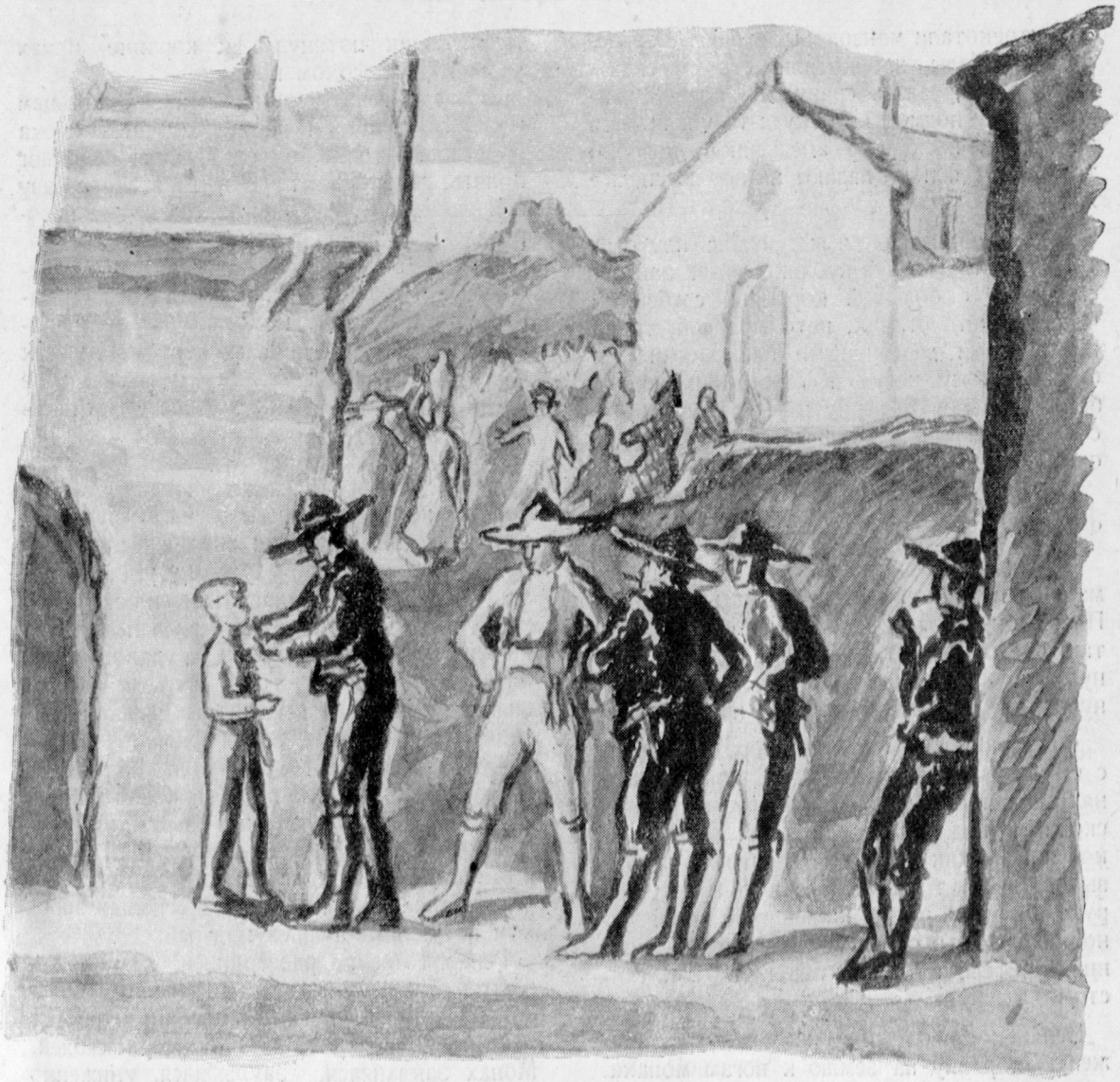
Фалалей выпустил из руки большой палец Чепурного и, подойдя к разбойникам, отдал честь и сказал:

— Мой рушен сайлор. Рушен чип...

Разбойники все разом посмотрели на Фалалея. Один из них что-то сказал, похлопал Фалалея по плечу, блеснув белыми зубами, и протянул флейтщику сигару.

— Мерси вас! Не употребляю, хотя на память, впрочем, возьму...

Фалалей погасил сигару, стряхнув пепел



Один из них похлопал Фалалея по плечу и протянул флейтщику сигару.

и поплевав на огонь. Оглянулся и увидел, что Чепурного нет... Фалалея затолкали, народ вдруг куда-то повалил. Над толпой плыла, потрясая звенящим бубном, голая смуглая рука. Слышался зазывающий звонкий женский голос. Фалалею показалось, что в народе мелькнула ленточками бескозырка Чепурного — Фалалей начал продираться вслед боцману. Толпа затерла Фалалея, он влекся в ней невольно и едва не задохнулся, когда его втолкнули в распахнутые двери. Под ногой крутые ступени. Фалалей скатился вниз по лестнице и очутился в прохладном и сумеречном подвале. Обдало крепким, погребным запахом вина. Чепурного нет. Под сводом горели, оплывая, желтые восковые свечи в фонарях. На подмостках сидели полукругом музыканты: мандолинисты щекотали косточками по брюшку своих инструментов, мандолины визжали: гитаристы щипали струны, и гитары по-гусиному гоготали; цимбалист подтягивал струны, ударяя по ним маленькой деревянной ложкой — струны басовито отзывались.

Народ шумно наполнял подвал. Стало душно и тесно. Фалалей прижался к самым подмосткам. На них появилась женщина в пестром платье с голыми руками и босая... Она подняла над головой бубен и, потрясая им, пригласила толпу к молчанию. Гомон, то вспыхивая, то угасая, постепенно смолк. Женщина о чем-то прокричала, проворно убежала в угол и скрылась там за занавеской.

Комедия дель арте

Застрекотали мандолины, вторя им загремели цимбалы, зарокотали струны гитар. Музыка оборвалась сразу, и Фалалей увидел, что на подмостки откуда-то упали один за другим несколько апельсинов, подобно тому как с яблони падают на землю спелые яблоки.

Между пол занавеса высунулось плутоватое лицо. Подмигнув публике, из-за занавеса вышел с большой корзиной согбенный человек, нето старик, нето молодой, топая неуклюжими деревянными башмаками. Он был «на босу ногу», в сером запыленном бедном платье. Вывернутый наружу карман с большой дырой показывал, что человек очень беден.

«Должно, мужик испанский»,— подумал Фалалей.

Воровато озираясь, человек начал подымать с полу апельсины, любуясь каждым. Потом он, забыв обо всем на свете, делал так, будто срывает апельсины с дерева, тянулся, чтобы достать повыше. Устало вздохнув, поднял тяжелую корзину на плечо.

Фалалею казалось, что корзина полна с верхом, — с таким трудом, кряхтя, поднял ее на плечо испанец. Он уже готов был скрыться под занавес со своей великолепной ношей, как вдруг ему навстречу оттуда вышли двое: толстый монах с крестом в руке, в грубой рясе с капюшоном, опоясанной веревкой, а с ним тщедушный прислужник. Зрители их встретили криком и свистом.

Испанец попятился и поставил свою тяжелую корзину на землю к ногам монаха. Прислужник потянулся к корзине, монах ударил его посохом по руке.

Возведя глаза, монах показал пальцем в землю, а потом на небо. Ропот смеха пробежал в толпе зрителей. Фалалей не мог понять, свое ли взял испанец и в своем саду или залез в монастырский сад и там наворовал апельсинов.

И, может быть, указывая в землю и в небо, монах говорил о том, что, когда испанец умрет и ляжет в землю, бог его накажет за воровство. Иль, может быть, монах говорил, что земля отдана ему во владение богом, а потому мужик должен ему отдать часть урожая.

Так и есть. Из всех апельсинов монах выбрал два похуже и отдал их испанцу. Тот упал на колени и плача просил вернуть ему хоть еще один апельсин. Монах был неумолим. Он приказал прислужнику унести корзину. Корзина оказалась непосильна одному служке, и только с помощью покорного испанца прислужнику монаха удалось взвалить добычу себе на горб. Зрители рассердились на испанца и на разных языках кричали, что он дурак, простофиля.

— Не отдавай! — крикнул и Фалалей.

Монах с прислужником ликовал и уже готов был удалиться, как вдруг на подмостки вскочил, звеня шпорами и гремя огромной саблей в жестяных ножнах, генерал в наполеоновской шляпе, с целым ворохом петушиных перьев над ней.

Генерал очень рассердился, что монах забрал себе все апельсины. Испанец с мольбой протягивает к генералу руки и просит защиты. Генерал грозно брякнул саблей. Монах закланялся, заулыбался, униженно

бормотал слова извинения и протянул генералу три апельсина. Генерал заревел и стукнул саблей об пол еще грознее. Монах достал еще два апельсина. Генерал довольно заворчал и спрятал апельсины в ташку [1].

Испанец был в отчаянии. Он опять упал на колени, теперь перед генералом, и говорил, что у него двое маленьких детей, показывая рукой их рост от пола, и им нечего есть. Генерал достал из кошелька маленькую денежку и кинул ее в руку испанца. Поправив вывернутый карман, испанец опустил в него подачку, монета провалилась в дыру и покатилась по доскам, ее подхватил и спрятал служка монаха. Испанец, поощряемый криками зрителей, готов был вступить в драку, не глядя на то, что тех было трое. Впрочем, у него нашлись бы союзники: зрители напирали вперед, и Фалалея притянуло к самым подмосткам. Генералу грозили кулаками. Он, дико вращая очами, пятился к занавесу и даже грозил пистолетом. Монах с выкаченными на лоб глазами махал перед собой крестом, а прислужник волок по земле непосильную ему корзину.

Вдруг из-за занавеса выскочил «гитан», одетый точно так, как те, которых видел Фалалей на базаре: в широкополом сомбреро с кистями. Он схватил монаха и генерала за воротники и поверг их на пол...

Своды подвала дрогнули от общего вопля, и толпа отхлынула назад, предоставив смелому гитану одному расправиться с врагами. Монах с прислужником, забыв о корзине, поспешили убраться под занавес, а генерал вскочил на ноги и, выхватив саблю из ножен, предложил гитану сразиться. Поединок продолжался недолго. Гитан выбил шпагой саблю из руки противника и готовился пронзить поверженного врага, но тут, откуда ни возьмись, на гитана навалились сзади два дюжих жандарма во французских мундирах. Они схватили гитана за руки, вывернули их за спину и связали. Генерал поднялся на ноги, вложил саблю в ножны, показал на пленника и обвел пальцем вокруг своей шеи:

— Повесить!

В щель занавеса просунулись одна над

Испанец был в отчаянии Он опять упал на колени.

[1] Ташка — полевая сумка.

другой испуганные рожи монаха и служки. Убедясь, что все кончилось для них благополучно, монах и служка выбрались на подмостки, и монах, сняв с себя пояс, предложил веревку. Служка сделал из нее петлю и накинул ее на шею гитану.

Но это было уже чересчур! Толпа волной прихлынула опять к подмосткам. На сцену из толпы выскочило несколько человек и накинулось на генерала и монаха с кулаками. Матросский нож в миг перерезал путы на руках гитана. Монах, жандармы, генерал спаслись от побоев под занавес. Появились на своих местах музыканты. Гитан взмахнул шляпой, крикнул одно слово:

— Риего!

Струны оркестра загремели. Гитан запел. Толпа подхватила песню. Но в дверях шла уже толкотня: зрители торопились покинуть подвал, так как в зале появилась снова опять та же женщина с бубном. Она, держа бубен, как тарелку, стремительно пробиралась меж людей — в бубен скупо сыпались монеты.

Фалалей ликовал. Он был очень рад, что гитан спасен. Фалалей нащупал в кармане свой единственный полтинник. Сначала ему хотелось кинуться к женщине с бубном и бросить все свое богатство в бубен, где гремели медяки.

Она приближалась. Фалалею стало жалко денег, он кинулся к выходу и, работая головой, стал пробиваться вон.

Немало ему досталось крепких подзатыльников, пока, наконец, его вытолкнули на волю. Флейтщик зажмурил глаза, ослепленный синим, как молния, дневным светом. Послышались бубенцы. Фалалей подумал, что это за ним гонится женщина с бубном, требуя платы, раскрыл испуганно глаза и увидел, что мимо идет длинноухий ослик в ошейнике с бубенцами; по бокам ослика висели две глубокие корзины. Одна из них была доверху полна гроздьями иссиня-черного винограда, в другой корзине для равновесия поместился черномазый простоволосый мальчишка с иссиня-черными кудрями. Он пощипывал из корзины виноград, весело распевая.

Ослик остановился. Мальчишка прикрикнул на него и дернул за ухо. Ослик мотнул головой и двинулся дальше. Черномазый погрозил Фалалею кулаком и высунул язык. Фалалей молча ему ответил тем же и пошел в людском потоке вдоль улицы портового базара.

Чадили жаровни; трещали в них, стреляя и лопаясь, каштаны. Горы яркокрасных томатов и синих баклажанов рдели под полотняными прохладными навесами.

Под синей с белыми полосками палаткой немец-оружейник продавал двум бедуинам в белых бурнусах кремневое ружье с длинным тонким стволом и чудным кривым прикладом, испещренное серебряной насечкой. Бедуины прикладывались из ружья, щелкали курком и отчаянно торговались...

Окруженный босоногими мальчишками и девчонками, печальный грек дергал за цепочку, уныло припевая, обезьянку в красной юбке. Обезьянка кувыркалась, поматывая скорбными человечьими глазами...

Под холщевым зонтиком сидела на камне старая цыганка. В ушах ее звенели длинными подвесками серебряные серьги, изо рта свисала огромная трубка с кистями и фарфоровой чашей, прикрытой сквозной крышечкой. Гордый вид цыганки привлек Фалалея. Дивясь, он остановился перед ней и засмотрелся. Цыганка тасовала карты. Ее коричневые пальцы были унизаны перстнями с огромными изумрудами и бриллиантами. Цыганка, не удостаивая взглядом Фалалея, достала из складок широкой юбки маленькую черную кочергу, открыла крышку трубки и покопалась в ней кочергой; из трубки повалил дым, как из угарного самовара. Цыганка покосилась на Фалалея, улыбнулась и поманила его к себе пальцем. Фалалей в испуге бросился прочь бегом. Он заглядывал в каждую палатку. Наконец, он увидел то, что ему было нужно, чего он искал.

Покупка

На открытом прилавке стояли высокими стопками вложенные одна в другую островерхие широкополые шляпы с шолковыми кистями, почти, да нет, совсем такие, что были на гордых нарядных испанцах.

Молоденькая веселая шляпница, надев на поднятый вверх палец, ловко вертела сомбреро, приглашая прохожих покупать. Шляпа вертелась волчком, как будто сама собой, развевая кисти, и от скорости казалось, что она отлита из чистого золота, на боку ее даже сверкал от солнца зайчик, словно на золоченой маковке Исаакия.

Но напрасно продавщица старалась: все равнодушно шли мимо, не глядя на ловкую шляпницу и ее заманчивый товар: лето было на ущербе — знойные дни убывали...

Фалалей остановился перед прилавком,

ткнул себя пальцем в грудь, затем осторожно прикоснулся к стопке шляп и, замирая, произнес волшебные слова:

— Рушен сайлор. Рушен чип!

Продавщица подкинула шляпу с пальца вверх и подставила голову. Шляпа упала на кудри продавщицы и перестала вертеться.

Смеясь и тараторя, продавщица сняла со стопки верхнюю шляпу. Фалалей сдернул с головы матроску, и продавщица нахлобучила ему на голову сомбреро. Она всплеснула руками, отступила назад, и все ее лицо, и фигура, и руки, и крик говорили ясно одно и то же:

— До чего же хорошо!

Мало этого: испанка, хлопнув себя по бедрам, громко позвала своих соседок: старуху, торговку гребешками, — справа и молодую кружевницу — слева. Обе подбежали и тоже залюбовались Фалалеем, качали головами, причмокивали и прищелкивали языком.

Хотя Фалалей чувствовал, что шляпа чуть-чуть велика, но что она хороша и ему пристала, — не могло быть никаких сомнений. Он решительно протянул торговке согретый в руке полтинник.

Шляпница осторожно взяла полтинник с ладони Фалалея, осмотрела его с решки и орла, покачала головой, показала монету старухе и кружевнице, те тоже покачали головами.

Фалалей испугался. Он был готов заплакать.

— Не ходит?!

Он снял шляпу и бережно положил ее на прилавок. Комкая матроску, Фалалей стоял, поникнув головой.

Шляпница не хотела с ним так расстаться. Она порывисто нахлобучила на Фалалея шляпу, покинув свой товар, тянула куда-то русского моряка за руку, весело смеясь и болтая.

Фалалей, подняв голову, увидел перед собой столик. На столике качались от ветра небольшие медные весочки. За столиком, укрываясь от зноя под огромным полосатым зонтом с синей бахромой, сидел в кресле седой еврей. Из-под его черной бархатной ермолки на виски ниспадали локоны...

Шляпница бросила полтинник Фалалея на чашку весов. Весы склонились.

Храня важный вид, меняла взял с чашки монету, осмотрел ее, но не с лица и изнанки, а с гуртика, повернул ее кругом в бледных тонких пальцах, бережно положил монету на весы; уравновесив полтинник маленькими гирьками, меняла указал пальцем: стрелка весов стояла верно, на черте. Затем меняла снял гирьки, а полтинник Фалалея спрятал в правый ящик столика, выдвинул левый ящик и, насчитав мелочи, меди и серебра, выложил перед Фалалеем на столик. Самую маленькую монету меняла отодвинул пальцем в сторону. Фалалей понял, что это плата за размен и сгреб остальные, зажав в кулаке. Старик молитвенно поднял голову к небу и закрыл глаза.

Они вернулись со шляпницей к ее товару. Фалалей высыпал деньги на прилавок. Шляпница отсчитала, что ей полагалось, и Фалалей увидел, что ему еще осталась сдача.

Шляпница на прощанье расцеловала Фалалея в обе щеки. Он пошел дальше счастливый. Снимал шляпу, любовался ею, надевал снова, попытался вертеть на пальце — шляпа вертелась хорошо, но когда Фалалей попробовал ее подбросить вверх и подставил голову, шляпа ударила его по носу ребром и едва не упала в пыль. Попробовал еще — и снова неудачно.

Базарная суета и гам остались позади. Изумленный наставшей тишиной, Фалалей огляделся. Город кончался. Тропинка шла в гору. На ветру по бокам ее металась иссушенная солнцем трава. На колючих кустах щебетали, выклевывая зерна, птички, похожие на чижей. За изгородью шпалерою стояли пыльные оливы, осыпанные мелкими серыми ягодами...

Впереди перед собой Фалалей увидел насыпанный вал. По валу шагал английский часовой с ружьем. Увидев Фалалея, часовой махнул рукой. Фалалей остановился и крикнул издали:

— Рушен сайлор! Рушен чип!

Он снял шляпу и надел на голову матроску. Часовой остановился и указал рукой влево.

Фалалей взглянул туда. Далеко под его ногами лежало море. На рейде стояло множество кораблей. И Фалалей среди них не мог разглядеть знакомые мачты русского фрегата. Лодки под красными парусами носились по рейду туда и сюда. Крутая узкая тропа, высеченная в скале, вела вниз, к порту. Солнце клонилось к закату.

Фалалею очень захотелось пить. Он понял, что тропа, указанная часовым, — самый короткий путь к порту...

На узкой тропе из-под ног Фалалея сыпались камни, шляпа парусила, и ее едва не сдуло под кручу. Бережно прижав шляпу к груди, Фалалей спустился к морю...

У причала стояло, толкаясь бортами, мно-

Шляпница бросила полтинник Фалалея на чашку весов.

го корабельных шлюпок. На слани в лодках спали матросы, оставленные сторожить. Ни один не отозвался на крик Фалалея. Напрасно он взывал:

— Рушен сайлор! Рушен чип!

Шлюпки «Проворного» не было видно.

В одной из лодок, маленьком черном осмоленном тузике, сидел веснущатый рыжий мальчишка. Он удил, спустив лесу в воду, и подергивал ее.

— Рушен сайлор! Рушен чип! — сказал Фалалей.

Мальчишка посмотрел на Фалалея и ответил:

— Он мне рассказывает. А я сам не вижу?!

Фалалей свистнул.

— Да ты, брат, наш? Отколь же?!

— Из того же места. С батюшкой треску итальянцам везем. Поморы мы. Понял? Да батюшка, видать, на берегу загулял.

— Братец, свези меня на фрегат.

— Не повезу. Видишь, ужу. Тут, брат, макрель на тряпочку берет. Во какая!

— Да где же? Хоть одну покажи.

— Она покамест в море...

— Свези, братец! Будь добрый, Вася.

— А ты почему узнал, что меня Василием зовут?

— Сразу видать. Свези, Вася...

— Нипочем! Да и корабль твой, истинный бог не вру, уж полувыти [1] тому назад ушел в море. Поднял тридцать парусов — да и был таков...

— Ну это ты хвастаешь! Без меня корабль уйти в море не может...

— Ан и ушел.

— Нет, не ушел. Я уж вижу — вон он стоит!

— Эна он? Ан не он вовсе.

— Свези, Вася.

— А тебя как звать?

— Фалалеем.

— Эх ты, горе! Истинно Фалалей. Тоже: купил себе шляпу. Али стибрил на базаре? Ворюга!

Фалалей достал из кармана медяки, потряс ими на ладони.

— А хоть и не вези. За мной командир особенно «двойку» пришлет. Меня там все уважают, и командир и товарищи...

— А линька, поди, частенько пробуешь?

— У нас в гвардейском экипаже не порют. У нас господа хорошие!

— Ну уж это врешь! Как же это вашего брата не пороть? Ох, и вздрючат тебя, братец, за то, что на берегу остался. «Господа!» — ты, стало, не матрос, а барский?!

Фалалей ничего не ответил. Снял матроску, сунул ее в карман, поставил новокупленную шляпу на палец, быстро закрутил, подбросил вверх и подставил голову — на этот раз вышло очень удачно...

— Видал?

— Садись, что ли,— сказал Вася, сдаваясь, — надо своего человека к месту представить.

Фалалей спрыгнул в тузик и отвязал от рыма фалинь. На дне лодки лежал, по морскому обычаю, плоский анкерок с пресной водой...

— Вася, дай напиться...

— Пей. В пресной воде отказа моряку не полагается...

Фалалей откупорил анкерок и напился.

Вася стоя «загаланил» кормовым веслом, и тузик виляя побежал от берега к кораблям. Вечерело.

Работая веслом, Вася болтал:

— Ну уж и посуда ваша. Еще назвали тоже «Проворный». Хм! Давеча я батеньку вез мимо: подвахтенные на помпах кланяются. А наша шкуна — во гляди! В трюме сухо: портянки не выстираешь. А то зайдем ко мне на шкуну — ромом угощу... А? Некогда? Проштрафился? — ворчал Вася, огибая корму своей шкуны.

На резной ее корме среди раскрашенных завитков аканта была надпись:

«Бог — моя надежда»...

Фалалей зажал нос и сказал:

— Фу, как вонько пахнет!

Вася обиделся...

— Трещочкой, конечно, попахивает. Да ничего — итальянцы кушают да хвалят... Мы с батенькой все моря прошли. А ты, видать, впервой... Ну, ваше благородие, вылазь...

Около «Проворного» по левому борту качалось множество зачаленных одна к другой лодок.

Фалалей перешагнул через борт в лодку, полную полосатых арбузов и желтых дынь...

— Спасибо, Вася! До скорого свиданья...

— Дай копейку!

— А этого не хочешь?!

— Эх, ты! Фалалей — одно слово! Хоть бы спасибо сказал. Да еще поланкерка воды выдул!

Волной тузик отбило от лодок. Вася поплыл прочь и издали грозил.

— Погоди! Тем летом мы с батенькой

[1] Полувыти — полдоли, выть — доля. Здесь — в смысле получаса.

в Кронштадт придем. Я тебя там найду! Попробуешь моего кулака! Алырник! Окоём!— сыпал Вася поморские бранные слова.

Не слушая его, Фалалей, перескакивая с лодки на лодку, пробирался к трапу корабля.

„Контрабанда“

Капитан-лейтенант Козин вернулся на корабль сильно не в духе. Поведение молодежи на обеде у лорда Чатама, аплодисменты революционной песне и особенно тост мичмана Беляева в честь испанской республики — все это представлялось Козину почти преступным. Доноса можно было не опасаться: на «Проворном» нет аракчеевских шпионов. Но молодежь такова: вернувшись, сами на себя в Кронштадте наболтают и, пожалуй, наплетут больше, чем было в самом деле.

На корабле досада у Козина еще усилилась. Фрегат стал похож на пловучий базар. Несколько десятков лодок, и маленьких и больших, почти барок, толкалось бортами и качалось на волнах по левой стороне «Проворного».

Гомон стоял на лодках и на палубе фрегата. Торговцы наперебой выкрикивали свои товары: свежие «винные ягоды», изюм, фисташки, грецкие и кокосовые орехи, финики, вяленую прямо с гребешками сизую малагу, яблоки, груши, арбузы и дыни, бананы, рыбу, засушенных крабов с хвостами и без хвостов, вареных темнокрасных лангустов с длинными усами и огромными зазубренными клешнями, раковины, в которых, если поднести к уху, шумело море, персидский золотистый шолк и пестрые индийские шали. В клетках щебетали канарейки, кричали, качаясь на перекладинах и кольцах, зеленые и белые с розовыми хохлами попугаи; живые черепахи ворошились в корзинках. В одной из лодок, в лохани с пресной водой, лежал свернувшись молодой крокодил, и около него сожженный солнцем, полунагой феллах сидел печально и поникнув, уверенный, что крокодила никто не купит.

По палубам шатались продавцы с мелким товаром: с бусами, кораллами и бирюзой, с матросскими ножами и «толедскими» клинками из немецкого города Золингена... Один матрос приторговывал чудесную уздечку в серебре для коня... Матросы вместо трубок дымили сигарами. Все подвахтенные были пьяны. На палубах мусор, апельсинные корки, ореховая скорлупа, кожура бананов. Медные поручни, начищенные утром до нестерпимого блеска, потускнели от потных, грязных рук...

— Не корабль, а бог знает что! — ворчал капитан-лейтенант Козин, шагая по-наполеоновски на шканцах, где было чисто, все сверкало и было пусто: сюда не пускали никого.

Всюду, куда ни обращался с высоты взор командира, ему попадал на глаза юркий мальчишка в широкополом сомбреро с кистями. То он прыгает с лодки на лодку и дразнит крокодила, потчуя его виноградом, то ныряет по трапу на нижнюю палубу, то на баке, то снова на лодке и, покупая зеленого попугая, выкрикивает свою цену:

— Уэн? Ту? Три? Фор? Файф?!

Торговец отрицательно качает головой...

Козин не сразу догадался, что это флейтщик Фалалей. Узнав же, он хотел его позвать и распечь, но мальчишка вдруг куда-то пропал.

Еще было далеко до спуска флага, однако Козин приказал прогнать торговцев и лодкам отчалить.

Матросы гнали толпу с корабля в толчки. Поднялись вопль и визг: одному не доплатили, у другого что-то украли, третий впопыхах рассыпал по деке свой товар и собирал его, ползая по палубе.

Наконец, отдали концы, и лодки, сначала стаей, а потом раз'единясь, отплыли.

— Мыть палубу! — приказал вахтенный офицер.

Матросы принялись ворча за уборку корабля. Козин ушел вниз, в свою каюту, чтобы выпить стаканчик рому. Когда он снова поднялся наверх, то увидел, что не все гости покинули корабль, и удивился. По верхней палубе расхаживали важно испанцы в расшитых золотом куртках и широкополых шляпах с кистями — очевидно, они считали, что распоряжение покинуть корабль к ним не относится. С одним из испанцев, видимо, главным, оживленно беседовал у трапа мичман Беляев. Фалалей в своей великолепной шляпе вертелся около них, засматривая испанцу в лицо.

— Мичман! Боцман! Флейтщик! — разом выкрикнул капитан-лейтенант.

Беляев крепко потряс руку испанца и поднялся на ют. Вслед за ним явились боцман Чепурной и флейтщик. Все трое стояли молча перед командиром...

— Мичман Беляев, что вы там фамильярничали с контрабандистом?..

— Это не контрабандист, Николай Алексеевич... Это командир гверильясов Вальдес.

— Я вам не Николай Алексеевич, а капитан-лейтенант его величества.

У Беляева побелели губы...

— Николай Алексеевич, в присутствии боцмана...

— Прошу вас, сударь, замолчать. Вы арестованы. Извольте идти в каюту...

Беляев молча отстегнул кортик, протянул командиру и в недоумении спустился вниз.

Козин обратился к Чепурному:

— Боцман! Ты пьян?

— Никак нет, ваше высокородие. Трохи выпил на берегу... лимонаду. Жара смучила...

— Ага! Жара? Ты не пьян! А как же ты не видишь, что у тебя на корабле маскарад?

— Где, ваше высокородие? Маскарад? Не вижу.

— А это что? — Козин сорвал с головы Фалалея шляпу. — Это головной убор для матроса императорского флота?..

— Мала еще детина, ваше высокородие, что с него спросить?!

— Я не с него, а с тебя спрошу. А ему дать двадцать линьков.

— Слушаю-с, ваше высокородие...

— И всех этих индюков долой с корабля! — Козин указал на испанцев.

Боцман подтолкнул Фалалея к трапу. Оставив шляпу в руках командира, Фалалей скатился вниз, скользнул по поручням руками. Боцман достал из кармана линёк и, схватив Фалалея за локоть, приговаривал, похлестывая себя веревкой (так рассерженный тигр бьет себя хвостом по бедрам):

— Не за то тебя, хлопче, пороть буду, что шляпу купил...

— А за что же, дяденька?

— А за то, что меня на берегу бросил. Держался бы за большой палец, так ни?!

Последняя лодка с испанцами отчалила от борта фрегата, но держалась неподалеку. Козин остался на юте со шляпой Фалалея в руках, он не знал, что с ней делать.

— Глупо, сударь, глупо! — бранил он себя.

«Разбойники» расселись в своей лодке на ящиках и бочках. Послышались рокот гитары, стрекотанье мандолин — испанцы запели...

— Опять «Марш Риэго»!

Козин, не помня себя от гнева, швырнул шляпу Фалалея за борт...

Она поплыла, упав на воду полями. С лодки заметили, подобрались к шляпе, выловили и со смехом повесили сушить.

С крепости бухнула пушка... Солнце скрылось за горой в золотистой пыли. На военных кораблях всех наций началась церемония спуска флага. Команда «Проворного» стояла в строю. Рокотали барабаны. Свистала флейта Фалалея. На британском флагмане играл оркестр. С крепости пели рожки горнистов. На «Проворном» после спуска флага хор в пятьсот голосов пропел вечернюю молитву.

Ночь покрыла рейд и горы разом, задернула синь занавесом серых облаков. В небе ни одной звезды. Только скупые клотиковые огни созвездием своим говорили о том, что на рейде много кораблей, — ничего не стало видно. Порт не уснул — началась безмолвная ночная жизнь: парусные лодки носились, подобно летучим мышам, меж кораблями, со всех сторон слышался плеск весел.

Стоя на вахте, мичман Бодиско не раз слышал, что к самому фрегату крадутся лодки.

— Вахтенные! Не зевать! — покрикивал мичман, услышав, что близко стукнуло весло, и крикнул по-английски:—Лодка, прочь!

Разобрав из сеток койки, команда «Проворного» подвешивала их, готовясь спать.

В кубрике было шумно. Все матросы бранили Чепурного за то, что он отвесил Фалалею двадцать линьков.

— В гвардейском экипаже порки не полагается!..

— Так Козин дал приказ! — оправдывался Чепурной, — должен я слушать приказ или нет?!

— Матросов не порют! — ныл Фалалей.

— Так ты не матрос, а дудка!

— Юнга я!

— Юнгов в поход не берут!

— А вот взяли! Кинусь вот в море! А то убегу с корабля к испанцам! — жалобно причитал Фалалей, вытирая сухие глаза...

— Ну, хлопче, ну! Я тебе кинусь! Я тебе... Я тебя только для проформы, а уж кинешься в море — я тебя тогда!

— Братцы! Он меня еще пороть хочет!

— Не бойся, дудка, не дадим! Чепурной, брось манеру линёк в кармане носить!

— Братцы, отымите у него линёк, — посоветовал Фалалей.

Чепурной сам смотал линёк в комок и

вышвырнул за борт, в открытый полупортик...

Команда угомонилась. Но по вздохам и шопоту было слышно, что многие не спят. Фалалей прислушивался к шороху волн за бортом, плеску и стуку лодочных весел и голосам. Первым захрапел Чепурной...

— Захрюкал кабан! — громко сказал Фалалей.

Никто не отозвался.

В каюткомпании за трубкой после ужина офицерская молодежь, утомленная бестолковым днем, вяло отозвалась на предложение Бодиско обсудить поступок командира:

— Нас послали сюда на плохое дело. Он разлакомится, пожалуй, палки введет...

— Полно, Бодиско! Ты из мухи делаешь слона! — устало махнув рукой, сказал Бестужев.

Офицеры разошлись по своим каютам.

Мичман Беляев беспечно и крепко спал в своей каюте, забыв задвинуть засов. Лейтенант Бестужев вошел в каюту, зажег свечу и принялся трясти Беляева:

— Сашенька, беда! Вставай, Фалалей пропал!

— Фу, ты! Что за вздор!

— Вставай же, говорю. Надо доложить капитану!

Беляев поспешно оделся.

На палубе, куда они с Бестужевым вышли, их ждал Чепурной.

Он всхлипывал:

— Так я же его только для проформы постегал! А он — в море! Свою шляпу ловить. Боже ж мой! Христианина будут есть чужие раки...

Беляев прикрикнул на боцмана:

— Что за галиматья! Ты видел, что он кинулся в воду?

— Ни!

— Так и не болтай вздора. Малютка не таков, чтобы топиться. Бодиско, доложи Николаю Алексеевичу. Я не могу сам явиться, я арестован...

Козин еще не спал, занося при свете восковой свечи в свой журнал события дня. Капитан приказал осторожно, не тревожа команды, обыскать фрегат. Оказалось, что вместе с Фалалеем пропали его флейта и сумка.

— Морскому царю теперь играет наш хлопчик! — горестно воскликнул Чепурной.

— Молчать, боцман! — грозно крикнул капитан. — Где ты видел, чтобы матрос российского флота топился? Он сбежал. Эти канальи все вертелись до ночи около фрегата...

Козин выслал боцмана, вернул Беляеву кортик и сказал:

— Сашенька, прости меня, я переборщил...

— Я не сержусь, Николай Алексеич, но что же нам делать?!

— Спусти вельбот, бери людей. Отправляйся немедля и обыщи лодки инсургентов. Я заметил, они стоят стаей близ купеческой стенки.

— Помилуйте, Николай Алексеич, ночь! Нас могут встретить выстрелами...

— Ничего. Лорд Чатам их держит в строгости. Не бойся.

— Я не боюсь, но насколько это удобно для нашего флага?

— Мичман Беляев, прошу не рассуждать и исполнить, что вам приказывают. По возвращении, флейтщика — ко мне! Я не буду спать...

— Повинуюсь! Но...

— Никаких «но»!

Спустили шлюпку. Беляев сел на руль. Шлюпка отплыла... На «Проворном», как ни старались все делать в тишине, перебудили всю команду. Никто не спал, все ждали возвращения шлюпки.

Когда на всех кораблях в порту вразбробь пробили полуночные склянки, — шлюпка вернулась ни с чем. Инсургенты, не противясь обыску, сами засветили фонари. Ни на одной из лодок Фалалея не нашлось.

Первым у трапа Беляева встретил боцман Чепурной. В руках у него мичман сразу разглядел при свете фонаря новокупленную шляпу Фалалея.

— Так он на корабле?! — воскликнул мичман.

— Ни!

— Откуда же шляпа?

— Да бис его знает. Ребята позвали меня на палубу, говорят: «Дивись!» Смотрю — и верно: шпанская шляпа на крюке висит...

— Чудеса!

Бодиско, сменяясь с вахты, приказал вахтенным зорко следить и не подпускать к фрегату лодок. Уже рассветало.

Козину показали шляпу Фалалея. Он повертел ее в руках, поправляя покоробленные от воды, еще сырые края...

— Ну, конечно, он на корабле! — заключил Козин. — Где-нибудь спрятался негодяй и смеется над нами.

— Но откуда же шляпа, Николай Алексеич?

— Шляпа?

— Да, шляпа. Вы выкинули за борт... Но... Sombrero ne va pas sombrer! [1].

— Мичман Беляев!

— Да, капитан!

— Шляпу мог кто-нибудь выловить... ну... высушить и ну... подкинуть на палубу... Оставьте шляпу мне и ступайте спать! Надо, наконец, людям дать покой. Я знаю, он завтра вылезет сам из какой-нибудь щели...

— Уж тогда я его!—прошептал боцман,— уж тогда я его, уж не для проформы!

Пчельник

Ночь была свежая Когда лодка инсургентов вышла из бухты Гибралтара, ее качнула крутая волна. В море было светлее чем в порту, заставленном с трех сторон горами. Фалалей удивился, что красный днем парус на рейде был чернее ночи, а тут, в море, казался белым — белей воды и неба.

Флейтщик дрожал, но не от холода и не от страха, а от того, что его судьба решалась, — он не знал, что еще будет с ним.

К мальчику склонилась голова, повязанная платком, крепкая рука легла на его плечо. Испанец накинул ему на плечи плащ и мягко повалил на дно лодки, укрывая от прохладного ветра и теплых брызг морской волны.

Фалалею стало тепло и хорошо, он лег навзничь и смотрел вверх. Над ним с шумом проносилось крыло паруса, при поворотах лодка лавировала. В разрыве облаков сверкнула синяя звезда. Фалалей думал про свой корабль и злобно шептал:

— Поплачете обо мне еще!

Заплакал сам и в слезах забылся крепким сном.

Его разбудила тишина. Шум и шорох волн прекратились. Светлело. Парус, снова красный, висел праздно, чуть плеща острым краем. Фалалей поднялся, сбросил плащ и вскочил. Лодка стояла у берега, в тиховодье маленькой бухточки. Узкая щель меж голых скал уходила темнея в высоту. В глубине ущелья серебрился ниспадая ручеек. Бросив сходню на берег, испанцы скатывали по ней бочонки. На берегу уже лежали выгруженные плоские ящики, в какие укладывают оружие. Испанцы работали, скупо перекидываясь короткими словами. Фалалей молча принялся им помогать.

Покорный ослик с вьюком дожидался своей череды, пощипывая сухую, колючую траву. На бока ослику привесили на вьюке два бочонка. Не ожидая поощрения, ослик пошел сам собою в гору по крутой тропе. Ящики подняли подвое на плечи и понесли вверх.

Фалалею ничего не пришлось бы нести, но он выпросил себе ружье у командира. Тот отдал. Взвалив ружье на плечо, закинув сумку с флейтой за спину, Фалалей пошел вслед за всеми. Последним шел командир, он нес на ремне, перекинутом через плечо, две большие оплетенные бутыли с вином.

Тропа шла круто все в гору. Сначала легкое, ружье делалось все тяжелее и больно било Фалалея по ключице. Он перекладывал ружье с одного плеча на другое, и оба плеча одинаково невыносимо ныли. Фалалей оглянулся назад, на командира, ожидая, что тот его пожалеет и возьмет ружье себе обратно.

«Ни за что не отдам!» — решил ответить Фалалей и остановился, глядя в лицо командиру. Тот улыбнулся строго и печально и молча указал глазами вперед: они отстали... Фалалей двинулся догонять караван, браня и себя, и ружье, и испанцев.

Одежда у всех запылилась. Солнце выглянуло из-за горы; сразу сделалось жарко. Небесный покров растаял. Перышком сказочной жар-птицы летело одинокое алое облако в глубокой синеве. Томила жажда, а ручеек где-то, в глубине ущелья, невидимый и недоступный, звеня и журча, дразнил, катясь по камням в соленое море...

В одном месте пришлось перейти через ущелье по узкому и зыбкому мосту. Переходили поочереди. Сначала перешел со своей ношей ослик. За ним—подвое испанцы с длинными ящиками на плечах. Когда все носильщики перешли мост, командир взял Фалалея за руку, боясь, что тот сорвется в пропасть с ничем не огражденного моста. Фалалей вырвал руку. Спокойно перешел по зыбкому мосту, даже заглянул в темную глубину ущелья — это было не страшнее, чем сидеть на клотике гротмачты, свесив ноги...

За мостом командир велел каравану отдохнуть. Ослика разгрузили. Он начал жалобно кричать: его тоже мучила жажда.

[1] Сомбреро не утонет! Sombrer на морском языке — идти ко дну.

Испанцы расселись на ящиках, достали из сумок серый хлеб и оловянные стаканы. Командир налил каждому вина из оплетенных бутылей. Свой стакан он подал Фалалею. Кривым складным ножом он отрезал Фалалею половину своего хлеба и закурил сигару.

Фалалей поступил, как все: ломая и мокая черствый хлеб в вино, ждал, пока кусок набухнет, и ел. Вино было легко и приятно. Стакана оказалось довольно, чтобы совсем пропала жажда. Фалалею сделалось весело. Когда Фалалей с'ел весь хлеб, принялся за еду и командир. Дали хлеба, смоченного в вине, и ослику, что очень удивило Фалалея.

После отдыха караван пустился дальше в том же строе. Только командир поменялся с Фалалеем ношей: он взял себе ружье, а Фалалею отдал бутыли из-под вина — они обе опустели.

Идти было легче. Да и тропа расширилась, пошла полого вниз, по бокам ее, в камнях, зазеленела трава, запестрели цветы... Летали бабочки, на миг приникая к цветам. Носились пулями шмели и пчелы.

Ущелье расступилось. И взору Фалалея предстала изумрудная долина, похожая на огромную плоскую чашу, окруженную соснами. Их вершины напоминали пламя, раздуваемое ветром. Край долины обступили серые скалы. И темные развалины нето церкви, нето рыцарского замка высились в том месте, где ручей, покидая зеленую долину, низвергался с края в пропасть тонкой струей. К развалинам, обвитым виноградом, прислонилась хижина под соломенной кровлей. Белая безрогая коза, привязанная около хижины, заблеяла навстречу каравану. Ослик ей ответил радостным ревом.

На крик осла из хижины вышел человек и издали приветливо махнул рукой.

Фалалей остановился в изумлении: на поляне, около развалин, было расставлено по траве, испещренной цветами, несколько огромных шляп, сплетенных из жгутов соломы, очень похожих тульей на шляпу, купленную Фалалеем в Гибралтаре. Только эти шляпы годились бы великанам, и у них не было полей.

Тут же Фалалей увидел серые холсты, разостланные на траве, и на них тонким пластом курчавые тонкие стружки...

Бывает в жизни часто, и с каждым это бывало, что незнакомое и странное делается сразу, каким-то внутренним ударом по маленькой детали, по мелочи какой-нибудь, понятным, близким и знакомым. И Фалалей, увидев холсты со стружкой, понял, что это белят на солнце воск, что это пчельник, а шляпы великанов — ульи.

Он вспомнил другую поляну, в липовом лесу, уставленную серыми колодами под квадратными крышками. Среди поляны омшанник, проконопаченный косматым мохом, и под тесовой крышей серую избушку, подслеповатую, с радужными от старины оконцами. И дед-старовер вспомнился Фалалею, кудлатый, с острыми глазами на заросшем волосами лице, в белой холщевой рубахе, в полосатых посконных штанах, босой.

От медвяного запаха трав у Фалалея закружилась голова. Фалалей, на ходу засыпая, едва добрел до хижины у башни, сложенной из серых глыб, повалился на траву и окунулся в блаженный темный сон...

Проснулся он к вечеру и не мог понять впросонках, где он и что с ним. Зеленый сумрак вливался в низкую дверь со двора. Над головой его висели пучки трав, струя сухой и строгий аромат. Фалалей лежал раздетый. Разутые ноги сладко ныли. Под головой жесткая подушка. С воли слышались блеянье коз и чужие голоса... За дверью, на низеньком табурете, сидел старик с кудрявой седой головой, постукивая чеботарским молотком. Около него, на земле, валялось несколько пар обуви, среди нее Фалалей увидел и свои морские сапоги с короткими рыжими голенищами...

Фалалей привстал и сел. Одежда лежала рядом, на скамейке. Он оделся, вышел и хотел взять сапоги. Старик мотнул головой и по-своему сказал: «Еще не готово». Оба сапога Фалалея ощерились спереди мелкими зубами деревянных шпилек — они «просили каши». Старик бросил на землю ботинок и принялся за фалалеевы сапоги.

Фалалея позвали. Он увидел своих новых друзей — все сидели на скамьях, у стола, под навесом, обвитом плетями желтых роз с темными лаковыми листьями.

Разбитым ногам было приятно ступать по ласковой прохладной траве.

Фалалей подошел к испанцам. Командир подвинулся и дал Фалалею место около себя. На столе лежал бурдючок с вином, растопырив ножки. Фалалею нацедили из бурдючка немного вина. Оно было темное, как кровь, и густое. В оловянной тарелке лежал накрошенный сыр, в другой, истекая желтым медом,— соты. Кто-то протянул Фалалею желтую лепешку. Но ему не хотелось ни пить, ни есть. Он только отведал меду и, пожевав порядочный комочек воску, переваливал его во рту со щеки на щеку.

Стоя, Фалалей начал играть... Пальцы плохо слушались.

Ему что-то смеясь говорили, что-то предлагали. Командир чокнулся с ним, и все, подняв вверх кружки, враз закричали.

— Ваше здоровье! — важно промолвил Фалалей, подняв кружку. — Спасибо! Очень благодарен! Рушен сайлор! Рушен чип! Ура!

Короткая речь Фалалея всем, видимо, понравилась. Опрокинув кружки, испанцы заговорили между собой. Командир, обняв Фалалея, повел широко рукой и сказал ему что-то. Мальчик догадался, что ему предлагают здесь остаться или, может быть, спрашивают, понравилось ли ему тут.

— Но!—решительно ответил Фалалей.— У вас тут, конечно, очень хорошо. А у моего деда, в Липецком уезде, — знаешь? Не слыхал? Тоже есть пчельник. Ну где вам! Как липы зацветут, — дух запирает! Пчела у вас будет, пожалуй, покрупнее. Ну, а

мед! Где вам! Рушен сайлор! Рушен чип! Но! Окончательно скажу: но!

Командир молча кивнул головой...

Когда дед кончил работу, испанцы начали собираться в обратный путь.

Бочонков и ящиков Фалалей не заметил; должно быть, их спрятали до поры где-нибудь в темном погребе развалин.

Обувшись, Фалалей нашарил в кармане брюк мыльную наощупь, стертую серебряную монету и протянул деду. Тот покачал головой, нахмурился, не взял.

— Не хочешь? Ну спасибо... А я думал, ты бедный. А мой бы дед взял. Спасибо, дедушка. Я напишу тебе из дому письмо, как там у нас дела. Покуда, до свиданья...

Старик улыбнулся, пошел в свою хижину, принес сумку Фалалея и достал оттуда флейту...

— Сыграть? Это можно. Чего бы тебе сыграть? Хочешь марш? Нет? Рушен? Можно рушен. Слушайте все.

Стоя, Фалалей начал играть... Пальцы плохо слушались. Печальная, унылая песня огласила окрестность... Сердце Фалалея сжала тоска. На глазах навернулись слезы... Губы ему не повиновались. Флейта вздохнула и смолкла...

— Во как у нас! — пробормотал Фалалей...

Испанцы захлопали в ладоши. Дед сорвал несколько больших виноградных листьев, завернул в них кусок белого сыру, сот меду, лепешку и все положил Фалалею в мешок, что-то приговаривая.

Караван налегке пустился в обратный путь и глубокой ночью спустился вниз, к закрытой бухте, где дожидалась лодка.

Возвращение

«Проворный» готовился покинуть гибралтарский рейд. Не разыскав на фрегате Фалалея, командир заявил начальнику порта о пропаже с корабля мальчика-флейтщика, прося, если отыщется, доставить его на русскую поморскую шкуну, которая стояла на рейде с грузом трески для Италии.

Уже выкатывали якорь, когда к «Проворному» подошла лодка под красным парусом. Испанцы были опять в расшитых куртках и широкополых шляпах. Фалалей, стоя на борту лодки, махал шапкой и кричал отчаянно:

— Братцы! Братцы! Погодите!

Командир позволил лодке причалить к правому почетному трапу: он был, пожалуй, больше всех рад возвращению Фалалея.

На палубу фрегата поднялся командир испанцев, а за ним понуро Фалалей. Сашенька Беляев их встречал. А за ним стоял усмехаясь боцман Чепурной и, нащупывая в кармане брюк новый линёк, приговаривал:

— Теперь уж нет! Не для проформы! Теперь уж не для проформы! Я тебя! Я тебя!

Задержав руку Беляева в своей, испанец сказал по-английски:

— Не наказывайте мальчика. Это бравый парень. Он хотел сразиться за свободу!

Мичман ответил пылко:

— Благодарю вас, синьор! Это он успеет сделать дома!

Испанец снял шляпу и поклонился. Он спустился в лодку. Лодка отчалила. Матросы на «Проворном» побежали по вантам. Упали и распустились паруса. Якорь выдернули как репку. Паруса наполнились ветром. Фрегат развернулся и, рассекая волны, двинулся. С борта грохнули пушки, салютуя британскому флагу. Крепость отвечала равным числом выстрелов.

«Проворный» вышел из бухты в открытое море.

Офицеры после спуска флага пригласили капитан-лейтенанта Козина в кают-компанию. Обычай флота таков: никто из офицеров не имеет входа в каюту командира без приглашения, но и командир может войти в кают-компанию, только будучи приглашенным.

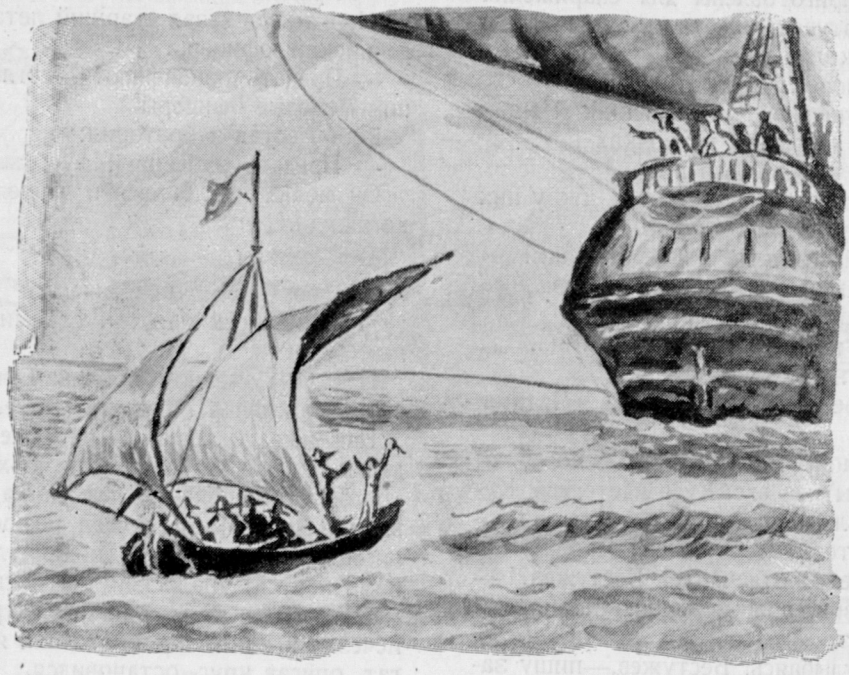
Предстояло обсудить поступок Фалалея. Мичман Беляев успел допросить Фалалея и теперь рассказал в кают-компании, как все случилось.

Фалалей в тот день, когда купил себе сомбреро, не мог долго заснуть после наказания и прислушивался к тому, что на корабле и за его бортом. Ему послышалось, что на второй палубе открывают левый бортовой люк. Натянув брюки, Фалалей прокрался туда и увидел, что люк и точно открыт, а за бортом стоит пришвартованная лодка. Фонаря не было. Кто-то из матросов «Проворного» тихо переговаривался с людьми в лодке на матросском языке.

— Чего это они, дяденька? — спросил Фалалей потихоньку.

— Молчи! Шляпу тебе привезли! — и сунул шляпу в руки Фалалея.

Фалалей обрадовался, вернулся в кубрик, повесил шляпу на коечный крюк и вдруг



Фалалей махал шапкой и кричал: «Братцы! Братцы! Погодите!»

решил убежать. Захватил флейту и сумку, прокрался снова на вторую палубу и хотел попроситься, чтобы его взяли в лодку. Тут вахтенный сверху окрикнул лодку, подозревая что-то неладное. Она отчалила. Фалалей спрыгнул в лодку, и люк тихо за ним закрылся.

«— Зачем ты убежал? — спросил я Фалалея, — продолжал Беляев свой доклад. — Тебе обидно было за порку?

— Обидно, само собой. Да, главное, хотелось еще раз в Испании побыть, а на берег после того меня больше бы не взяли...» — Вот и все, Николай Алексеич. Мы позвали вас сюда просить, чтобы малютку не наказывали... Все дело кончилось пустяками.

— Что же это такое, господа? — гневно воскликнул Козин.— Это по-твоему, Сашенька, пустяки? Будем говорить, как родные. Это пустяки? Люди открывают в ночную вахту люк. К кораблю подходит лодка. Зачем? Мичман Бодиско, я спрашиваю вас как вахтенного начальника. Вы видели, что к борту подошла лодка?

— Видеть было нельзя: ночь — чернее чернил. Лодки все время юлили вокруг нас. Я несколько раз окрикивал и приказывал вахтенным смотреть зорче.

— Вы должны были слышать, если не видали...

— Не слышал, каюсь. Я был очень утомлен, Николай Алексеич...

— Да, да, господа! Вы тогда были очень, очень у т о м л е н ы! Надо допросить флейтщика, быть может, он опознает тех из наших людей, кои тогда открыли люк.

— Малютка не сделает этого ни за что, если б даже он узнал тогда людей,—уверенно ответил Беляев.

— Надо осмотреть корабль. Возможно, что мы взяли на борт контрабанду. Фалалей-то видел: грузили что-нибудь на корабль из лодки?

— Только шляпу, Николай Алексеич...

Молодежь рассмеялась... Старший летами артиллерийский офицер сказал серьезно:

— Я уверен, что к нам ничего не грузили, но кое-что выгрузили. Бомбардир Одинцов доложил мне, что у нас не хватает двух бочонков пороха...

Козин вскочил с места.

— Что? Что вы, дорогой мой! Замолчите!

Артиллерист спокойно курил и ответил, разведя руками:

— Да, очень жаль, но это так.

— Они лазили ночью в крюйт-камеру? Вы допустили это? Вы пойдете под суд, сударь мой!

— Если под суд, то вместе с вами, капитан-лейтенант. Но будьте покойны: на крюйт-камере никто замков не ломал. Бо-

чонки были приготовлены для снаряжения холостых картузов. Очень уж мы часто салютуем, Николай Алексеич!

— Какой порох: ружейный?

— Нет, пушечный, английский. Наших клейм, будьте покойны, на бочках нет.

— Зачем им пушечный порох?

— Они, может быть, надеются, что у них будет своя артиллерия.

— Фалалей видел на лодке бочонки?

— Да, два всего, — ответил Беляев.

— Еще что?

— Ящики, надо думать, с ружьями...

— Ну это не от нас!

— Наверное! Подарок лорда Чатама, вернее всего.

— Боже мой, боже мой!.. Господа, вы молоды. Я опытнее вас. Куда идете вы? Куда толкаете людей? Вы сами идете в пропасть и их толкаете туда... Господа! Что вы там делаете, отвечайте, Бестужев?! — вскричал Козин, прерывая свою проповедь.

— Делаю то, что обязан делать,—ответил, лукаво улыбаясь, Бестужев,—пишу заметки. Ведь я же назначен по высочайшему повелению историографом корабля. Я должен подробно описать наши подвиги, наш славный поход... К этому мне сейчас представился единственный случай...

— Что мне делать с вами, господа? Вы все шутите, смеетесь, а отвечаю я. И перед государем, и перед законом, и перед своею совестью. Что мне делать?.. Скажите?

— Предать забвению! Всё предать забвению! — тихо сказал старший летами артиллерийский офицер...

— Предать забвению! — согласились с ним молодые офицеры.

Козин встал и повторил:

— Предать забвению!

Он молча поклонился и вышел из кают-компании.

★

«Проворный», подгоняемый попутным ветром, на всех парусах стремился к родным берегам.

Плавание океаном, проливами и Балтикой было спокойное, благополучное.

Наконец, открылись плоские берега и дюны Эстляндии. Выглянули верхушки мачт торговых кораблей в кронштадтской гавани. «Проворный» вошел на рейд. Раздались выстрелы салюта, подтянулись фестонами паруса, упали реи; матросы побежали по вантам, и паруса на всех трех мачтах исчезли в мгновенье ока. Упал якорь. Фрегат, описав круг, остановился.

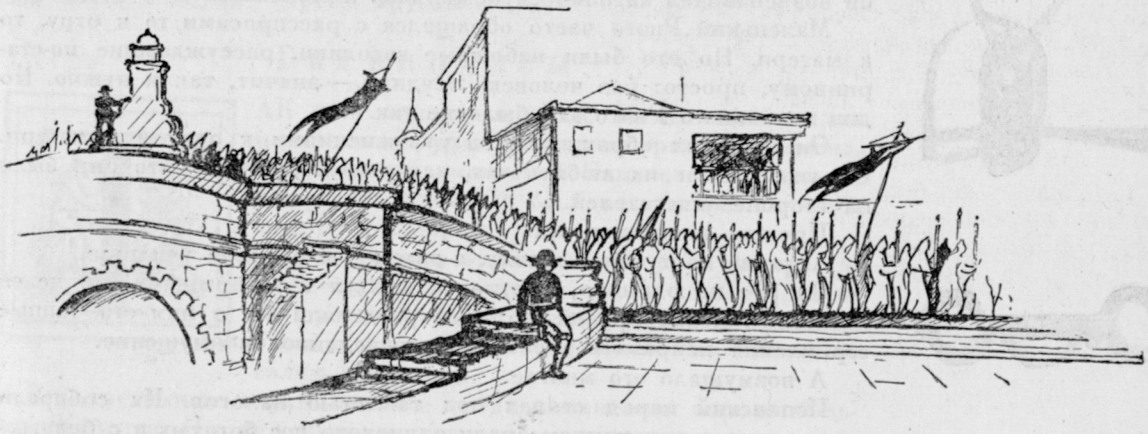
★

Флейтщик Фалалей 14 декабря 1825 года вышел вместе с ротой гвардейского экипажа на Сенатскую площадь и был убит картечью при залпе царской артиллерии по восставшим против Николая Первого войскам.

1825—1925—1937.

Об'яснения

1. *Бак* — передняя возвышенная часть палубы корабля.
2. *Боцман* — старшина матросов.
3. *Гверильясы* — партизаны испанского восстания 1824 года.
4. *Двойка* — двухвесельная лодка.
5. *Инсургенты* — повстанцы.
6. *Комедиа дель арте* — представление в народном театре, разыгрываемое актерами. И пьеса и роли импровизируются—сочиняются к случаю, перед самым спектаклем.
7. *Крюйт-камера* — помещение на корабле для хранения пороха и снарядов.
8. *Кубрик* — помещение для матросов под баком.
9. *Линёк* — короткий обрезок тонкого каната с узлом на конце.
10. *«Насвистывать ветер»* — ложное поверье, что свистом во время штиля можно вызвать ветер.
11. *Омшанник* — теплое зимнее помещение для пчелиных ульев.
12. *Рым* — береговой причал ввиде кольца или тумбы.
13. *Салинг* — поперечный брус на верхушке мачты. Выше салинга нет парусов и возвышается конечная стеньга для под'ема вымпела.
14. *«Свистать всех наверх»* — команда, которой вызывают всех людей на корабле на верхнюю палубу при аврале — работе, требующей участия всей команды.
15. *Тарифа* — испанский порт неподалеку от Гибралтара.
16. *Тузик* — совсем маленькая лодка в форме ореховой скорлупы.
17. *Шканцы* — место на кормовой палубе около флагштока, на котором поднимается знамя корабля — кормовой флаг.
18. *Телеграф Шаппа* по способу действия напоминает семафоры на железных дорогах. Разные положения крыльев телеграфа на высокой мачте обозначали те или иные буквы; подобно этому, в наше время на флоте «семафорят» флажками. Располагая ряд семафоров так, чтобы любой средний телеграфист видел еще два: один впереди, другой сзади,—можно, повторяя сигналы, передавать телеграммы на большое расстояние. При Николае Первом Зимний дворец в Петербурге был соединен телеграфом Шаппа с дворцом германского императора в Берлине.



РИЭГО

Проф. Е. Тарле *Рисунки Б. Синявского*

Детские годы

ОДИН из кораблей, бесстрашно защищающих сейчас берега революционной Испании, носит имя Риэго. И это имя уже давно свято чтит испанский народ.

Кто же этот человек? Это один из самых замечательных испанских революционеров прошлого времени.

В 1785 году в Испании в небогатой дворянской семье Нуньец дель Риэго родился мальчик, которого назвали Антонио-Александр.

Тогда в Испании была королевская власть. Мальчик дель Риэго был с самого детства необычайно чуток ко всякой несправедливости, обиде и угнетению.

Однажды Риэго с отцом поехал в соседнее имение. По дороге им встретилась странная процессия. Мальчик видел ее впервые. Впереди шли люди в белых балахонах с зажженными свечами в руках и пели погребальные песни. Это были монахи. За монахами вели человека. На нем тоже была длинная белая одежда. Но лицо его было закрыто, а руки связаны за спиной.

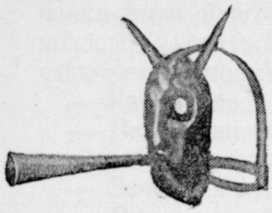
— Что это такое? — спросил маленький Риэго у отца.

И тот об'яснил, что этот человек виновен: он еретик, он несогласен с католической церковью. И за это суд великой инквизиции приговорил его к смертной казни. По-настоящему его должны были сжечь на костре. Но король по своей милости разрешил его повесить.

Антонио побежал за процессией. Он увидел, как человека под руки возвели на помост, как палач затянул на его шее веревку и потом вздернул на виселицу.

Мальчик заплакал, забился в руках отца: с ним случился нервный припадок. После этого он несколько дней болел.

Всю жизнь не мог Риэго забыть этой ужасной картины и потом говорил, что именно в это время, а ему было тогда 8 лет, он научился ненавидеть притеснителей, убивающих людей лишь за то,



что они хотят свободно высказывать свои мысли. И с ранних лет он возненавидел католическую церковь и монахов.

Маленький Риэго часто обращался с расспросами то к отцу, то к матери. Но это были набожные католики, рассуждавшие по-старинному, просто: раз человека осудили,— значит, так и нужно. Но для маленького Риэго это было не так.

Он перестал обращаться за раз'яснениями к отцу и к матери. Он уже не мог их любить так, как раньше, потому что они были на стороне угнетателей.

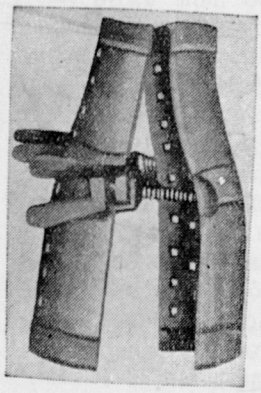
Прошло несколько лет.

Антонио поступил в школу, а затем — в военное училище.

Он рос не одиноко, охотно сближался с товарищами, но не со всеми. Он искал друзей, которые разделяли бы с ним его тайные стремления исправить зло и его справедливое возмущение.

А возмущало его многое.

Испанский народ стонал под тяжестью налогов. Их собирали четыре раза в год, причем брали одинаково и с богатых и с бедных. Но человеку, имеющему 10 тысяч песет доходу, ничего не стоит уплатить 100 из них королю. Для того же человека, который имел только 100 песет,— это значило отдать последнее.



Сборщики появлялись в городе с самого утра. Риэго с ужасом следил за ними. Сначала они обходили богатые дома, где сборы кончались мирно. Тут сумки их легко наполнялись золотыми песетами. Но у домов бедных, где жили ремесленники или крестьяне, всегда стоял шум: бранились мужчины, и раздавался плач старух. Сборщики выволакивали из домов столы, скамьи, грубо сколоченную мебель, женскую одежду, станки, на которых люди зарабатывали свой хлеб, и тут же, на улице, начинался торг. Продавали все за бесценок до тех пор, пока налог не был собран сполна.

Но были и такие бедняки, у которых не находили даже стола. Тогда сборщики выбивали в окнах стекла, запрещая чем-нибудь их затыкать. А надо сказать, что в Испании, в горных местах, стоит суровая зима.

У Риэго был друг из очень бедной семьи. И вот однажды зимой пришли к нему сборщики и выбили в доме стекла. Маленький брат школьного товарища Риэго, еще грудной ребенок, простудился и умер. Умерла от простуды и мать. Узнав об этом от друга, Риэго поклялся мстить.

Он поклялся, что когда вырастет, то об'единит вокруг себя всех, кто жалеет бедных, кто вместе с ним будет бороться с угнетателями, чтобы низвергнуть королевскую власть.

Но пока Риэго был еще молод и слаб, а

Придумывая пытки, отцы инквизиции проявляли удивительную изобретательность.

Здесь на рисунках изображены маска с воронкой, через которую наливали свинец в рот еретикам, кандалы, «испанский сапог» для дробления костей, а внизу — одна из самых страшных пыток — замуровывание в стену живого человека.

власть короля сильна, говорить об этом приходилось втихомолку и то лишь с двумя — тремя друзьями.

Гверильясы

ТАК шли медленные годы. И неожиданно для испанского народа наступили грозные времена. Французский император Наполеон об'явил поход на Испанию. Он был тогда самым сильным в мире государем.

Вся Европа была покорна ему: Австрия и Пруссия были разгромлены, и дважды разбиты русские войска. Маленькой Испании нельзя было и думать о сопротивлении непобедимым силам Наполеона.

Эти тревожные слухи вызвали среди испанского народа большие волнения. Но не испанские гранды, не дворяне, не католическое духовенство стали на защиту Испании от иноземного завоевания. Когда Наполеон ввел в Испанию войска, дворяне и церковь первые покорились ему. Бедняки же заявили, что они не покорятся и не отдадут своей родины врагу. Среди бедняков был и Риэго. Он встал во главе одного из отрядов, выступивших против французов.

Дело было опасное. Наполеон вошел в Испанию с огромной армией. Казалось, страна мгновенно будет стерта с лица земли. И действительно, король и королевская семья были взяты в плен и высланы во Францию. Испанским королем Наполеон назначил своего брата. Каждый непокорный испанец был об'явлен преступником, которого ждала одна кара — военный суд и расстрел в 24 часа. В плен никого не брали.

Наступили страшные для Испании дни.

Испанская армия была разбита, страна покорена, в городах стояли французские гарнизоны.

Но Риэго со своими товарищами решил ни за что не покориться.

Есть испанское слово — гверилья. Это значит маленькая война. И люди, занимающиеся этой войной, зовутся в Испании гверильясами. Мы же их называем другим словом — партизаны. Это слово нам хорошо известно.

В горах и лесах они неожиданно нападали на обозы, курьеров, небольшие отряды французов. Как только сражение оканчивалось, каждый гверильяс уходил особой дорогой, а помогавшие им крестьяне возвращались по домам. Врагов у Наполеона были тысячи, но ни одного нельзя было поймать. Сообщение между французскими отрядами было прервано, продовольствие армии не доставлялось. Один из историков говорил: «Лев, замученный до смерти комаром из басни,— вот верная картина французской армии».

Наполеон приказал окружить и поджигать леса, где повсюду прятались отряды гверильясов. Но леса Испании обширны. К тому же гверильясы начали прятаться в пещерах. Наполеон велел замуровывать выходы из пещер. И все же ничего не помогало.

Бывало так, что французы, вступив в испанскую деревню, не находили там ни одного человека. Вся деревня сидела где-нибудь поблизости в горной пещере.

По ночам из пещеры тайно выходили люди, доставали для гверильясов припасы: хлеб и сыр — и снова исчезали бесследно.

Найдя такую пещеру, французы тотчас же окружали ее. Солдаты раскладывали огонь у входа и ждали, пока дым не проникнет под своды.

Ждать им приходилось недолго: из пещеры начинали доноситься вскоре стоны задыхающихся людей. Французы кричали, что помилуют всех, кто выйдет. Но никто не выходил. Гверильясы предпочитали задохнуться в дыму, чем отдаться на милость врагов: так велико было их ожесточение.

Риэго с самого начала войны был одним из главных вождей гверильясов.

Ему было 23 года, когда Наполеон вторгся в Испанию. Но он уже командовал отрядом гверильясов, самым грозным для французов.

Уже давно на перекрестках всех испанских дорог висели об'явления о Риэго. И тот, кто выдаст его живым или мертвым, получит большую награду.

Но напрасно французы сулили золото. Народ не выдавал Риэго, потому что он боролся за свободу Испании.

Однажды от французов явился к гверильясам испанец. Одежда его была оборвана, и сам он был худ и истощен от голода. Он рассказал, что попал в плен к французам. Но они его не расстреляли, как обычно, а послали к Риэго сказать ему, что сопротивление бессмысленно. Вся Европа под властью императора. Все равно гверильясы погибнут. Но если они положат оружие, император обещает им свою милость: их не будут преследовать, они смогут спокойно жить.

— Если ты испанец,— сказал Риэго гонцу,— то как мог ты не только передать мне эти слова, но даже брать от врага такое поручение?

— Я сделал это только для того,— ответил испанец,— чтобы сражаться с французами. И если я плохо поступил, то расстреляй меня.

— Я тебя не расстреляю,— сказал ему Риэго,— но в ближайшей же стычке ты должен доказать, что ты настоящий испанец.

— Ты увидишь это сам,— ответил гонец.

И действительно, в первом же сражении он взял на себя самое опасное дело. Он так близко подошел к французам, что успел убить их офицера. И тут же сам упал на землю: французская пуля попала ему в горло.

Гверильясы вынесли его труп из огня. И Риэго велел его похоронить торжественно в лесу.

— Это был настоящий испанец,— сказал Риэго на его могиле.

Гверильясы продолжали упорно бороться с врагами. И долгое время вождь гверильясов Риэго был неуловим. Но однажды в сражении пуля сбила его с лошади. Он упал и был взят в плен. Французы не знали, кого они держат в плену. Никто не выдал им имени Риэго, и он был посажен в тюрьму как простой гверильяс. Затем из тюрьмы его выпустили, и он прожил в плену несколько лет.

Даже Наполеон не мог уничтожить всех завоеваний французской революции. По сравнению с Испанией Франция была более свободной страной. И Риэго во Франции набрался еще больше революционного духа.

Лишь потом, года через полтора, французы узнали, что их пленник был Риэго.

— Мы знаем, кто ты,— сказали они ему,— но об'ясни нам: как можешь ты бороться против Наполеона? Ему подвластна вся Европа. А вас так мало.

— Передайте императору,— ответил им Риэго,— что перебить нас всех он все равно не может, хотя и делает это уж несколько лет. Пусть лучше мы погибнем, но не покоримся.

Король Фердинанд VII, запуганный Наполеоном, отказался от

Испании. Наполеон поселил его в одном замке во Франции. Борьбой против Наполеона начали руководить кортесы (собрание выборных). Они сначала собрались на маленьком острове, а потом перебрались в Кадикс, на клочок испанской земли, осажденный французской армией. В разгаре войны кортесы приняли конституцию страны. Эта конституция для того времени была очень передовой и революционной, потому что в ней говорилось, что власть принадлежит народу и король выполняет его волю.

Смерть Риэго

А то время, что Риэго был в плену, к счастью для него, произошло много новых событий, которых никто предвидеть не мог.

Наполеон пошел в Россию, на Москву. Это было началом гибели наполеоновской империи. Москва сгорела. Французская армия отступила. Восстала вся Европа, и после долгой борьбы Наполеон пал. Французы убрались из Испании, и на престол ее вернулся пленный король Фердинанд VII.

Он вступил в Мадрид 14 мая 1814 года.

Сначала Риэго ликовал. Выпущенный из плена, он тоже возвратился на родину. Наполеона нет, французов нет. Все как будто хорошо.

Но очень скоро Риэго увидел, что все не так хорошо, как кажется. Фердинанд начал действовать по-старому: иезуиты, монастыри и тайная полиция были восстановлены, конституция была отменена.

Снова появились сборщики налогов, опять пошли в ход страшные насилия над людьми. Людей били плетьми и розгами, засекали до смерти.

Риэго, прождав несколько лет, убедился, что Фердинанд нисколько не лучше Наполеона. Король остался королем.

Прошло 6 лет, и снова Риэго собрал своих товарищей.

— Пять лет,— сказал он им,— испанский народ проливал свою кровь, чтобы добиться свободы. Разве мы для того добивались освобождения от французов, чтобы терпеть еще худшие притеснения от короля? Наш долг — бороться против него так же, как мы боролись против Наполеона.

Риэго удалось составить целую группу верных ему офицеров. Он был в то время полковником королевской армии.

В 1819 году король решил послать армию против восставших испанских колоний в Америке. Кирога и другие офицеры решили во время смотра поднять солдат этой экспедиционной армии, заставить короля отказаться от своей жестокой политики и подчиниться конституции 1812 года. Но их замыслы выдал королю один генерал — участник заговора. Он разоружил полки, а офицеров арестовал. Кироге удалось бежать из тюрьмы, и он уговорился с Риэго одновременно начать восстание. Риэго командовал батальоном астурийцев. Его батальон находился в центре экспедиционной армии и был со всех сторон окружен войсками. Риэго смело повел свой батальон. Он был уверен в верности солдат конституции. 1 января 1820 года Риэго арестовал главнокомандующего и его штаб, хотя их защищало вдвое больше солдат, чем было у Риэго. Риэго сделал больше, чем ему было поручено: он привлек на свою сторону 5 тысяч солдат и офицеров и двинулся с этим отрядом по Испании, всюду об'являя конституцию. Кирога же спокойно ждал Риэго и ни-

чего не делал. Король успел собрать войска, и революционный отряд был осажден на острове де Леон.

Тогда Риэго собрал подвижной отряд из 1500 самых решительных бойцов и отправился с ним по Испании. За ним гнался вдесятеро сильнейший отряд королевских войск, но он не мог догнать и окружить отряд Риэго.

Произошел целый ряд упорных боев. И, наконец, с Риэго осталось только 200 человек. Все остальные были частью перебиты, частью перешли на сторону правительственной армии.

Некоторые товарищи Риэго стали поговаривать, что, может быть, лучше сложить оружие. Но Риэго заявил, что если даже их всех до единого убьют, так это все равно принесет пользу революции и, может быть, в недалеком будущем, лет через 50, их имена и беззаветное геройство поднимут на борьбу новые поколения.

— И если я останусь даже один,— говорил Риэго,— я все равно и один не покорюсь.

Все же Риэго должен был распустить свой маленький отряд. Но слух о героическом походе Риэго прошел по всей Испании. В провинциях, в одной за другой, народ восставал и требовал конституции. Восстала и королевская армия. Король испугался и дал ложную клятву — признать конституцию 1812 года, за которую так отважно боролся Риэго. Открылись двери тюрем — и революционеры вышли на свободу. Дело Риэго победило.

Случилось это в 1820 году. Тогда во всей Европе царил жесточайший деспотизм и Испания оставалась единственной свободной страной.

Передовые, революционно настроенные люди во всех странах Европы ликовали, и даже в далекой России, где в это время были мрачные времена аракчеевщины, поэт Пушкин с гордостью и восторгом говорил о победе Риэго, который не потерял бодрости даже тогда, когда, казалось, все погибло.

Фердинанд был хитрый, трусливый и жестокий тиран. Он не смирился, он знал, что ему помогут и австрийский и русский императоры. Целых 3 года ожидал он этой помощи.

И вот, наконец, Александр I, русский император, австрийский император Франц I и французский король Людовик XVIII сговорились и решили, что пора вмешаться в испанские дела, задушить свободу испанского народа и снова посадить на престол Фердинанда. Французская армия перешла границу через два ущелья в Пиренейских горах, близ Охачавии и Ронсевалеса, и вторглась в пределы Испании.

Французы разбили войска Риэго, он остался один и скрылся. Фердинанд, который утвердился при помощи французских штыков, опять начал искать Риэго.

За его голову была обещана большая награда. Долго прятался Риэго то в лесах, то в горах и, наконец, все-таки попал в плен.

Все, кто стоял за революцию и за свободу испанского народа, встретили это трагическое известие с ужасом, а те, кто стоял за деспотизм, радовались и торжествовали.

Однажды русский император Александр I вышел к своим придворным и сказал: «Поздравляю всех, господа. Риэго взят в плен».

В толпе придворных находился и князь Воронцов, одесский генерал-губернатор. Желая подслужиться к царю, он подобострастно сказал: «Какая счастливая новость, государь!»

А Риэго в это время был заключен в тюрьму, где не было ни одного окна. Через маленькое отверстие в стене ему бросали пищу прямо на пол. Его нарочно кормили только соленым и не давали пить. Его жестоко пытали, на него надевали «испанский сапог»,

в который были вбиты гвозди, и эти гвозди впивались в его тело. Он все это терпел.

Наконец, убедившись, что от него ничего нельзя добиться, Фердинанд приказал его повесить.

Это страшное известие дошло до Пушкина. Одновременно от друзей он узнал о выходке Воронцова и в возмущении написал на него уничтожающие стихи:

«Сказали раз царю, что, наконец,
Мятежный вождь Риэго был удавлен.
«Я очень рад,— сказал усердный льстец,—
От одного мерзавца мир избавлен».

Кончается стихотворение так:

«Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться нам над жертвой палача.
Сам государь такого доброхотства
Не захотел улыбкой наградить.
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства».

Было большой смелостью в аракчеевской казарме, какой была тогда русская империя, выступить с такими стихами. Пушкин не мог открыто писать против царя, но люди, умевшие читать между строк, понимали, что иронизируя, Пушкин выступает не только против ничтожного Воронцова, но и против царя Александра, который был заодно с убийцами Риэго.

Пушкин был очень удручен известием о смерти Риэго. Да и все лучшие люди в Европе понимали, что теперь испанская революция будет задушена.

Но дело Риэго не погибло. Память о нем сохранилась не только в испанском народе. Когда в 1825 году русские декабристы поднимали восстание — они брали пример с Риэго и Кирога.

В трех испанских городах стоят памятники Риэго. Испанцы гордятся этим пламенным борцом за свободу. Его необычайный героизм, прекрасное сердце и преданность, готовность всем пожертвовать за революцию — все эти черты до сих пор служат примером для революционного испанского народа. Риэго был очень скромен: он не любил говорить о себе, о своей храбрости и о своих заслугах. И не любил, когда его хвалили. Он говорил: «Ничего особенного я не делаю. Наша жизнь коротка, и нужно, чтобы человек прожил ее с достоинством, а не стоял бы на коленях перед Фердинандом или Наполеоном».

Он говорил, что с детских лет надо прививать человеку любовь к правде и ненависть к несправедливости.

Риэго был очень храбрым. Однажды он наклеил себе седую бороду и под видом нищего прокрался во французскую армию, пробыл среди французов трое суток и высмотрел их лагерь.

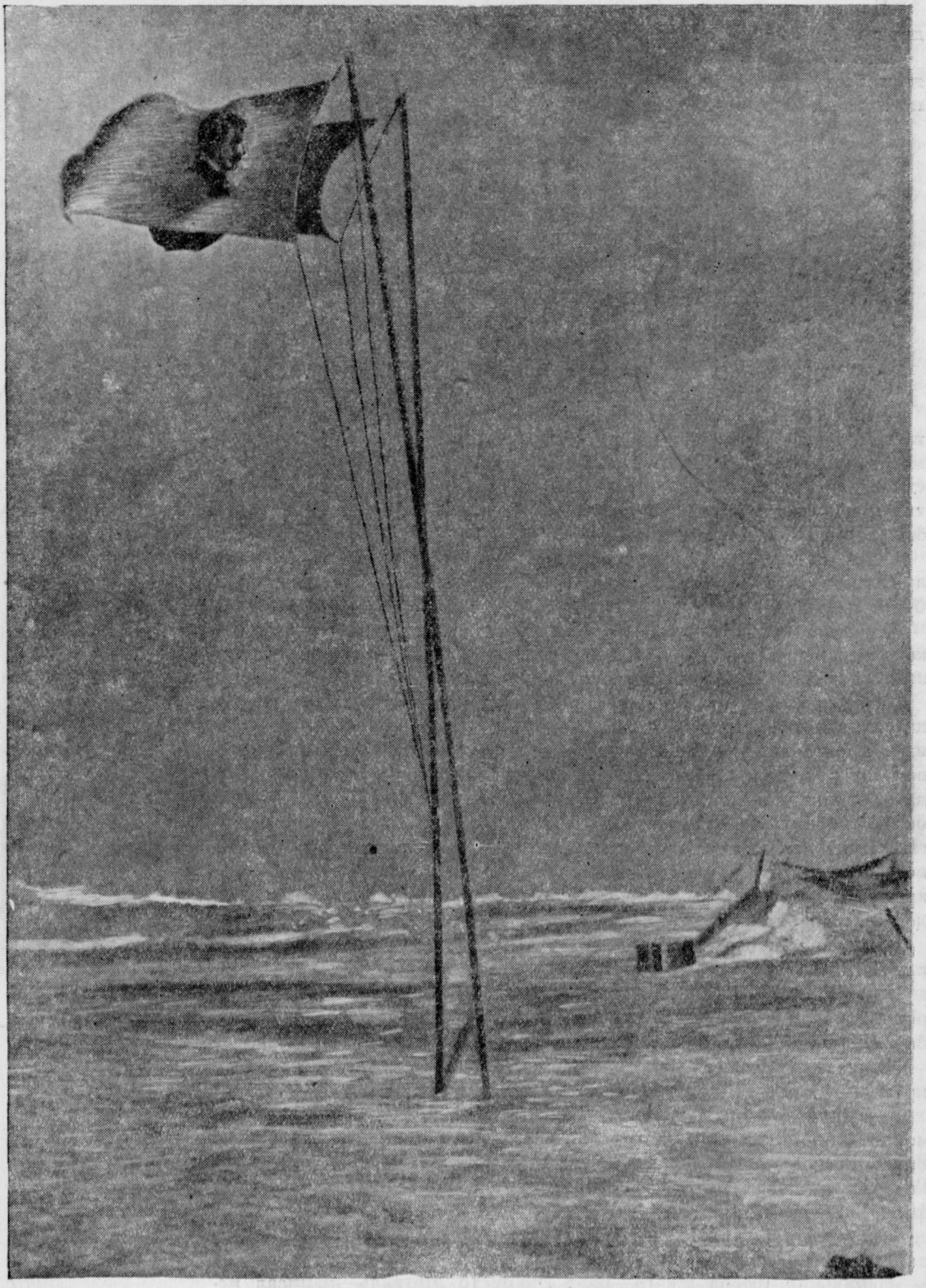
И всегда, если попадалось какое-нибудь опасное дело, он никому не поручал его, а непременно брал его на себя.

Как-то отряд Риэго сильно голодал. Долго не было никакой помощи, и вдруг пришла из деревни женщина и принесла для одного Риэго несколько картофелин, чтобы он подкрепил свои силы. Но Риэго никогда не выделял себя и тут же приказал отдать картофель раненым.

Вот каким был этот замечательный революционер Риэго, и не даром память его так чтит испанский народ.

Начальник штаба Риэго—поэт Эваристо Мигуэль—написал испанский революционный гимн, который так и называется «Гимном Риэго». Этот гимн переложен на музыку, и под звуки «Гимна Риэго» нынешние испанские республиканцы идут на бой против фашистов.

Советский флаг над Северным полюсом



Над необозримыми ледяными просторами Северного полюса гордо развеваются два флага: один из них — флаг нашей великой родины, другой — вымпел с изображением вдохновителя завоевания полюса — товарища Сталина.

Полярные сияния

Проф. Н. Н. Зубов

В 1930 году, в сентябре, когда даже птицы улетают на юг, мы собрались на маленьком деревянном суденышке идти на север, в неизведанные высокие широты.

Сейчас в Арктике трудно заблудиться. Но в то время не было еще ни радиомаяков, ни пеленгаторных станций, не было даже достаточно точных морских карт, которые помогают мореплавателям находить свое место в море, и мы должны были прокладывать путь по солнцу и по компасу.

И понятно, что перед выходом из Мурманска мы особенно внимательно проверили, как ведет себя наш компас. Компас проверяют перед каждым плаванием, а особенно важно сделать это перед полярным походом и вот почему: к великому удовольствию мореплавателей, земля представляет собой огромный магнит, полюсы которого расположены недалеко от географических полюсов земного шара. Это знают почти все, и многие думают, что магнитные силы земли у полюсов должны быть гораздо больше чем, например, на экваторе. Лет триста назад находились даже «очевидцы», которые утверждали, что в полярных морях магнитная сила так велика, что выдергивает железные гвозди из бортов кораблей. Если бы это было так, полярные мореплаватели не стали бы возражать. Им пришлось бы, правда, сбивать свои корабли деревянными или медными гвоздями, но зато можно было бы спокойно положиться на компас.

К сожалению, дело обстоит совсем иначе. Правда, магнитные силы земли не везде одинаковы: в одном месте они несколько больше, в другом меньше, но разница эта не так уж велика. Чтобы заметить и измерить эту разницу, понадобились очень точные наблюдения. Такими наблюдениями ученые начали заниматься уже давно, и еще сто лет назад знаменитый физик Гаусс создал общую теорию земного магнетизма, которой пользуются до сих пор и которая ясно показывает, как осторожно надо относиться к показаниям компаса в полярных районах.

Теория Гаусса в общем сводится к тому, что вокруг земного шара так же, как вокруг любого магнита, от полюса к полюсу как бы протянуты бесчисленные невидимые магнитные силовые линии, которые направляют магнитную стрелку. Эти линии охватывают всю землю, но если у экватора они направлены горизонтально, то у полюсов идут почти вертикально, потом, точно струи огромного фонтана, рассыпаются в стороны и загибаются к противоположному полюсу. На самом же магнитном полюсе силовые линии идут строго вертикально. И если в этом месте поместить свободно подвешенную магнитную стрелку, она не будет показывать ни на север, ни на юг, а просто одним концом повернется к центру земли, а другим — к зениту, т. е. к середине видимой части неба. Чем ближе к экватору, тем значительнее действуют горизонтальные силы, устанавливающие стрелку вдоль меридиана. Они, как резинки, растягивают ее за оба конца, на север и на юг, и если повернуть стрелку компаса на экваторе, она очень быстро успокоится и займет прежнее положение. У полюса же, наоборот, сильнее работают вертикальные силы; они пригибают один конец стрелки к земле, другой — тянут кверху и очень слабо действуют на ее направление. Поэтому вблизи магнитного полюса выведенная из спокойного состояния магнитная стрелка долго и лениво раскачивается из стороны в сторону. Поэтому и компас на севере, как говорят моряки, «застаивается» и особенно легко поддается всевозможным посторонним влияниям. У полюса самая ничтожная причина может изменить показания компаса, и в высоких широтах им иногда вовсе нельзя верить.

Сполохи

Но нам на тот раз не из чего было выбирать. Пришлось полагаться на свой компас, и, проверив его, мы пошли в море. Мы собирались долго. 3 сентября, наконец, вышли, но к вечеру нам пришлось вернуться. На нашем судне испортился мотор, и мы встали в Екатерининской гавани, чтобы дождаться следующего утра. Ночью в бухте было тихо, в море же бушевал шторм. Он разогнал облака, небо расчистилось и осветилось сполохами. Досадуя на непредвиденную задержку и без того запоздавшего рейса, мы в то же время любовались одним из

самых загадочных и самых красивых явлений природы, которые бывают и в Арктике и в Антарктике,— полярным сиянием.

Описать северное, или, точнее, полярное, сияние, рассказать о его необычайной красоте невозможно. Иногда это просто светлые, бесформенные пятна на небе, похожие на светящиеся облака. Иногда лучи полярного сияния идут прямыми столбами, как лучи прожекторов. Эти столбы танцуют на небе, мерцают и перекрещиваются. Иногда сияние напоминает прозрачный, кисейный занавес с причудливыми разноцветными узорами, который как будто беспрерывно колышется на ветру; иногда кажется, что несколько занавесов повешены один над другим и каждый из них колеблется сам по себе и по каждому пробегают яркие вспышки зеленых, голубых, желтых и красных огней. Иногда эти занавесы превращаются вдруг в длинные шолковые ленты, и кажется, что кто-то машет и водит этой бахромой по всему небу и ленты переливаются всеми цветами радуги. И занавесы и ленты эти так легки, так прозрачны и так воздушны, что через них прекрасно видны звезды на небе. А самое замечательное—это то, что еще никто и никогда не видел двух одинаковых полярных сияний. Каждое мгновенье они меняют силу и цвет, форму и положение, и часто бывает, что по всему небу мечутся какие-то чудовищные перья, гораздо ярче павлиньих, и мечутся они так стремительно и быстро, что лучше и не пытайтесь уследить за ними.

Но если кому-нибудь из вас придется плавать в полярных морях, вот так же, как нам тогда, с магнитным компасом, и по небу забегают сполохи, тогда смотрите в оба! Может случиться, что картушка вашего компаса вдруг забеспокоится, отклонится градусов на 10, на 20, закачается из стороны в сторону, и тогда лучше не надейтесь на ее показания. Запишите в вахтенный журнал о том, что началась магнитная буря, и ждите, когда она окончится.

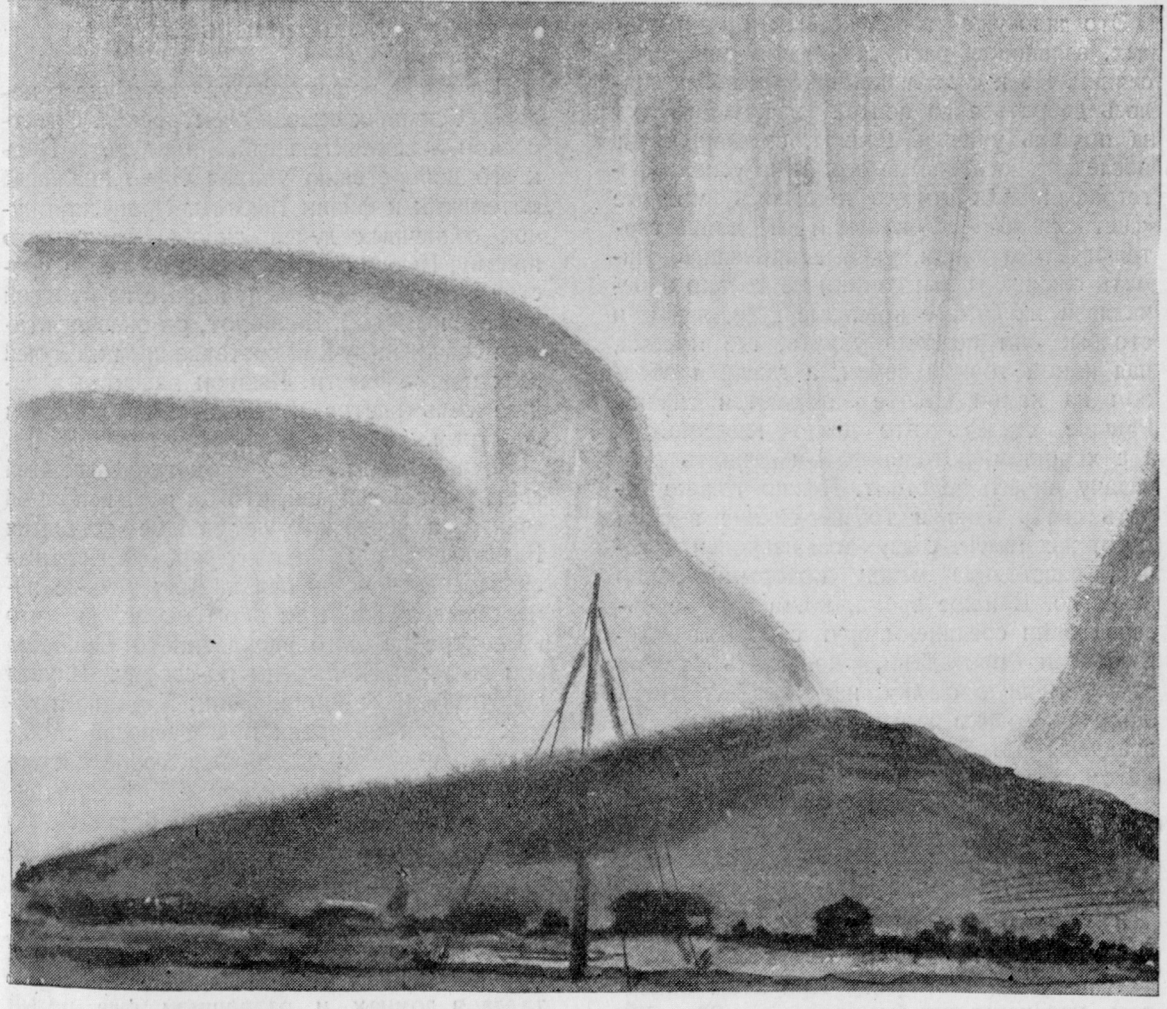
Магнитные бури

Магнитная буря — это тоже замечательное явление. Правда, его не видно, как полярное сияние, но оно не менее загадочно и не менее поразительно, особенно для моряка, который привык верить своему компасу и уважать его. И понятно, что с тех пор как моряки стали пользоваться компасом, они пытались разгадать тайну магнитных бурь, научиться бороться с ними или хотя бы предсказывать их. Но очень долго загадка магнитных бурь так и оставалась загадкой. И, чтобы разгадать ее, потребовался коллективный труд многих ученых, потребовалось много лет упорной работы, которая только недавно привела, наконец, к каким-то результатам.

Наше судно шло в тот раз к берегам Земли Франца-Иосифа, и, думая о цели нашего похода, мы не могли не вспомнить Вайпрехта и Пайера, впервые зазимовавших на этой пустынной земле. А вспоминая Вайпрехта, нельзя не вспомнить, сколько знаний и труда этот замечательный ученый вложил в изучение Арктики. По его инициативе началась настоящая наука о Севере. Это он добился того, что в Гренландии и в Норвегии, в Сибири и на Аляске были установлены постоянные полярные станции.

И если теперь в программе работ каждой из этих станций стоят наблюдения над магнитными явлениями и полярными сияниями, — в этом тоже заслуга Вайпрехта, так как он один из первых сделал самые подробные и самые научные наблюдения над этими явлениями, тесно связанными между собой, и указал на значение этих наблюдений.

С наблюдений начинается всякая наука. Наблюдения сравнивают, сопоставляют и на основании этих сопоставлений делают какие-то предположения и выводы. И вот тут с полярными сияниями было особенно трудно. Большинство явлений природы давно уже научились измерять, отграничивать от других похожих явлений и как-то фиксировать; фотографировать, например. А с северными сияниями получилось совсем иначе. Долгое время ученые могли любоваться сиянием — и только. Фотографии не получались, зарисовки выходили непохожими, а об измерениях нечего было и думать. И никто не знал не только о том, как и почему светится полярное сияние, не знали даже, где именно происходит это свечение. Полярные сияния, хотя они и называются полярными, можно наблюдать на всем земном шаре. В 1925 году, например, было отмечено сияние над Средиземным морем. Бывают они и в Сингапуре, который лежит на 1-м градусе северной широты, и единственно, что можно сказать о районе полярных сияний, — это то, что в одних местах сияния бывают чаще, в других — реже. Все же, сопоставив огромное число наблюдений, ученые установили, что по частоте полярные сияния располагаются на земле концентрическими кольцами, охватывающими магнитный и географический полюсы. Это само по себе



Северное сияние на Кольском полуострове.

замечательно интересно и может навести на мысль о том, что полярные сияния как-то связаны с явлениями магнетизма, а тот давно известный факт, что магнитные бури и сияния обычно сопровождают друг друга, заставил искать разгадку тайны полярных сияний где-то рядом с разгадкой тайны магнитных бурь.

Это уже дало какой-то кончик в руки ученых. Но по этому кончику еще очень трудно было распутать весь этот сложный узел.

Географы и астрономы

Все-таки кое-куда этот кончик привел: он привел к астрономам. Наблюдая и изучая магнитные бури (а изучать такое явление — это значит измерять его во времени и в пространстве), еще в середине 18-го века заметили, что в одни годы магнитные бури бывают сильнее и чаще, в другие — слабее и реже. Когда уточнили эти наблюдения, оказалось, что самые обильные магнитными бурями годы повторяются примерно через 11 лет. На первый взгляд может показаться, что эта цифра — 11 лет — ничего не значит. Но астрономы смотрят на это дело иначе: они давно знакомы с этой цифрой, и если что-нибудь в солнечной системе повторяется через промежутки в 11 лет, астрономы сразу смотрят, нет ли здесь связи еще с одним замечательным явлением.

Уже давно заметили, что поверхность солнца никогда не бывает спокойной: то и дело она покрывается темными пятнами; эти пятна разрастаются, и через некоторый промежуток времени на месте пятна из раскаленной поверхности солнца вырывается страшный взрыв. И вот оказывается, что солнечные пятна и взрывы обильнее всего появляются как раз через промежутки в 11 лет.

Моск. Публичная Б-ка

Это дало уже второй кончик в руки ученых, взявшихся распутать тайну полярных сияний. Но и с этим кончиком еще не удалось добраться до центра узла. И вот тут на помощь ученым пришла сделавшая за последние десятилетия огромные успехи фотография. Как только появились мощные «светосильные» об'ективы и высокочувствительные пластинки, ученые принялись снимать сияния. И эти снимки не только запечатлели на бумаге красивые дуги, ленты и столбы: они помогли узнать, где именно, над какой точкой земли, а главным образом на какой высоте загораются сияния. Раньше сделать это было невозможно, а с хорошим фотоаппаратом решить эту задачу ничего не стоит. Нужно только суметь снять одно и то же сияние в один и тот же момент с двух или нескольких точек, расстояние между которыми точно известно. В наше время, когда многие обсерватории соединены друг с другом телеграфными проводами, проделать такую одновременную с'емку нетрудно. А тогда остается только выяснить, куда были направлены фотоаппараты во время с'емки, а потом решить простенькую геометрическую задачку на построение треугольника по двум углам и стороне.

Проделав тысячи снимков полярных сияний и сделав тысячи таких построений, ученые установили, что сияния загораются на высоте от 80 до 1000 с лишним километров над поверхностью земли. При этом оказалось, что чаще они бывают между 80 и 380 километрами, а всего чаще—между 101 и 106 километрами. Нашли и линию максимальной повторяемости северных сияний. Она лежит вокруг Северного магнитного полюса, и замечательно, что к югу от этой линии сияния появляются на северной половине неба, а к северу от этой линии — на южной. Это уже были точные, измеренные величины, и теперь, говоря о полярных сияниях, ученые могли определенно утверждать, что, во-первых, полярные сияния располагаются вокруг магнитных полюсов земли; что, во-вторых, появление полярных сияний сопровождается магнитными бурями, которые в свою очередь совпадают с появлением солнечных пятен, и что, в-третьих, полярные сияния загораются главным образом на высоте между 101 и 106 километрами над уровнем моря... Вот эти последние цифры ученые преподносили с особенной гордостью, но, что делать с ними, они не могли придумать и прекрасно понимали, что для разгадки тайны сияний не хватает еще чего-то, самого главного.

Холодный свет

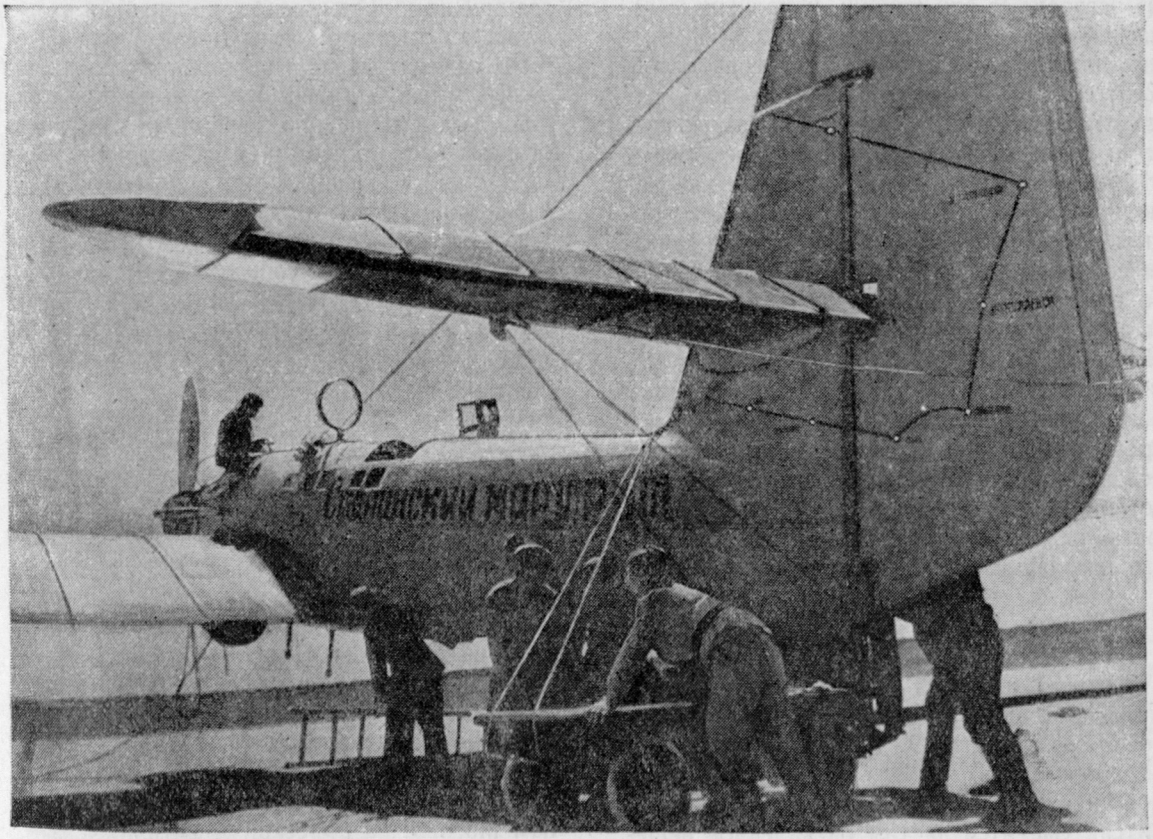
И вот тут решающую услугу науке о полярных сияниях оказал спектроскоп. Спектроскоп — замечательный прибор. Путь к его изобретению указал еще гениальный математик и физик Ньютон. Пропуская пучок солнечных лучей сквозь стеклянную призму, Ньютон обнаружил, что самый простой белый солнечный луч вовсе не простой и вовсе не белый. Наоборот, он оказался самым сложным лучом, составленным из лучей всех цветов радуги. Ньютон насчитал в радуге семь цветов и назвал их солнечным спектром.

Изучая таким же образом искусственный свет, ученые увидели, что он дает неполный спектр, а через сто лет после открытия Ньютона физик Фраунгофер, разглядывая спектры в лупу, нашел на них темные поперечные линии. При этом оказалось, что в спектре каждого раскаленного вещества эти линии расположены по-своему. Изучая фраунгоферовы линии, физик Кирхгоф и химик Бунзен изобрели новый способ химического анализа: они брали любое составное вещество, раскаливали его, рассматривали спектр его свечения и безошибочно определяли все элементы, входящие в состав этого вещества.

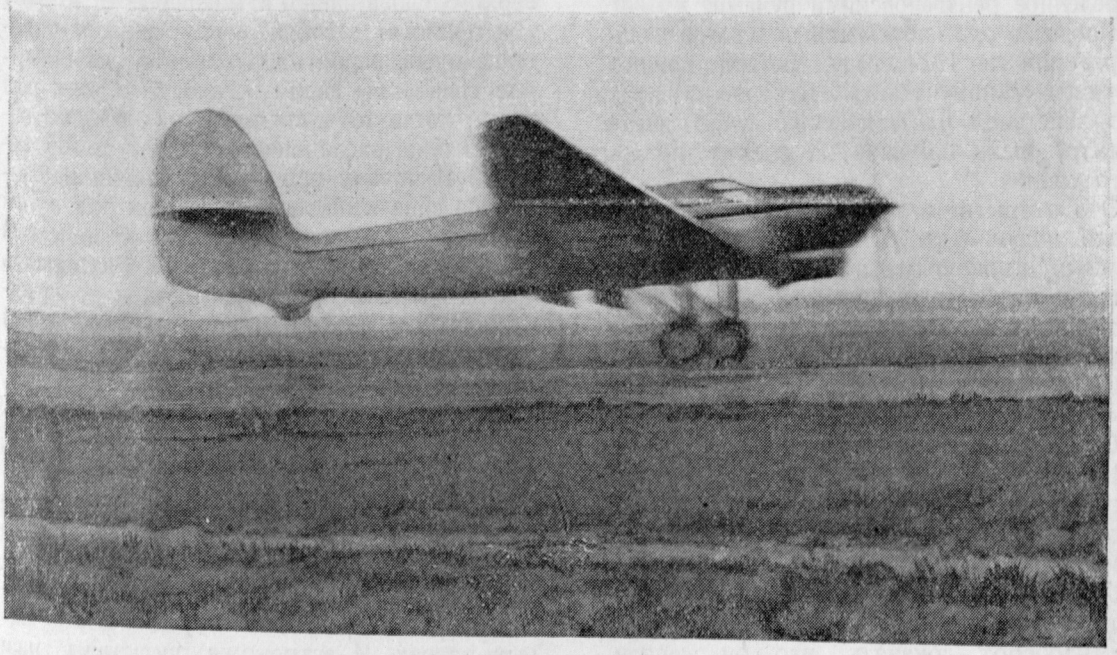
С помощью спектрального анализа узнали, из чего состоят солнце и звезды, научились определять состав расплавленного металла в домнах и разрешили еще целый ряд сложнейших задач. В химии осталось немного неразгаданных составов: стоило только суметь раскалить вещество до степени свечения — и любой элемент, входящий в его состав в самой незначительной доле, сразу выдавал себя расположением фраунгоферовых линий в спектре.

Но скоро оказалось, что необязательно и калить вещество для определения его состава.

Еще не так давно физики всего мира считали, что всякий свет — результат колебания раскаленных частиц какого-нибудь вещества. Но вот в середине прошлого столетия стеклопромышленник Гейслер изобрел холодный свет. Пропуская электрический ток высокого напряжения через трубку, наполненную сильно разреженным газом, он увидел, что газ начинает светиться необычайно красивым светом, не выделяя тепла. При этом оказалось, что разные газы давали разный цвет и у каждого был свой спектр. Гейслеровы трубки тогда же применили для иллюминации, а в наше время



Этот снимок сделан в Москве, на аэродроме, перед началом перелета по сталинскому маршруту Москва—Северный полюс—США. Машину ведут на старт.



А это момент взлета. Сталинские соколы, Герои Советского союза товарищи Чкалов, Байдуков и Беляков ведут свою замечательную машину в исторический перелет.

нет большого города, в котором по ночам не загораются эти трубки, наполненные газами — неоном и аргоном. Через несколько лет после изобретения Гейслера физик Рентген сделал новое замечательное открытие: он открыл невидимые холодные лучи, под действием которых некоторые твердые тела начинали светиться тоже холодным, но уже видимым светом. Спектроскоп и здесь безошибочно определял светящееся вещество. И нет ничего удивительного в том, что ученые, изучавшие полярные сияния, тоже обратились к спектроскопу. Но не так-то просто было это сделать: полярное сияние все время мерцает, гаснет и загорается вновь, цвет его свечения все время меняется, а изучать спектр в таких условиях, понятно, очень трудно. Пришлось соединить спектроскоп с фотоаппаратом, снять спектр сияния, а потом уже изучать его и сравнивать с другими спектрами.

Азотная скорлупа

И вот норвежский ученый Вегард при помощи фотоаппарата и спектроскопа попробовал сделать это. Он поставил своей задачей определить, из чего же состоит северное сияние. Что там светится и отчего светится? Светится ли там раскаленное вещество, или разреженный газ, пронизанный потоком заряженных электричеством частиц, или, наконец, твердое вещество, обстреленное рентгеновскими лучами.

Проделав ряд наблюдений и опытов в лаборатории в 1924 году, Вегард пришел к удивительному выводу: замерзший азот под действием рентгеновских лучей давал спектр, очень похожий на спектр полярного сияния.

Это открытие взволновало ученых и вызвало целую бурю. По всему миру поднялся шум вокруг этого события, вспомнили нашего знаменитого ученого Ломоносова, который одним из первых заинтересовался изучением сияния и в своей оде о Севере 200 лет назад написал:

«Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар...»

И тут разные ученые, занимавшиеся вопросами полярного сияния, по-разному отнеслись к этому открытию. Одни с приборами в руках еще внимательнее принялись наблюдать сияние, с тем чтобы или окончательно убедиться в правоте Вегарда или же, наоборот, доказать, что он неправ. А другие приняли опыты Вегарда наверу и, забившись в свои кабинеты, наскоро сочинили гипотезу о том, что вокруг земли, на границе атмосферы, лежит прозрачная скорлупка из твердого, замерзшего азота. Это была замечательная гипотеза, но, к сожалению, у нее был один большой недостаток: она была совершенно неверной, так как основывалась на неверных наблюдениях. Вегард ошибся. Очень скоро проверкой его наблюдений и расчетов нашли эту ошибку. Гипотезу об азотной скорлупе отбросили как ошибочную, но свое дело она сделала. Она заставила ученых повнимательнее посмотреть на северное сияние, запастись новыми наблюдениями и измерениями, проверить старые опыты и расчеты, и уже в 1925 году Мак Ленан и Шурм с помощью того же спектроскопа определили (и на этот раз уже точно), что спектр полярного сияния совпадает с тем спектром, который дает смесь сильно разреженных газов гелия и кислорода в гейслеровой трубке.

Это открытие дало самый важный кончик, за который вытащили на свет тайну полярных сияний. После этого открытия стало ясно, что полярные сияния—это холодный свет разреженных газов под действием электричества, т. е. тот самый свет, который светится в гейслеровых трубках и который все мы видим, проходя по улицам Москвы, на вывесках и витринах.

Но тут перед учеными стал новый вопрос: откуда же берется электрический ток, заставляющий светиться разреженные газы верхних слоев нашей атмосферы? Если этот ток приносят с собой лучи солнца, что вообще очень вероятно, то почему же полярное сияние мы видим ночью, т. е. как раз тогда, когда та часть неба, на которой горит сияние, заслонена от солнца самой землей? И почему чаще всего сияния наблюдаются вблизи полюсов, т. е. как раз в той части неба, которая защищена от действия солнечных лучей всего лучше? Разбираясь в этих вопросах, разгадали, наконец, загадку полярных сияний и распутали последний узелок, который связывает сияние с магнитными бурями и с солнечными пятнами.

Мы знаем уже, что земля — это огромный магнит. Из физики мы знаем также, что поток заряженных электричеством частиц, проходя мимо магнита, отклоняется в сторону. Но этого мало. Для того чтобы до конца разгадать загадку сияний, нам еще раз придется обратиться к астрономам и поподробнее расспросить у них о солнечных пятнах. И астрономы расскажут нам замечательные вещи. Пока мы фотографировали и анализировали спектры полярных

сияний, они тоже не сидели сложа руки. Они изучали солнечные пятна, взрывы и протуберанцы и узнали, что каждый раз, когда на солнце происходит взрыв, от поверхности солнца отрываются и уносятся в пространство потоки мельчайших частиц вещества. Эти частицы астрономы называют корпускулами. Изучая потоки корпускул, астрономы узнали, что они движутся со страшной скоростью вслед за солнечным светом, но свет идет прямо, а потоки корпускул, заряженные электричеством, попадают в магнитное поле земли, притягиваются, сворачивают с прямого пути и заходят на ночную часть нашего неба. Вот тут и происходят те самые удивительные явления, которые мы видим в полярных районах.

Встречаясь с разреженными газами верхних слоев атмосферы, корпускулы пронизывают их, заставляют светиться и таким образом зажигают сияние. На этом работа корпускул не кончается: они летят дальше, к магнитному полюсу, обрушиваются на него... Но ведь мы знаем, что не только магнит действует на поток заряженных электричеством частиц. Они в свою очередь действуют на магнит, и нет ничего удивительного в том, что, вступая во взаимодействие с магнитными силами земли, корпускулы выводят их из равновесия и поднимают магнитные бури.

Если все это так, почему не устроить полярное сияние в лаборатории?

И вот ученый Биркеланд сделал такой опыт. Он взял магнитный шар, покрытый веществом, которое светится под действием заряженных электричеством частиц, обстрелял его искусственно вызванным потоком корпускул, и шар засветился и засветился как раз так, как светятся верхние слои атмосферы — вокруг магнитных полюсов.

И вот тогда, вооружившись цифрами и формулами, ученые принялись за подсчеты, и скоро гипотеза о происхождении полярных сияний превратилась в теорию. Цифры, добытые вычислениями, совпали с цифрами, полученными опытами и наблюдениями, и теперь мало кто сомневается в том, что именно так появляются полярные сияния.

Белые пятна

Вот почти все, что мы знаем пока о полярных сияниях. Может быть, этого достаточно? Да нужно ли знать и это? Ведь от наших знаний полярное сияние не стало ни ярче, ни красивее, мы не научились ни зажигать, ни гасить его и попрежнему должны оставаться только наблюдателями.

Но зато, изучая полярные сияния, мы попутно узнали, что на высоте в 1000 километров хотя и в очень разреженном виде, но есть еще атмосфера. Это уже может пригодиться нам (и очень скоро) для организации стратосферных и межпланетных полетов. Изучая спектры сияний, мы узнали плотность и распределение различных газов на высоте от 80 до 1000 километров. Это тоже очень важно и для метеорологии, и для астрономии, и для авиации. Наконец, изучая магнитные бури, мы лучше разберемся в путях корпускул, а разведав пути корпускул, научимся глубже понимать магнитные бури. Но, может быть, и это не нужно? Ведь сейчас трудно заблудиться на Севере... Заблудиться, конечно, трудно, но потерять связь пока еще очень просто. Совсем недавно, когда наши герои Чкалов, Байдуков и Беляков летели над полюсом, связь с ними вдруг оборвалась. Как в былые времена шалил компас во время магнитных бурь, так стало шалить радио. А радио в арктических походах и экспедициях — очень важное дело, важнее чем компас в прежние времена, и, понятно, как важно изучить причины, которые заставляют иногда молчать наши радиостанции на Севере. Разгадав эти причины, мы научимся бороться с ними, а может быть, кто знает, найдем и способы использовать тот огромный запас энергии, который несут корпускулы.

Это все — дело будущего, а пока шаг за шагом мы двигаемся вперед по пути решения всех сложных задач, связанных с изучением Арктики, и крошку за крошкой собираем наблюдения, которые прокладывают путь науке. Тогда, в 1930 году, на утлом суденышке мы изучали льды и течения Гренландского моря. Через пять лет по нашему пути прошел ледокол «Садко». А еще через два года по пути «Садко» и дальше, на Северный полюс, и дальше, в Америку, полетели наши самолеты. Сейчас на дрейфующей льдине молодой астроном тов. Федоров изучает магнитные силы на полюсе, а зимой, когда над полюсом начнется долгая ночь, он так же внимательно будет изучать полярные сияния.

Но даже и тогда, когда придет ваша очередь отправиться в Арктику и когда на всем земном шаре не останется, вероятно, ни одного «белого пятна», я советую вам повнимательнее посмотреть на полярное небо. Огненные пятна полярного сияния — это и будут «белые пятна», оставшиеся на вашу долю.

КУТЬКА

Вс. Вальде *Рис. В. Цельмера*

Рассказ водолаза

Мы стояли тогда в Ленинграде. Однажды в выходной день я возвращался по набережной на корабль.

Смотрю: подле наших сходней сидит маленькая черная собачонка. Поджала она переднюю лапку, озирается испуганно по сторонам и жалобно скулит.

А сама вся мокрая, будто только что из воды вылезла.

«Наверное, — подумал я, — ребята ее выкупали».

Поровнялся с собачонкой и говорю:

— Ладно, Кутька, брось скулить: погода жаркая, быстро обсохнешь!

Да и пошел на корабль.

Обернулся на палубе: Кутька за мной семенит, уж на сходни забралась. Дошла до середины, остановилась в нерешительности, косится на меня: «Ну как, можно дальше идти, не спустишь за борт?»

Я поглядел на нее: собачонка худая, невзрачная, левое ухо у нее торчком стоит, правое надорвано, болтается, как помятый лоскут.

Жалко мне ее стало

«Пускай,— думаю,— поживет у нас, хватит на корабле места для такой малявки».

Наш корабельный пес Яшка как раз тогда в «летчиках» числился: сошел на берег да и загулял.

Поманил я собачонку рукой.

— Иди, Кутька! — говорю. — Иди, не обидим. Ты не смотри, что мы все здоровые, мы тихий народ!

С этого и начались мои мытарства. Уж и не рад я был после, что Кутьку приветил.

Точно пиявка присосалась она ко мне. Сядешь — на колени прыгает, в нос лизнуть норовит. За обедом в миску мою суется. На берег пошел погулять — за мной увязалась.

Такая привязчивая собачонка, просто беда!

Водолазы уже подшучивают надо мной:

— Ай да Иван Ермошин, гляди, какого кобелька приобрел!

— Тебе бы теперь, Ермошин, на цепочку ее посадить да шляпу надеть — за знатного иностранца сошел бы!

А мне не до смеху.

Мы тогда спали на свежем воздухе: душно было в кубрике. Разостлал я на палубе койку, сложил под подушку обмундирование, улегся.

Только закрыл глаза — глядь, кто-то меня в бок толкает: подвинься, мол, ишь разлегся!

Посмотрел — Кутька. Носом, как поросенок, одеяло подкатывает.

— Пошла прочь! — кричу. — Простыню замараешь!

Даже ухом не повела. Залезла преспокойно под одеяло, свернулась клубочком, посапывает себе.

Вышвырнул я ее вон.

Не успел улечься — опять уже рядом! Прямо никакой совести у собаки нет!

Два раза я пытался от нее избавиться. Переберусь тайком на другое место, накроюсь с головой одеялом и лежу, чуть дышу: может, ошибется одноухая, к кому-нибудь из водолазов присоседится.

И все впустую, точно рябчика,— чутьем находит меня!

А проучить ее рука не поднимается. Был бы пес покрупней, может, и хватил бы его сгоряча, а то ведь — козявка, смотреть не на что. Тронь одним пальцем — и дух из нее вон!

Так до самой зари и проволынился я с Кутькой.

Под утро перетащил койку в кубрик, запер за собой дверь и точно пьяный заснул.

☆

Утром мы вышли на баркасе разыскивать в Неве корабельный якорь.

Весной у одного миноносца расклепался якорный канат и якорь с обрывком каната упал в воду. Третий день искали мы его в Неве. То ли место неверное указали нам, то ли в ил ушел якорь, только никак мы не могли на него набрести.

Кутька все утро таскалась за мной, точно баржа за буксиром. А когда мы отвалили от борта корабля, смотрю: и она на баркасе сидит. Поглядывает на меня одним глазком, будто подмигивает: «Не горюй, брат, опять вместе!»

«Ладно,— думаю,— шут с тобой! Уж под воду ты за мной не увяжешься! Хоть на дне речном отдохну от тебя!»

Первым попросился идти на розыски.

Натянули на меня водолазы костюм, надел я калоши со свинцовыми подметками и спустился за борт, на первые ступеньки трапа. Что тут сделалось с Кутькой! Собачонка заскулила, забегала по палубе: как же это я от нее ухожу!

— Что, одноухая,— говорю,— смекнула, в чем дело?

Подождал на трапе, пока водолазы мне груза повесили и шлем привинтили, потом стравил из костюма воздух и пошел под воду.

— Пиши, не забывай, Кутя!

☆

Глубина была небольшая. Я постоял минут пять зажмурившись, чтобы глаза к темноте привыкли, и двинулся по песчаному дну.

Течение, точно встречный ветер, сшибает меня с ног. Покачнись немного — и не миновать скандала: кверху калошами, как пробка, выскочишь наверх.

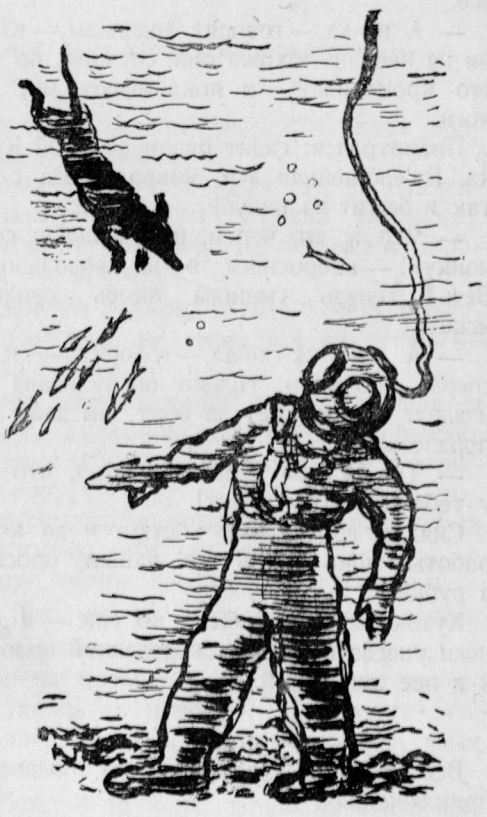
Осторожно шагаю по грунту. Подался вперед и плечом словно волнорезом раздвигаю воду.

Редко-редко какая-нибудь рыбешка проскользнет мимо меня, а больше ничего не видать, только темная вода да песок под ногами, прилизанный течением.

Прошел я так саженей восемь — нет якоря, будто водой его унесло!

Повернул назад. И вдруг что-то звякнуло у меня под свинцовой подошвой.

Нагнулся, раскопал песок — якорный канат!



Чудовище какое-то сверху плывет ко мне.

А в стороне от него и сам якорь лежит. Лапы чугунные в песок запустил.

— Вот где ты, голубчик, прятался от нас!

Шагнул я было к якорю да так и замер: чудовище какое-то сверху плывет ко мне! Тело у него узкое, длинное, лапы тоненькие, хвост будто палка, а морда острая, как у собаки.

Вот-вот наскочит на меня.

Шарахнулся я вбок и не успел опомниться, как подхватило меня течение и вынесло из воды кверху калошами.

Водолазы втащили меня на палубу баркаса, сняли шлем.

— Что там у тебя случилось? — спрашивают.

— С какой это ты радости кувыркаешься?

А я слова им сказать не могу. Четвертый год хожу под воду и хоть бы раз когда с таким чудовищем повстречался.

Наконец, оправился немного.

— Без ножа,— говорю,— ребята не спускайтесь: зверь там шастает, чуть было костюм мне не порвал!

— Какой еще зверь? Крокодил, что ли?

— Водяной его знает! — и рассказал им все.

— А ну-ка,— говорят водолазы,— взгляни на нее: не похожа она, случаем, на твоего крокодила? — и показывают мне под ноги.

Посмотрел я: сидит рядом со мной Кутька. Вз'ерошенная вся, мокрая, вода с нее так и бежит на палубу.

— Что ж вы, черти, не удержали собачонку?! — набросился я на водолазов.— Ведь теперь сызнова якорь придется искать!

— А кто ж знал,— говорят.— Сидела сперва спокойно, только поскуливала все и вдруг как юркнет за борт, мы даже рты поразевали!

— Ты бы нам заранее сказал, что она у тебя под воду ходит!

Снял я водолазный костюм и до конца работы, пока якорь не нашли, просидел в рубке.

Кутька сунулась было ко мне — и едва ноги унесла из рубки: водолазной калошей я в нее запустил!..

★

Вся команда узнала о моих подводных приключениях.

Спустился в кубрик — сразу водолазы ко мне с расспросами:

— А ну, Ермошин, расскажи о своем полете, как это у тебя там получилось?

— Теперь, — говорят, — Ермошин, тебе прямой расчет со службы уйти: с такой собачкой не пропадешь!

— В цирке, в стеклянном бассейне, будешь с ней представлять: она в воду, а ты из воды!

— Громадные деньги можно заработать!

Ушел от них на палубу — та же история.

— Ермошин! — кричат водолазы.—Одолжи на денек кобелька: на охоту собираемся, щук ловить в Финском заливе!

И пошло все сызнова!

Пробовал я отмалчиваться, ничего не получилось! Нашим браткам коли попадешь на зубок, не скоро отпустят!

Да мало того, что свои не дают мне проходу, еще с соседнего корабля прибежали краснофлотцы: расскажи им про невского крокодила!..

Сразу же после ужина я уволился на берег. Твердое решение принял: вернуться назад без Кутьки. Иначе, и верно, хоть со службы уходи!

Собачонку, конечно, и звать не пришлось за собой. Увидела, что я к сходням направляюсь, и вперед сбежала на берег.

Иду не торопясь по набережной и раздумываю, каким бы способом отделаться от Кутьки.

Ребятишки попались по дороге. Сразу у меня план созрел.

Поровнялся с ними.

— Ребята,— говорю,— хотите собачку?.. Нырять умеет!

Они взглянули мельком на Кутьку и отвернулись:

— Куда ей там нырять! Из нее вата уже лезет!

Не прошел номер.

«Уехать, что ли, — думаю, — от собачонки?»

Огляделся, как раз трамвай подошел к остановке.

Бросился я к нему, вскочил в задний вагон:

— Прощай, Кутька, хватит с меня, ищи себе другого хозяина.

Поехал.

Но не прошло и минуты, как вдруг чувствую, будто подталкивают меня ногой под скамейкой.

Покосился на своих соседей: справа старушка сидит — не пойдет на такое баловство, слева гражданин с газетой — тоже нельзя подозревать.

Почудилось, значит.

Я снял с себя узенький брючный ремешок и поставил Кутьку на швартовы.

А под скамейкой опять кто-то подталкивает меня легонечко, осторожно, будто подает тайный знак.

Что за история?

Заглянул я незаметно под скамейку — и дрожь у меня прошла по ногам. Кутька! Уж как она прошмыгнула мимо кондуктора, и не понять.

«Ну,— думаю,— выбирать нужно якорь, пока не поздно! Заметит кондуктор собачонку — три рубля потребует за нарушение правил. А у меня и всего-то в «подковке» сорок одна копейка».

На первой же остановке выскочил из вагона.

А Кутька, думаете, дальше поехала: тоже выскочила следом за мной.

Подошла ко мне, села на панель, хвостиком пыль разметает.

Крепко я призадумался: «Как же теперь избавиться от нее?»

Слева от меня садик. В садике ребятишки играют. Зашел я туда с Кутькой, снял с себя узенький брючный ремешок и поставил Кутьку на швартовы, один конец ремешка ей на шею петлей накинул, а другой конец надежным морским узлом прикрутил к скамейке.

Потом уселся для видимости на скамейку, выкурил в три затяжки папироску и — ходу от Кутьки: целый квартал пролетел не вздохнув.

Оглянулся немного погодя — нет, не видно собачонки, не вырваться ей теперь — и пошел тише.

Вечер замечательный! Солнце спускается в воду. Гуляющие по набережной идут сплошным косяком, словно сельдь в весеннюю пору.

Пробираюсь к кораблю по краешку да насвистываю себе под нос.

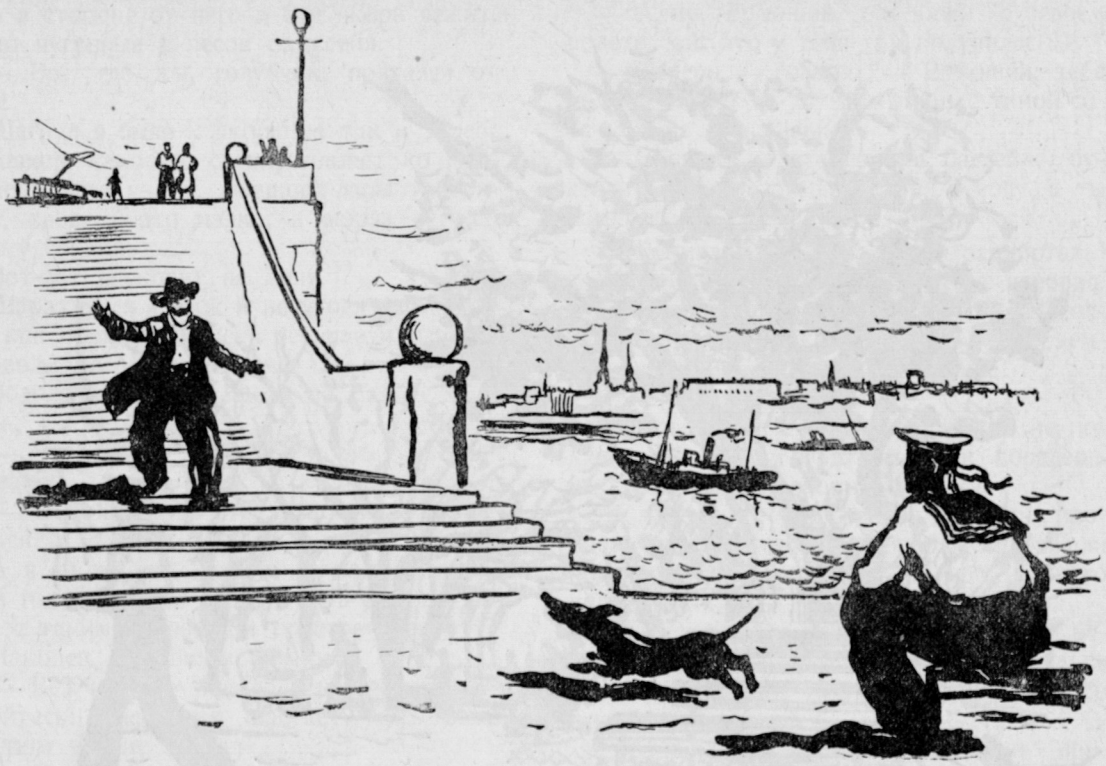
Вдруг слышу: нагоняет меня кто-то.

— Дядя моряк, обожди: собачку забыл!

В жар меня бросило! Посмотрел назад: парнишка ко мне бежит и Кутьку за собой тащит на ремешке. Запыхались оба, у парнишки щеки горят, у Кутьки язык вывалился.

Добежали до меня, парнишка сунул мне в руки ремешок.

— Я бы,— говорит,— раньше тебя до-



Кутька со всех ног бросилась к нему.

гнал, я шибко бегаю, да вот ремешок никак развязать не мог, зубами тянул!

— Спасибо, паренек, — отвечаю. — Спасибо, удружил!

И так взглянул на него, что парнишка от меня назад попятился. Сразу исчез, точно растворился.

Слабость напала на меня, будто я целые сутки под водой проработал. Даже в глазах рябит.

Снял я с Кутьки ремешок и спустился по гранитной лестнице к самой воде. Сижу, отдыхаю.

Обидное положение. В деревне, помню, однажды на меня молодой бычок набросился. Я его ухватил за рога да так тряхнул, что бычок потом целую неделю с креном на левый борт ходил! А вот с собачонкой сладить не могу, все силы она из меня повымотала!

— Чучело ты одноухое! — говорю Кутьке.— И чего ты присосалась ко мне, чего ты добиваешься? Какие у тебя могут быть шансы на любовь?

А Кутьке и горя мало: прикурнула у моих ног и только изредка поглядывает на меня: тут ли я, не удрал ли опять от нее?

В воду спихнуть собачонку — выплывет: ей вода нипочем! Через проходной двор удрать — найдет одноухая. Разве только запереть ее в телефонную будку да бумажку повесить: «Телефон не работает».

И вдруг крик позади: «Принцесса! Принцесса!» — Я даже вздрогнул.

Бежит ко мне сверху какой-то старичок. Калоши у него на босу ногу, черный пиджак чуть ли не до самых коленей, а на голове рыжая шляпа с загнутыми полями.

Летит старичок вниз по лестнице, шлепая калошами, и выкрикивает на ходу тоненьким дрожащим голоском:

— Принцесса! Принцессочка, кормилица моя!

Кутька со всех ног бросилась к нему. Прыгнула сразбегу к старику на руки, визжит, тявкает, все лицо ему облизала!

А он ее в нос целует не переставая.

— Злая собачка! — приговаривает.— Нехорошая собачка! Не жалеешь меня, бросила своего дедушку! Я тебя по всему городу искал!

На набережной народ собрался:

— Что случилось? Утонул, что ли кто?

Наконец, кончили они обниматься. Старичок подошел ко мне, шаркнул калошами.

— Гражданин моряк,— говорит,— собачка принадлежит мне! Не огорчайтесь, но я ее у вас должен взять!

А я от радости бескозыркой, как флагом, размахиваю.

— Пожалуйста, берите! — отвечаю. — О чем же тут разговаривать! Я вижу: собачонка без хозяина, вот ее и приветил.

Старичок мне руку бросился трясти.

— От всей души вам благодарен! От всей души! Ведь она же кормилица моя, на хлеб мне зарабатывает!

Старичок маленьким платочком смахнул слезу.

— Гражданин моряк! — сказал он, приложив руку к груди.— Мое сердце уже дряхлое, но оно умеет ценить благородные поступки. Первого же щеночка от этой собачки я предназначаю вам!

Я от него к самой воде попятился.

— Нет,— говорю,— оставьте это дело! И не думайте насчет щеночка! Я человек военный, куда мне там со щеночками возиться! Вы лучше расскажите мне, как же она вам на хлеб зарабатывает: через голову, что ли, кувыркается?

Старичок хитро улыбнулся:

— Извольте видеть!

И повернулся к набережной.

— Граждане и гражданки! — крикнул он, покраснев от натуги.— Перед вами удивительная собачка! Я прошу у вас минуту внимания!

Гуляющие повалили к нам целой толпой.

Старичок вытащил из-под полы бильярдный шарик из слоновой кости, покрутил его над головой, чтобы все видели, и повернулся к Кутьке.

— Принцесса, принесите! — приказал он.

И запустил шарик в воду.

Кутька прыжками помчалась следом за ним. Она проворно нырнула и через несколько секунд уже стояла перед стариком с белым шариком в зубах.

Гуляющие захлопали в ладоши.

Старичок спрятал шарик и сунул Кутьке в зубы жестяную коробочку.

— Пойдите, Принцесса, и попросите граждан заплатить вам за труды!

Кутька побежала к гуляющим. В коробочку со звоном падали монеты!

— Вы убедились, гражданин моряк? — спросил меня старичок.

— Да,— говорю,— редкостная у вас собачка! Я и раньше у нее замечал склонность к водолазному делу...

Кутька подошла ко мне. Она присела на задние лапы и, даже не взглянув на меня, протянула коробочку.

Я вытащил из кармана «подковку» и все, что в ней было,— сорок одну копейку — высыпал Кутьке в коробочку.

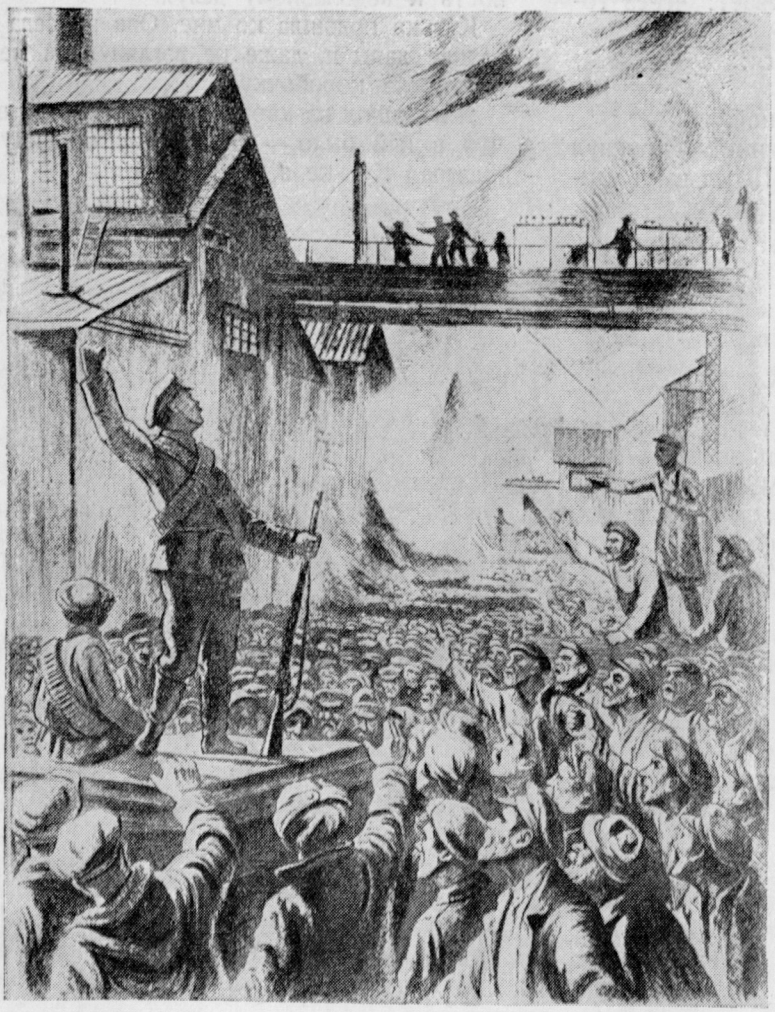
Июльские дни

Это было тогда, когда вас, читателей «Пионера», еще не было на свете. Ленинград тогда назывался Петроградом, фабрики и заводы принадлежали капиталистам, а нашей огромной страной управляло буржуазное Временное правительство. В первое время после февральской революции меньшевики и эсеры сумели обмануть трудящихся, которые еще не успели разобрать предательства и измены за их «революционными» фразами. Таким образом меньшевики и эсеры попали в советы рабочих и солдатских депутатов. И в первые месяцы их в советах было очень много. Они поддерживали Временное правительство.

Однако долго обманывать трудящихся они не могли. Все больше рабочих начинало понимать предательство эсеров и меньшевиков и шло за Лениным и партией большевиков.

Это происходило через четыре месяца после буржуазно-демократической февральской революции 1917 года и за четыре месяца до Великой пролетарской революции.

Петроград был тогда революционным центром России. В нем жили Ленин, приехавший из Швейцарии, и Сталин, вернувшийся из ссылки в гиблой Сибири.



3 июля на собрании в казармах 1-го пулеметного полка солдаты с гневом рассказывали: Временное правительство посылает на фронт на убой солдат, сочувствующих большевикам; капиталисты закрывают заводы, чтобы костлявая рука голода поставила рабочих на колени. Пулеметчики решили устроить демонстрацию под лозунгом «Вся власть советам!» Делегаты их отправились по заводам, казармам, к морякам в Кронштадт. 4 июля большевики взяли руководство над выступившими рабочими и солдатами и 500 тысяч трудящихся прошли по улицам, требуя передачи власти советам. По сигналу — колокольному звону с церкви — с ведома и согласия эсеров и меньшевиков контрреволюционеры начали расстреливать мирных демонстрантов. Художник Шиллинговский нарисовал, как делегаты пулеметчиков выступают перед путиловцами.

Этот снимок сделал фотограф В. К. Булла в 1917 году, во время июльской демонстрации. Вот что он рассказывает о своей работе:

«В тот памятный день в ожидании демонстрации я дежурил со своим легким походным аппаратом на углу Невского и Садовой. Однако сделать обычный снимок мне не пришлось. Не успела голова демонстрации выйти из-за угла Садовой улицы, как раздался ружейный залп и вслед за тем затрещала беспорядочная стрельба. Оставаться на улице было невозможно — я попытался сделать снимок под огнем из-под прикрытия. Я взбежал по лестнице на крышу хорошо мне знакомого здания «Пассаж». На матовом стекле я увидел, как падают люди. Я не помню точно, откуда стреляли, но, кажется, где-то в соседних дворах были запрятаны юнкера. Стреляли, по-моему, и с крыш и из окон окружающих домов.

Через трамвайные пути, бросая все, что было в руках, бежали люди и вдруг падали как подкошенные. Шарахались извозчичьи лошади, вставали на дыбы.

Очень волнуясь, я сделал только один снимок. Этот снимок висит сейчас в музеях как документ, свидетельствующий о гнусном предательстве меньшевиков и эсеров. А на углу бывшей Садовой улицы, где все это происходило, прибита теперь дощечка с надписью «Улица 3-го июля».

Рано утром 5 июля в квартирах большевиков шли обыски, погромы, аресты. Был отдан приказ арестовать Ленина. Предатели революции: Каменев, Рыков, Троцкий—требовали, чтобы Ленин не скрывался, а отдался в руки Временного правительства. Сталин резко возражал и заявил, что Ленина растерзают, если он попадет в руки офицеров. Ильича переправили на сенокос в шалаш около Сестрорецка (близ Петрограда). Позднее стало известно, что генерал Половцев сказал офицеру, который отправлялся отыскивать Ленина, что арестованные очень часто делают попытки к бегству (т. е., что Ленина надо убить, а потом заявить, что он пытался бежать). Таким образом негодяи Каменев, Рыков и Троцкий посылали Ленина на верную смерть.

Ленин писал из подполья в газете «Рабочий и солдат» о том, что эсеры и меньшевики ясно показали как они поддерживают контрреволюцию и предают рабочих. Ленин закончил свою статью так:

«Вопрос историей поставлен так: либо полная победа контрреволюции, либо новая революция».

Клетчатый флейтист из Хэмлина

Посвящается Вильяму Макреди Младшему

Роберт Броунинг — *Рисунки Ю. Кискачи*

Перевод Н. Кончаловской

У знаменитого английского поэта Роберта Броунинга был друг — актер Вильям Макреди. У актера был сын, тоже Вильям. Чтобы отличить от отца, его звали Макреди Младший. Макреди Младший хорошо рисовал и однажды попросил Броунинга написать что-нибудь, что он мог бы иллюстрировать. Броунинг взял народное сказание и поэтически его обработал. Это и был «Клетчатый флейтист из Хэмлина».

Броунинг родился в 1812 году. Он много ездил и даже был в Петербурге, о котором написал поэму «Ivan Ivanowitch». Умер Броунинг в 1889 году, и его похоронили в «уголке поэтов» Вестминстерского аббатства, где похоронены все знаменитые люди Англии. Броунинг писал очень сжато и зачастую так непонятно, что в Англии создано много «броунинговских обществ», которые разбирают, что же хотел сказать поэт в некоторых местах своих стихотворений, и никак не могут придти к согласию. Броунинг очень радостно относился к жизни. Английские критики считают его одним из величайших английских поэтов.

1

Есть город Хэмлин в Брауншвейге,
Он с давних пор со всех сторон
Стеной высокой окружен,
Рекой глубокой отражен.
И плещет в стену вековую
Речная быстрая вода,
Но то, о чем я повествую,
Случилось в древности, когда
Стряслась над городом беда.

Миллионы крыс! И стало так,
Что крысы с'ели всех собак
И всех котов и кошек с'ели,
Бросались к детям в колыбели,
Пугали всех средь бела дня,
В подвалах бочки открывали,
Все находили, все с'едали,
И даже девушкам мешали
Вести беседу у огня
Шум, визг и крысья беготня.

Собравшись к ратуше толпою,
Кричал взволнованный народ:
«Наш мэр и весь вельможный сброд,
Себя ничем не беспокоя,
Сидят без дела, без забот
В плащах, подбитых горностаем,
Который мы же покупаем!
Эй, мэр! Мы здесь не для забавы:
Пора на крыс найти управу!
Бездельники! Настанет час —
Ко всем чертям прогоним вас!»
И мэр, услышав эту ругань,
Был не на шутку перепуган.

II

Вокруг стола, за тяжкой думой
Полдня сидел совет угрюмый.
Воскликнул мэр: «Я был бы рад
Бежать, куда глаза глядят.
Но головы ломать не стану
И повторять я не устану,
Что крысы ловятся капканом!
Пусть чем угодно мне грозят!»
Едва закончил мэр, как вдруг
В дверях раздался легкий стук.
«Стучат?» — воскликнул мэр в смятенье.
(Советники уселись в круг,
Едва дыша от ожиренья.)
В глазах у мэра был испуг,
И сердце мэра стало биться,
Как в тесной клетке бьется птица
«Войдите!» И вошло в собранье
Довольно странное созданье:

Из окон, щелей и дверей бежали тысячи зверей.

Мужчина, с головы до пят
Одетый в клетчатый наряд.
Полулилов, полузелен,
На птицу пеструю похожий,
На первый взгляд он был смешон,
Но перед обществом вельможей
Встал незнакомец загорелый
С огнем в глазах, с улыбкой смелой.
Никто не знал, откуда он,
Кем он воспитан, где рожден.
«Милорды! Я пришел сюда,
Узнав, что в Хэмлине беда.

Висела флейта на бедре
На длинном клетчатом шнуре
И пальцы, тонкие как спицы,
Не уставали шевелиться.)
«Я рассказать могу про случай,
Как мною от мышей летучих
Избавлен был один султан;
Как мною был татарский хан
Спасен от комариной тучи.
А вы за тысячу монет
Хотите с крысами расстаться?..»
Не мог измученный совет

— За тысячей? Да ты рехнулся! — тут мэр лукаво улыбнулся.

А мне подвластно все везде:
На суше, в воздухе, в воде —
Все, что родится и живет,
Все, что ползет, летит, плывет!
Я без особого труда
Уничтожаю навсегда
Мышей, лягушек и хорьков,
Гадюк, кротов и пауков,
И всяких вредных насекомых,
И крыс, вам хорошо знакомых.
Меня за мой искусный свист
Прозвали Клетчатый флейтист».
(Тут все вельможи разглядели:
У незнакомца, в самом деле,

От предложенья отказаться.
И мэр сказал: «Да мы вам пять,
Мы десять тысяч можем дать!»

III

Никто не знал, какую силу
Простая дудочка таила.
Флейтист выходит из ворот,
Ладонью вытирает рот,
Тростник певучий он берет
К губам подносит осторожно.
Вот огласили весь квартал
Три звука резких и тревожных,
И городок затрепетал.

Сначала шелест, шорох, шопот,
Потом глухой подземный рокот,
Затем движенье, скрип и топот.
Из окон, щелей и дверей
Бежали тысячи зверей.
Тут были всех размеров крысы:
От молодых до старых, лысых,
Почтенных бабушек, и те
Едва дышали в тесноте,
Спеша за Клетчатым флейтистом,
За тонким и высоким свистом.
Из улиц в улицы они
Неслись, не чуя западни.
Он их привел на реку Везер,
Они гурьбой бросались вниз,
Но лишь одна могла спастись:
Отважная, как Юлий Цезарь,
Она поток переплыла
И крысью жизнь свою спасла,
Чтобы потомки в назиданье
Прочли ее воспоминанья:
«Я помню, как дрожал вокруг
Таинственный, манящий звук.
И нам мерещился повсюду
И шелест сыплющихся круп,
И звон разбившейся посуды,
В которой стынул жирный суп,
И хруст печений, легких, вкусных,
И скрип крутых листов капустных.
А сколько сала, сколько сала
Нам эта флейта обещала!
Казалось, превратился мир
В один огромный круглый сыр.
И голоса нам напевали:
— Ликуйте, крысы! Ваша власть!
И ешьте, наедайтесь всласть
Всего, о чем вы лишь мечтали.
И вдруг... откуда-то беда —
Кругом холодная вода!»

IV

Народ, избавленный от зла,
Гулял по улицам довольный
И так звонил в колокола,
Что шпиль сорвался с колокольни.
К народу мэр на площадь вышел
И крикнул так, чтоб каждый слышал:
«Разрушить гнезда! С этих пор
Нигде не будет крысьих нор,
Народ от крыс освободился!»
Тут кто-то мэру поклонился,
И мэр узнал к своей досаде
Флейтиста в клетчатом наряде,
Который крикнул на ходу:
«Пора подумать о награде,
Я к вам за тысячей приду!»
«За тысячей? Да ты рехнулся! —
Тут мэр лукаво улыбнулся.—
Конечно, ты не обманул:
Весь род крысиный потонул,
И мы уж не такие скряги,
Чтоб двух грошей не дать бродяге.
Ты просишь тысячу рублей,—
Получишь двадцать, дуралей!»
«Я жду,— сказал Флейтист сурово,—
Чтоб вы свое сдержали слово.
И пусть бывал обманут я,
Но вы заплатите, друзья.
Нето на флейте вам знакомой
Я заиграю по-другому!»
«Как? — мэр воскликнул.— Нас пугают?!
Насильем деньги вымогают!
Болван, ты дудкой нам грозишь?!»—
И показал флейтисту шиш.

V

И снова вышел из ворот
Флейтист. И снова он берет
Свой инструмент из тростника
И улыбается слегка.
И полилась такая песня,
Что не слыхал никто чудесней.
И снова шорох, шелест, шопот,
И снова суетливый топот:
То в деревянные сапожки,
Обуты маленькие ножки.
И дети изо всех дверей
Бегут на песенку скорей.
Они бегут большой оравой,
Веселой, розовой, кудрявой.
Они танцуют и поют
И ни на шаг не отстают.
Глазам не веря, онемевший,
Стоял лорд-мэр окаменевший
И весь взволнованный совет.
Они смотрели детям вслед,
Не в силах вымолвить ни слова.
А между тем, не чуя бед,
Не видя умысла дурного,
Спешили дети за Флейтистом
По главной улице на пристань,
Где, беспокойная слегка,
Текла широкая река.
Но тут Флейтист свернул направо
И за собою всю ораву
Повел сквозь облачную мглу
На Коппельбургскую скалу.
Но если дальше нет путей,
Куда же он ведет детей?!
А между тем в горах, в пещере,
Перед детьми открылись двери.
В те двери Клетчатый флейтист
Вошел, и на волшебный свист
Все дети ринулись туда.
И дверь закрылась навсегда!

И все? О, нет, читатель мой!
Один ребенок был хромой
И потому пришел домой.
Он одинок, всегда скучает,
А если спросят, отвечает:
«С тех пор, как с Хэмлинской земли
Мои ровесники ушли,
Я не могу забыть Флейтиста.
Он вел нас по тропе скалистой
И говорил, что та страна
Так близко, что почти видна,
Что там пышней цветут сады,
В них слаще и крупней плоды,
Повсюду там журчат фонтаны,
Живут ручные обезьяны,
Там воробьи не то, что тут —
По-соловьиному поют;
Там пчелы жала не имеют;
И рыбы там летать умеют.
И стоит рыбку мне поймать,
Как перестану я хромать.
Но я не мог детей догнать,
Они ушли, закрылась дверь,
И я на век хромой теперь!»

VI

Мэр Хэмлина надежных слуг
Послал на север и на юг
Сказать Флейтисту: «Мы готовы
Отлить теленка золотого
За то, чтоб в руки матерей
Вернулись дети поскорей».
Но не вернул Флейтист детей.
Когда совету стало ясно,
Что будут поиски напрасны,
То вышел в свет такой приказ:
«Чтоб горожане не забыли
Современем печальной были,
Тот путь, где дети проходили,
Пусть будет «улицей Флейтиста».
Но в память наших скорбных дней
Высокой, свежей и тенистой
Не будет зелени на ней!»
В том городе уже давно
Флейтистам жить запрещено.
И близ пещеры потаенной
Стоит высокая колонна,
И сверху донизу на ней
Вся повесть хэмлинских детей;
А в Трансильвании живет
Какой-то всем чужой народ.
Про них соседи говорят,
Что много лет тому назад
Их предков с неизвестной целью
Замуровали в подземелье.
Их полумертвых там нашли
И вывели из-под земли.

*

«Вот, Вилли! Если что-нибудь
Флейтисту ты пообещаешь,
Ты обещанья не забудь!
Ведь ты теперь флейтистов знаешь!»

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО „КОМПАС“

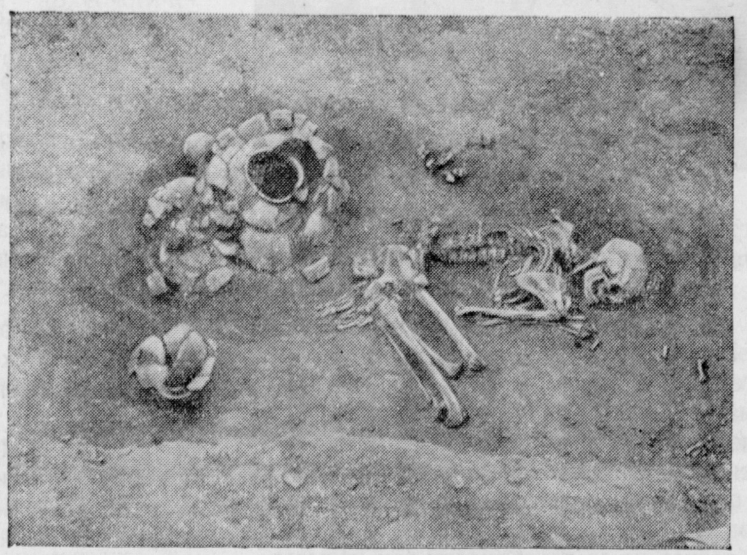
Известия Географического общества читателей журнала «Пионер» № 13.

По следам первобытных людей

Проф. О. Бадер

Люди живут на нашей планете уже многие сотни тысячелетий, и бесчисленные поколения людей не прошли по земле бесследно.

На берегу какой-нибудь речки, недалеко от современных городов и колхозов, археолог находит следы людей, живших здесь многие тысячелетия назад; археолог находит рыболовные крючки из кости или камня и говорит, что эти люди ловили рыбу. Находит кремневые наконечники стрел и копий и знает, что эти люди охотились. Кости диких животных, чешуя и кости рыб подтвердят эти выводы. Если костей домашних животных нет, то археолог решает, что обитатели этого поселения еще не знали скотоводства. Нет следов металла—значит, люди были еще на стадии так называемого каменного века.



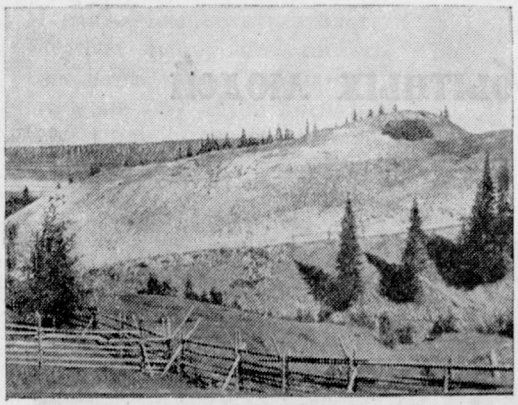
Погребение бронзовой эпохи — так называемое «скорченное на боку».

Археолог сопоставляет то, что рассказывают эти ископаемые остатки, с бытом современных отсталых племен земного шара, и так постепенно восстанавливается картина давно ушедшей жизни.

Все археологические памятники: древние поселения, городища и курганы — в нашей стране принадлежат государству. По советским законам, никто не

может самовольно производить раскопки. Даже специалисты-археологи каждый раз получают для этого особые разрешения — «открытые листы»: ведь раскопка навсегда разрушает памятник, поэтому эта работа должна быть вполне научной.

Но это вовсе не значит, что изучать археологические памятники могут только специалисты. У нас, в Советском союзе, множество древних памятников, не только как следует не изученных, но даже и не найденных. Вот тут-то нам, археологам, и могут очень помочь ребята.



Остатки древнего укрепленного поселения — городища. Справа виден насыпной вал.

На каждом месте, где живут люди, постепенно скопляются следы их пребывания: отбросы пищи, кости животных, сломанные и потерянные предметы, черепки разбитой посуды, остатки жилищ и очагов, зола и уголь. Часть этих остатков сгнивает и, перемешиваясь с землей, образует на ее поверхности так называемый культурный слой; он выделяется темносерым, иногда почти черным цветом.

На береговых обрывах рек и оврагов, в искусственных земляных выемках или на незасеянной пашне можно увидеть этот темный слой. По нему видно, что здесь было древнее поселение.

Эпоху, к которой оно относится, археолог определяет по характеру найденных остатков. Древние оседлые поселения первобытных рыболовов и охотников конца каменной эпохи, или, как их у нас обычно называют, неолитические стоянки, располагаются невысоко, обычно у самой воды, на берегах озер и рек.

На их поверхности нередко попадаются осколки кремня, кремневые наконечники стрел и копий, скребки, полированные каменные топоры и долота, обломки больших круглодонных глиняных сосудов, кости диких животных.

Более поздние поселения, поселения скотоводов и земледельцев, располагаются обыкновенно на высоких берегах рек, так же как и наши деревни.

На месте этих поселений часто остаются следы искусственных укреплений; обычно это заплывшие землей рвы и земляные валы. Здесь были так называемые городища.

Это поселения уже так называемого железного века. Тут находят железные предметы и шлаки, иногда вещи из бронзы, но чаще черепки грубо сделанной, но уже с плоским донышком посуды и кости не только диких, но и домашних животных.

Труднее всего найти те древние погребения, которые не отмечены на поверхности ни земляными насыпями, ни каменными сооружениями. Располагаются они обычно на холмах или высоких берегах, но найти их удается только тогда, когда погребения начинают почему-либо разрушаться.

Многие из этих могильников относятся к глубокой древности, например к бронзовой эпохе. Скелеты, которые находят на дне таких могил, очень интересны для науки, так как по ним ученые-антропологи узнают, какими же были эти давно исчезнувшие первобытные люди.

Больше всех других археологических памятников известны курганы.

Курган — это круглая земляная насыпь. Вокруг нее следы рвов и ям, из которых брали землю, когда насыпали курган. Под курганом, в могиле или прямо на поверхности земли, лежат остатки скелетов и древние вещи, погребенные вместе с хозяином.

Местные люди не помнят, когда и кем курганы насыпаны, и связывают их обычно с происходившими в старину битвами

русских то с французами, то с литовцами и поляками, то с татарами. О курганах часто складывают интересные предания и легенды.

К сожалению, курганы не всегда берегут: многие сотни их раскопаны хищниками-кладоискателями, искавшими в них золотых украшений. И раскопаны-то зря! Большинство наших курганов воздвигнуто суровыми племенами раннежелезной или бронзовой эпохи, эпохи раннего феодализма или еще доклассового общества. Золота в них нет.

Можно смело сказать, что археологические раскопки и разведки принадлежат к числу наиболее увлекательных экспедиций. С помощью совка, ножа и кисти под осторожными руками археолога появляются очертания полусгнившего скелета, каменные топоры и стрелы, богато орнаментированные круглодонные глиняные горшки или, скажем, очертания землянки на древнем поселении.

Особенно захватывают археологические разведки. В необследованной, с первого взгляда ничего не говорящей местности археолог-разведчик по едва заметным признакам обнаруживает следы, оставленные древним, давно исчезнувшим населением.

Я никогда не забуду своей первой большой разведки.

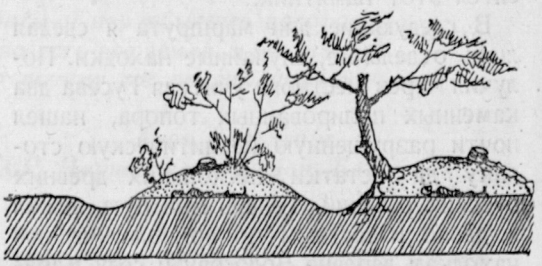
Это было в 1924 году. У меня было задание от университета: закончив работу в Нижегородском музее, осмотреть берега Оки в нескольких пунктах между Нижним Новгородом (теперь городом Горьким) и Муромом.

После почти безрезультатных поисков на окских дюнах близ Желнина и Решетихи я под'езжал на пароходе к небольшой пристани Монастырек. Вот и пристань под высокой горой правого берега. Надев рюкзак, я пустился в путь.

Прошел десять километров, расспрашивал каждого встречного в нескольких деревнях и так-таки ничего не добился. Но бодрое, приподнятое настроение не оставляло меня: я знал, что эти поля, овраги и перелески видели когда-то совсем иных людей: первобытных, обрабатывавших мотыгами свои поля земледельцев, полудиких, смелых охотников, живших в землянках у реки. Я знал, что земля где-то хранит остатки этих землянок, остатки орудий труда, которыми пользовались эти люди. Нужно только суметь обнаружить их — и перед тобой предстанут свидетели таинственной, глубокой старины.

Занятый этими мыслями, я не забывал внимательно смотреть по сторонам, осматривать каждый бугорок, каждое обнажение на краю оврага. Не раз пускал в ход и свою походную лопатку. Уже темнело, когда я подошел к лесному озеру. Чтобы осмотреть его утром, я решил здесь заночевать.

Вокруг меня стеной стоял лес. Я знал, что это остатки знаменитых, когда-то непроходимых муромских лесов. Народная память и сейчас еще хранит были о лихих разбойничьих ватагах, трепавших в этих местах купеческие обозы.



Разрез курганов.

Утро принесло мне разочарование. Озеро не вознаградило меня за ночлег: я ничего не нашел.

Через три часа я был в селе Спас-Седчине. И там ничего путного не добился, как ни изощрялся в расспросах стариков. С досады я решил пойти на задворки деревни и посмотреть место, на котором, по словам жителей, жили разбойники. Каковы же были мое изумление и радость, когда, придя туда, я увидал типичное древнее городище! Оно было расположено, как обычно, на мысу, между двумя оврагами: крутые склоны их служили естественной защитой с двух сторон. А с третьей, со стороны поля, сохранились следы прорытого между оврагами рва и искусственного земляного вала, сильно оплывшего от времени. Не разбойники, а древнейшее население края воздвигло это городище!

Но, к сожалению, здесь не сохранилось культурного слоя, и мне не удалось да-

Привал разведочной археологической партии на берегу реки.

же определить время, к которому относится этот памятник.

В следующие дни маршрута я сделал лишь отдельные, случайные находки. Получил через местного учителя Гусева два каменных полированных топора, нашел почти разрушенную неолитическую стоянку да остатки нескольких древних русских селений. Теперь мой путь лежал к давно известным по археологическим находкам деревне Волосову и селу Карачарову, родине былинного богатыря Ильи Муромца.

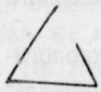
И вот тут, совершенно неожиданно, я получил от ребят сведения о замечательном памятнике. Сведения эти были очень просты: купаясь в староречье реки Теши, близ села, ребята находили на берегу глиняные черепки с узором и, бросая их в воду, «пекли блины» на ее поверхности.

На распаханном берегу «старицы» я еще издали увидал в одном месте большое, выделяющееся своей более темной окраской пятно разрушенного плугом культурного слоя. В полчаса мы с ребятами собрали на пашне богатую коллекцию обломков глиняной посуды, кремневые наконечники стрел, нож и несколько кремневых же скребков отличной работы. Потом я зачистил край берега и увидел, что культурный слой прекрасно сохранился.

Уходя, я заключил с ребятами условие: собирать на стоянке древние вещи и передавать в школу учителю Ивану Петровичу.

Если кто-нибудь из вас задумает зарегистрировать и нанести на карту археологические памятники своего района, то делайте это с помощью таких условных знаков:

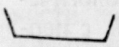
Древняя стоянка первобытных рыболовов и охотников.



Селище древних земледельцев и скотоводов.

Городище.

Курганный могильник.



Простой могильник, без надмогильных насыпей.

Отдельные случайные находки древних предметов.

Материал мы собрали необычайно интересный. Оказалось, что эта древняя стоянка относится к бронзовой эпохе и принадлежит к ископаемой культуре, еще не изученной на Оке. Это было ценнейшее научное открытие. Мое упорство было вознаграждено!

Раскопки стоянки, которые были сделаны в последующие годы, подтвердили, что это один из интереснейших древних памятников бассейна Оки.

Обращайтесь со всеми вопросами в журнал «Пионер» и обязательно сообщайте о каждой своей археологической находке. Можно сообщать о них и прямо в Государственную академию истории материальной культуры (Ленинград, набережная 9 января) или в ее Московское отделение (Москва, Красная площадь, Исторический проезд, 2).

Тот, кто сообщит сведения об интересном археологическом памятнике, может вместе с археологами участвовать в его раскопках.

Таинственная земля

Я прочел книгу академика Обручева «Земля Санникова». Мне очень понравилась эта книга. Но мне хочется знать, откуда тов. Обручев узнал, что это за земля, почему сохранились там первобытные люди, а также мамонты и первобытные носороги.

Мне кажется, если действительно есть эта земля, я там непременно когда-нибудь побываю! Но почему же до сих пор туда никто не может добраться?

Арон Гольдварг.

Село Яшкуль, Калмыкской АССР, Черноземный район, Кет-Шебенеровская НСШ № 2.

Существует ли Земля Санникова?

Отвечает академик В. А. Обручев

Земля Санникова существует, я в этом уверен, хотя туда пока еще никто не добрался. Полярные путешественники только недавно получили в свое распоряжение могучие современные средства передвижения — ледоколы и самолеты. Земля Санникова окружена поясом неподвижных, никогда не оттаивающих, многолетних льдов. Поэтому маломощные корабли, на которых плавали Нансен и Толль, не могли пробиться через эти льды. Современный ледокол может попытаться это сделать, а если не удастся, то ведь на ледоколе должен быть самолет, который в несколько часов облетит неизвестное пространство, откроет землю и, может быть, даже опустится на нее, если найдет подходящую посадочную площадку. А если нет, то с ледокола высадят санную партию исследователей. По указаниям летчика она кратчайшим путем пройдет через льды на землю, обследует ее, насколько возможно, и вернется на ледокол.

Пояс льдов вокруг Земли Санникова, вероятно, не шире 10—20 километров; пройти через него будет, может быть, трудно, но возможно.

А если Земля Санникова окажется такой обширной, что в короткое время полярной навигации изучить ее будет невозможно, ледокол в этот или в следующий год высадит партию исследователей, рассчитанную и снаряженную для зимовки. Я уверен, что вскоре так оно и будет.

Молодые читатели часто спрашивают меня, как я мог узнать, что это за земля. Большие стаи гусей и уток каждый год весной летят в направлении Земли Санникова и в конце лета возвращаются обратно. Это доказывает, что на Земле Санникова есть обширные низменности, удобные для гнездования и прокорма

этих птиц, потому что на скалах они не гнездятся. Пролет птиц доказывает также, что эти низменности рано освобождаются от снега несмотря на северное положение Земли Санникова, а это наводит на мысль, что она представляет собой остаток вулкана.

Уже Толль на основании формы столовых гор Земли Санникова и присутствия базальта (молодой вулканической породы) на соседнем острове Беннета, предположил, что и Земля Санникова также состоит из базальта. Исследование Новосибирских островов показало, что эти острова еще в течение первой половины современного геологического периода соединялись с материком Сибири, были его северной окраиной. Только позже, сравнительно недавно, эта окраина разломалась на отдельные куски, часть которых опустилась и исчезла в море, а остальные уцелели ввиде островов. Эти острова расположены на континентальной платформе, то есть на подводном продолжении материка, которое тянется на некоторое расстояние от современного берега и покрыто неглубоким морем в сотню—другую метров. Большие морские глубины огромной впадины Ледовитого океана начинаются сразу, крутым обрывом, севернее этой платформы. Земля Санникова расположена еще на платформе, но вблизи ее северной окраины, вблизи обрыва к большим глубинам.

Те разломы, которые разбили прежнюю окраину материка на куски, сопровождались прорывами расплавленной лавы из недр земли. Весьма возможно, что на Земле Санникова благодаря тому, что она находится на самой окраине платформы, излияния лавы были особенно сильны. На ней мог существовать даже вулкан и, быть может, земля эта потому так рано и оттаивает, что еще действуют там последние отзвуки вулканизма ввиде горячих источников. На других островах Арктики: Шпицбергене, Земле Франца-Иосифа, Гренландии — тоже есть базальты, частью молодые, а на Исландии и в настоящее время еще действуют вулканы.

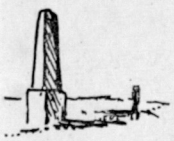
Эти соображения и позволили мне представить Землю Санникова огромным погасшим вулканом. В действительности она едва ли имеет такой вид. Но впадина огромного вулкана была нужна мне по замыслу романа, чтобы об'яснить, почему на этой уединенной земле находятся богатая растительность, онкилоны, первобытные люди и вымершие животные и познакомить молодых читателей с этим исчезнувшим миром и с процессами вулканизма. Все это и сделало роман поучительным и интересным. Но читатель не должен забывать, что это роман научно-фантастический, не должен думать, что действительная Земля Санникова такова, как я описал ее. Весьма сомнительно, чтобы на ней нашли убежище онкилоны или уцелели первобытные люди, и, наверно, там нет такой богатой растительности и представителей вымерших животных.

Я написал свою книгу не только для молодых читателей: мне хотелось убедить исследователей нашей Арктики начать поиски неизвестной земли, о существовании которой почти забыли. И книга выполнила это назначение. О Земле Санникова начали говорить, и летом 1936 года в план экспедиции ледокола «Садко» была включена задача — проникнуть в тот совершенно еще не изученный район Ледовитого океана, к северу и северовостоку от Новосибирских островов, в котором должна находиться Земля Санникова. Но очень тяжелые ледовые условия минувшего лета не позволили «Садко» выполнить эту задачу.

Ребятам, может быть, интересно узнать, как я напал на эту тему для научно-фантастического романа. Изучая для своей научной работы географическую и геологическую литературу о Сибири, я нашел в описаниях старых путешествий на северные окраины и на Новосибирские острова целый ряд сведений о неизвестных землях среди Ледовитого океана, о пролете птиц в этом направлении, о загадочном народе онкилонов, исчезнувших с материка. Это, естественно, заинтересовало меня, так как все неизвестное, загадочное особенно привлекает ученого.

В район, где предполагается Земля Санникова, идет ледокол «Садко». На ледоколе будет самолет, который осмотрит все «белое пятно».

Фонд Географического Общества.



Дима Краузе (поселок Барань, БССР) пишет о высоких каменных столбах, которые стоят вдоль шоссе, ведущего на город Оршу. Стоят они через каждую версту. Диму заинтересовало, что это за столбы. Оказалось, что столбы были выстроены в XVIII веке, перед поездкой царицы Екатерины II в Могилев.

Для царицы построили не только столбы: чтобы угодить ей, губернатор построил в наиболее безлюдных местах вдоль дороги целые деревни с нарядными напоказ домами. Туда переселили крестьян, а когда царица проехала, людей прогнали, а избы продали.

Женя Разиков (Москва) заинтересовался происхождением географических названий. Женя узнал, что многие названия в европейской части РСФСР остались от древних финских племен. В названиях многих рек есть слог «ва». Это значит вода, река. Лысьва в переводе значит еловая река, Лосьва — синяя река, Елва — лесная река, а Москва — грязная река. Когда-то это название было вполне оправдано, но теперь, с постройкой канала Волга — Москва, вода Москвы-реки становится хрустально чистой.

Ямал значит конец земли (я—земля, мал—конец). В далекие времена полуостров Ямал, далеко врезавшийся в суровое Карское море, действительно казался людям концом земли.

Географические названия, если добраться до их смысла, могут рассказать много интересного.

Витя Мокиенко (Ростов на Дону) побывал в Киево-Печерской лавре. Этот старинный монастырь, теперь превращенный в музей, очень интересен. Монастырь стоит на берегу Днепра и окружен высокой каменной стеной. В далекие времена он был надежной крепостью.

Под лаврой лежит еще целый подземный монастырь. От главного хода идут боковые ответвления. В узких нишах вдоль стен стоят гробы умерших монахов. Иногда в стенах встречаются кругленькие крошечные оконца. Когда-то в эти окошечки подавали пищу замурованным в стенах религиозным фанатикам—отшельникам, совершенно отказавшимся от дневного света, жизни и движения, похоронившим себя заживо.

Один из подземных коридоров тянется под Днепром. Витя побывал и в нем.

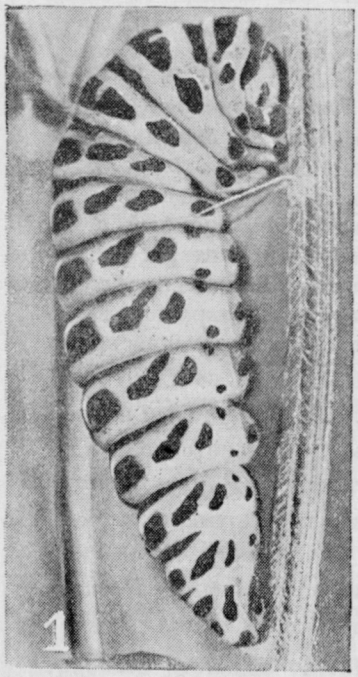
Когда экскурсанты вышли из подземелья, их ослепил яркий дневной свет. Витя пошел прямо на берег Днепра. По реке плыли плоты, был лесосплав. Над рекой поднимались два огромных моста. Было шумно и весело.

Алеша Четвериков (Амвросиевка, Донбасс) рассказывает о раскопках старинной могилы вблизи Амвросиевки. В могиле нашли человеческий скелет, обломки плохо обожженного на огне сосуда и украшение, которое, очевидно, носили на голове. Алеша зарисовал все это. Его письмо мы передали в Институт антропологии.

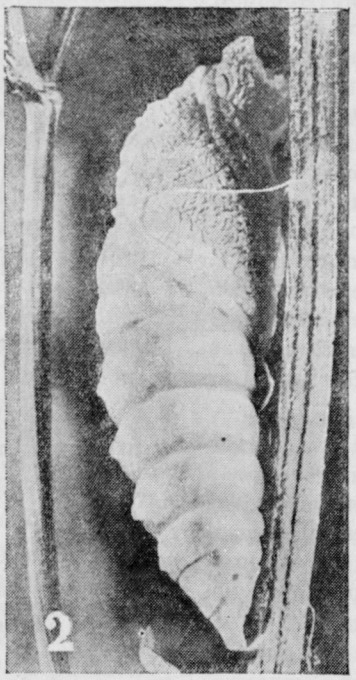
ПРЕВРАЩЕНИЕ БАБОЧКИ

Из неуклюжей гусеницы, напоминающей червя, получается красивая, легкокрылая бабочка, как будто ничем не похожая на гусеницу. Как это происходит?

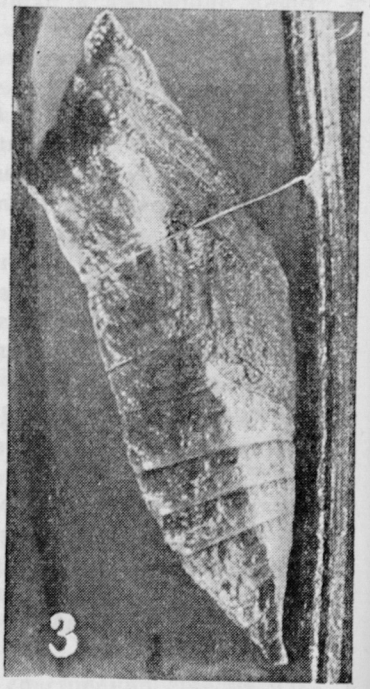
Посмотрите на эти 9 снимков. Они сделаны с обыкновенного европейского махаона, всем известной яркой дневной бабочки, но и остальные бабочки проходят точно такое же превращение.



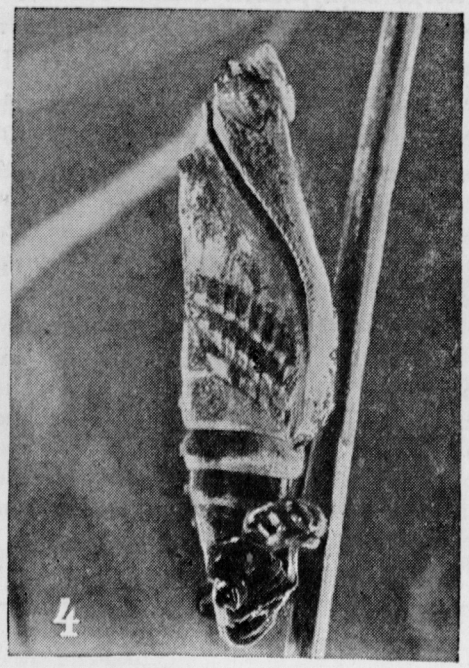
Взрослая гусеница прикрепляет паутинкой свой хвост к стеблю растения. Затем опоясывает себя пояском из паутины, который тоже прикрепляет к стеблю.



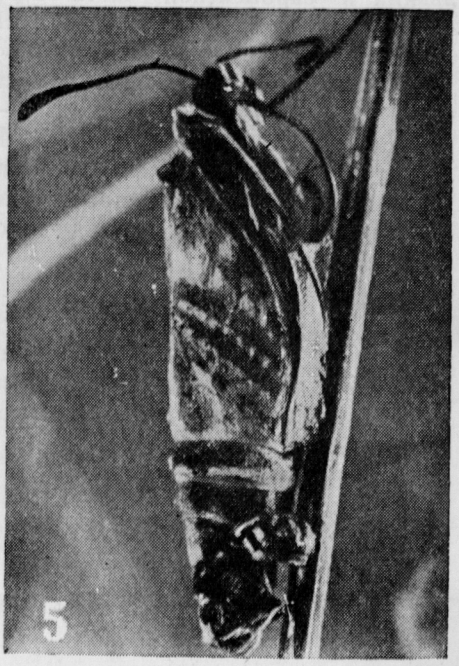
Вскоре после этого кожа гусеницы лопается и куколка выходит наружу. Она совсем мягкая и формой похожа на гусеницу, упакованную в мешок.



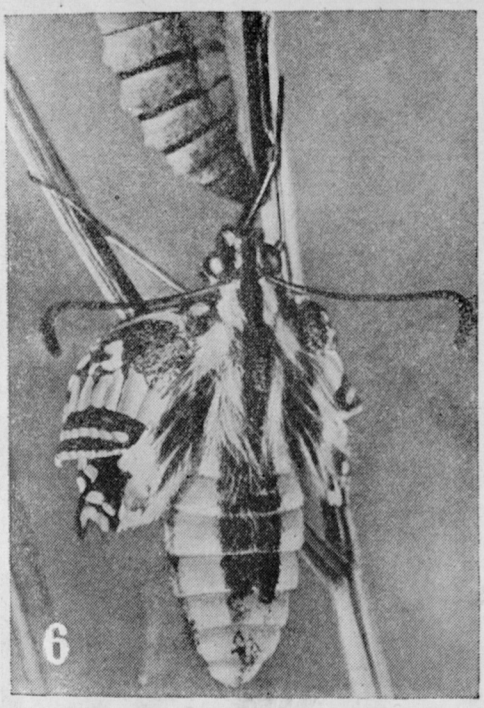
Оболочка куколки сделалась твердой, она неподвижна. Все органы гусеницы сливаются в жидкую массу, из которой затем и развиваются органы бабочки.



Наконец, оболочка куколки лопается.



Показывается голова бабочки.

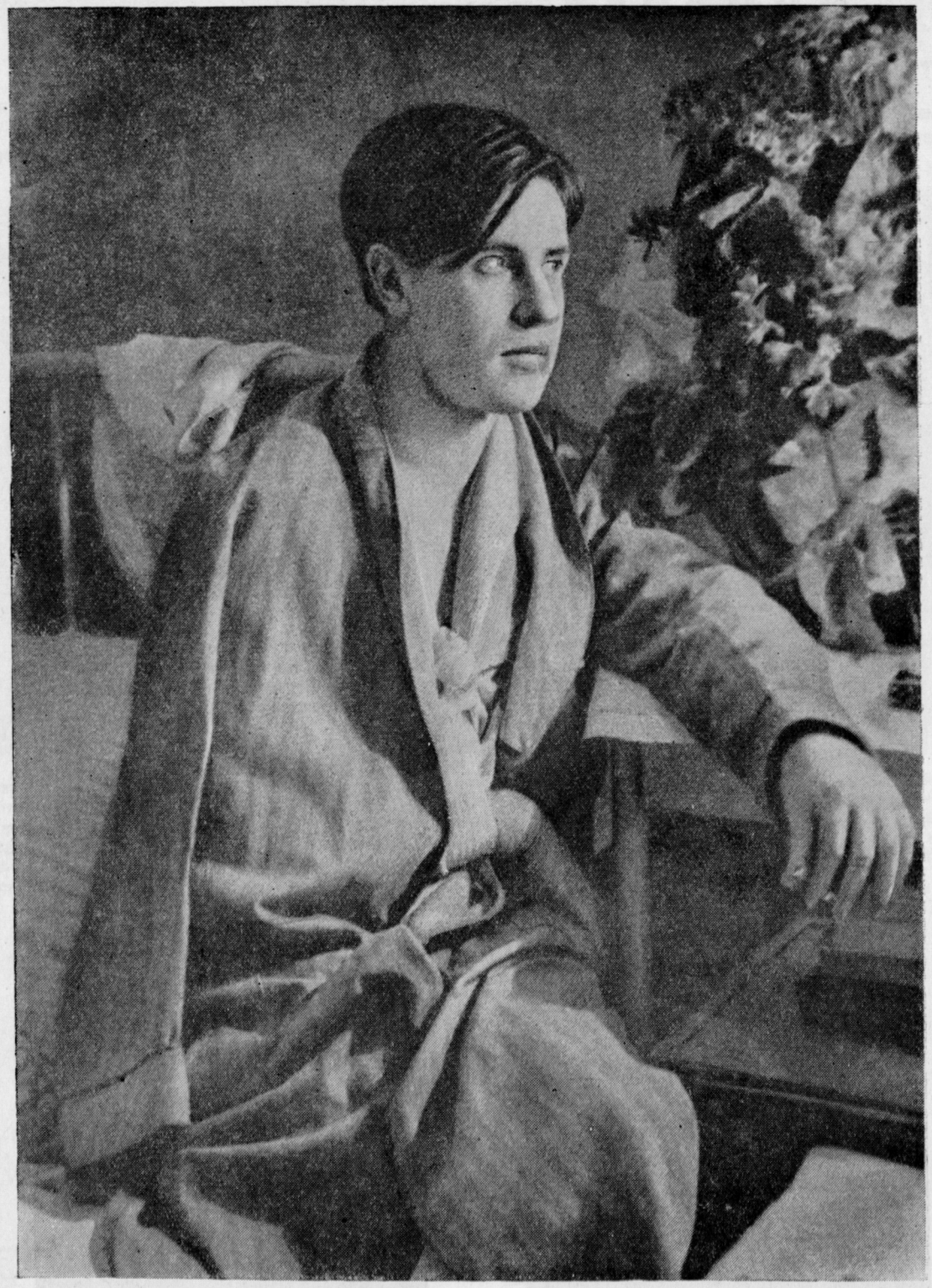


Бабочка теперь свободна, но ее крылья мягки и сморщены. Они расправятся тогда, когда в них через многочисленные сосуды проникнут воздух и кровь.

Вот крылья быстро расправляются. На глазах они приобретают упругость. Через 20 — 30 минут после появления бабочки они раскроются совсем.

Крылья должны еще затвердеть. Чтобы ускорить это, бабочка быстро трепещет крыльями.

Теперь развитие совсем закончено. Посмотрите, насколько бабочка больше той куколки, из которой она вышла.



Майор Рамон Диестро, 22-летний командир отряда гранатометчиков центрального фронта, член союза об'единенной социалистической молодежи Испании. С первого же дня мятежа Рамон Диестро со своими друзьями ушел на штурм казармы Ла Монтанья, где засело 14 тысяч мятежников. Молодой боец республики за время войны был сержантом, лейтенантом, капитаном и, наконец, уже в госпитале «Офтальмико» в Мадриде, буквально на операционном столе, узнал о своем новом чине — майора. Диестро был три раза ранен. В СССР профессор Бурденко сделал ему сложную операцию и спас от ампутации правую руку.

БОЙЦЫ РЕСПУБЛИКИ

Майор Рамон Диестро

[Записки из дневника]

Неделю нам не подвозят продуктов. Поле усеяно пустыми консервными банками. Вчера еще мы проклинали эти сардинки — единственное, что оставалось в нашем неприкосновенном запасе. Сегодня мы делаем уже вылазки за дальними банками, отброшенными за сто метров от окопов. Ни в Лас-Навасе, где расположен наш штаб, ни в траншеях не остается ни крошки хлеба, ни одной банки консервов. Наши охотники за пустыми жестянками возвращаются ползком: враг, находящийся совсем рядом, не должен знать о том, что мы подтягиваем животы поясами.

— Богатый улов! — радостно возвещает Панчовидио, наш окопный агитатор, подползая к траншеям. И он нам показывает содержимое двух банок.

— Хорошо быть сытым,— философски изрекает сержант Хулиан Палатиос.— Если бы мы вчера были так же голодны, как сегодня, в этих коробках не осталось бы ни одного хвоста сардинки, а так мы имеем четыре нетронутых рыбешки.

Да, это точно подсчитано. В трех жестянках найдено четыре сардинки.

— «Tempus fugit»,— цитирует Горация Попэй [1].— «Время бежит», и я предлагаю продлить мудрость на день.

Мы догадываемся, какой план собирается внести на обсуждение толстый Франциско.

— Тебе хорошо, верблюд, ты нажрался в Мадриде и питаешься сейчас, как твой двугорбый собрат, жировыми отложениями.

Франциско виновато бормочет:

— Честное слово, я не собираюсь у вас просить и четвертушки сардинки, но на вашем месте я с'ел бы ровно половину, а завтра снова «нашел» бы в этих же банках две сардинки.

Мы смеемся и великодушно предлагаем автору проекта полсардинки. Пиршество идет вовсю, и Панчовидио развертывает перед нами свои исключительные познания в кулинарии.

Широким жестом Панчовидио показывает нам на простирающееся за окопами поле.

— Вот вам картошка, обычная картошка, гарнир, который растет у нас под носом. Вы знаете,— с неожиданной поспешностью говорит Панчо,— что из этих плодов земли можно приготовить двенадцать самых разнообразных блюд!

Мы глотаем слюну и слушаем сказочное меню Панчовидио — это пюре, картошка «в мундирах», печеная на углях, жареная...

— Но где взять масло? — робко обрывает Попэй.

— Масло?—презрительно измеряет Панчовидио нашего Франциско.— Ты жалкий неуч! — и он делает ошеломляющее нас открытие:

— Слава лас-навасской картошки заключается в том, что она жарится в собственном соку.

Что бы мы отдали за одну такую картофелину?!

Но нас все же грызет червь сомнения, и мы зовем на консультацию Фигаруа — бойца-крестьянина, известного в батальоне под кличкой «Шериф». Он все знает, особенно в области, относящейся к сельскому хозяйству. Фигаруа с видом знатока подтверждает, что картошка Лас-Наваса действительно хороша.

— Но где уж вам, товарищи студенты!— вежливо роняет он.— Вот если бы нам разрешил наш капитан, мы притащили бы целую тонну.

Диего де Месса, сын известного испанского поэта Энрике де Месса, обижен за все студенчество:

— То есть, как это — где уж нам! Если бы не обстрел, студенты давно накопали бы картошки для всего батальона!

«Шериф» притворно покатывается со смеху.

— Вы бы накопали? Да ведь это нужно уметь сделать!

Чорт побери! Мы оскорблены в лучших наших чувствах. К Луканди, нашему ко-

[1] Так мы называли бойца нашего батальона Франциско Уренья, моего старого школьного друга. «Попэй» — это имя героя приключенческого американского фильма. Он, так же как и наш Франциско, вечно грозил врагу, но... редко исполнял угрозы.

мандиру батальона, немедленно отправляется делегация, и мы просим его разрешения снарядить маленький продовольственный отряд на копку картошки. Мы доказываем всю безопасность такой экспедиции: враг не ел дольше нашего, у него нет даже об'едков, а следовательно, и никаких сил для стрельбы...

— Согласен,—говорит Луканди и, обсуждая все меры предосторожности, утверждает состав «бойцов-огородников».

Всего пойдет 14 человек: 7 крестьян и 7 студентов. Мы заключаем дружеское пари. Тот, кто накопает меньше картошки, кормит бригаду-победительницу чудесным обедом в Лас-Навасе в первый же день нашего отдыха.

Мы жили очень дружно с бойцами-крестьянами, любили друг друга, и у нас никогда не было никаких разногласий. И этот поход на картофельное поле мы рассматривали как спортивное соревнование двух «команд», так свойственное нашим пылким натурам.

Крепкими узлами стянуты рукава на рубашках, узел сделан на воротнике — и четырнадцать самодельных мешков готовы. Мы желаем счастливого пути нашим «огородникам», и Фигаруа дает на «старте» дружеские советы бригаде студентов, как продуктивнее копать картошку. Наша бригада внимательно выслушивает «картофельные инструкции». В семерке — Диего де Месса, Палатиос, знаменитый легкоатлет Испании, Попэй, мой брат Альберто, Панчовидио, Хулио Ромео, Кастаньедо.

Осторожно пробираются наши охотники за двенадцатью блюдами Панчо. От камня к камню. От дерева к дереву. Мы наблюдаем с затаенным вниманием. Враг их заметил и посылает одиночные выстрелы. Мы видим, как работают маленькими лопатками наши четырнадцать друзей и как беснуется враг, сам, должно быть, облюбовавший это лакомое поле.

— Да у них, должно быть, нет патронов, — заключает Луис Дельбаль, наш лейтенант, когда затихают и одиночные выстрелы.

А наши бешено работают. Их прикрывает от траншей врага маленькая возвышенность, за которой они почти в безопасности.

Проходят томительные полтора часа. Ползком возвращаются наши с драгоценной своей ношей. Противник испускает страшные крики. Луканди, издеваясь, предлагает им в рупор:

— Спуститесь-ка теперь вы за картошкой!

Сейчас начинается самое занятное. В то время как разводятся костры, «жюри» ведет подсчет добычи. Считается каждая картошка. Это долгая и утомительная процедура, но вот сам Луканди призывает нас к молчанию и поздравляет четырнадцать смельчаков с победой.

— Первая наша благодарность тем безыменным труженикам, которые своими руками добились такого урожая. Когда мы отберем эту землю и сюда вернутся ее хозяева — крестьяне, — мы вернем им с лихвой все, что сегодня собрали здесь.

Мы провозглашаем громкое ура и с нетерпением ждем об'явления результатов.

Луканди уклончиво заключает:

— С победой вас, товарищи бойцы, — и весело желает нам апетита.

— Капитан,— несется со всех сторон,— товарищ капитан, кто же победил?

Луканди притворно показывает на уши и делает вид, что ничего не слышит. Тогда поднимается смущенный «Шериф» и говорит:

— Прошу студентов пожаловать на обед в Лас-Навас. У вас на 230 картофелин больше.

...Медленно надвигаются сумерки, как в тумане выступают далеко не понятные еще тени? Как обманчива эта вечерняя тишина!

— Вы слышите?

Пулеметчик Торес, которого мы прозвали «черным Торесом» за цвет его кожи, призывает к молчанию. За каменными при-

Вот кто сражается за генерала Франко: взятые в плен республиканцами немецкий летчик, марокканец и немецкий унтер-офицер.

крытиями у нас безмолвно и неподвижно. Мы все замираем и пронизываем взором поляну. Мы уже различаем что-то, движущееся сплошной массой. Но еще лучше мы слышим. Это протяжные и глухие крики, поднимающиеся из-за леса. Не слышит только наш «глухарь», капитан Фелисе Луканди: он давно потерял слух. Но зато он первым распознает, кто это медленно приближается к нам.

— Мавры,— спокойно произносит страшное и новое для нас слово Луканди.

Мы крепче прижимаемся к земле. Луканди улыбается и восклицает с непоколебимым хладнокровием:

— Сейчас четвертый батальон покажет мавру!

Это были первые марокканцы, которых увидели на испанской земле бойцы республики. Подмигивая и улыбаясь, Луканди подбадривает нас:

— Вот сейчас и покажем!

Хваленый солдат Муссолини труслив. Бережет свою шкуру и немец: не намного храбрее он своего итальянского союзника. По-настоящему смел только марокканец, огромным своим телом, как броней, прикрывающий итало-германцев и обильно поливающий кровью далекую ему страну. Вначале он нам был очень страшен, этот новый и первый иноземный враг, бесконечно презиравший смерть. Но потом даже храбрые и настойчивые мавры перестали быть пугалом: мы научились побеждать и их.

— Я не верю тому, кто утверждает, что он ничего не боится, — сказал как-то Луканди, — таких храбрецов нет. Все были трусами, и храбр только тот, кто преодолел в себе трусость. Вот мы с вами, — заключил, смеясь, капитан, — теперь смельчаки, а ведь, чего таить, трусили, как и все.

Только сейчас мы заметили, что у мавров нет никакого оружия. Мы не стреляли. Мавры медленно шли в нашу сторону. И когда кто-то из нас приветливо им крикнул (нам уже было ясно, что это перебежчики), они обернулись и кого-то позвали. Вскоре человек 200 откликнулось на их призыв. Это было радостное зрелище. Марокканцы шли с поднятыми руками, и в свете заката они были похожи в своем одеянии на бронзовые фигуры. Они кричали, коверкая испанский язык, и мы радовались их восторженному возгласу:

— Эрманос, ио эста рохо!

И они шли, повторяя без конца эти слова:

— Братья, мы красные!

4-й батальон ликовал. Мы вышли из-за прикрытий, бросали вверх наши шапки и отвечали искренними возгласами привета:

— Идите к нам, братья!

Мы были готовы броситься навстречу им и обнять их, наших обманутых врагов. Обожженные солнцем, рослые и сильные, они шли улыбаясь. Марокканцы были совсем рядом с нами, как вдруг непонятная и страшная сила обрушилась на 4-й батальон: нас бомбили, нас расстреливали в упор. Мы верили людям, кричавшим нам: «Братья!» В дрожащих руках, поднятых вверх, у них были маленькие ручные гранаты, которые ни один из нас не мог заметить на расстоянии даже 30 метров в этот кошмарный, на всю жизнь запомнившийся вечер. И одновременно все они сбросили свой коварный и страшный огневой груз. Почва проваливается под ногами. Как утопающий, я жадно хватаю в последний раз воздух, задыхаюсь от удушья, и в черном дыму, как в непроницаемой туче, короткие и острые вспышки разрывов слепят глаза и обжигают тело. Я не знаю, что звучит сейчас громче — разрывы гранат, стоны умирающих или яростные крики проклятия живых бойцов. Время, казавшееся нам вечностью, измерялось всего секундами. Ошеломленные, раздавленные этой страшной неожиданностью, мы бросаемся за прикрытия. Яростный голос Фелисе Луканди возвращает нам мужество:

— Растерзать их! Ни один мавр не должен уйти!!

Этот клич перекрывает все. И мы ничего не слышим уже кроме голоса капитана:

— За мной! Мавры безоружны!

Только сейчас нам, оставшимся в живых, стало понятным, что коварный враг плохо рассчитал. Наш капитан прав: у мавров ничего не осталось в руках. Все их гранаты уже давно взорвались. Мы бросились вперед за нашим «глухарем». В туманной, дымовой завесе, еще не растаявшей после взрывов, мы ясно различали врага. Ни одного выстрела, только приклады и штыки. Это было страшное исступление, припадок ярости, жажда мести. И нет таких слов, которые могли бы помочь мне рассказать о пятнадцати минутах нашей расправы над врагом. Откуда брались силы у бойцов 4-го батальона? Луканди не переставал выкрикивать:

— Не уйдет ни один!

И мы отвечали:

— Не уйдет!

Все легли у наших окопов. Но мы помнили, что новый враг может обрушиться на

нас и где-то недалеко наблюдает за этим боем. Луканди опередил замыслы противника: в полукилометре от нас уже устанавливали свои митральезы Салинас и Дельбаль, но на сей раз враг не рискнул еще раз пойти в атаку. Оставив охранение, мы через час покидали поле, усеянное трупами мавров. В кожаных сумках марокканцев мы нашли новое обмундирование — второй комплект, выданный им как аванс за кровавое злодеяние. Наша одежда — в то время еще очень пестрая и разнообразная — успела загрязниться, и каждый из нас с удовольствием надел чудесную шолковую рубашку — форма марокканца — с полумесяцем, вышитым на груди.

— Самый верный талисман! — не унимался Панчовидио, выбирая себе рубашку по росту. — Стоит мне только научиться орать, как они, и вы можете послать меня в их окопы, — с серьезным видом предлагал Панчо нашему капитану.

Каждую ночь мы слышим далекий гул моторов: это мятежникам подвозят на грузовиках боеприпасы и оружие. Днем мы видим друг друга и настороженно выжидаем. На пятую ночь нашей траншейной жизни мы призывали мятежных солдат переходить к нам. Панчовидио был у нас большим специалистом в этих переговорах.

— Вас не только обманывают. Вам даже не платят жалования, — разносил рупор слова Панчовидио.

По ту сторону молчали.

— Если бы вы захотели сейчас покурить, у вас ни одной папиросы, — продолжал наш приятель. Кто-то во вражеских окопах выругался, и Панчовидио спокойно ответил:

— Я бы советовал вам сейчас заткнуть ваш рот и открыть его только тогда, когда я принесу вам папиросы.

Мы знали, что все эти дни в окопах врага не было табаку.

Панчовидио неожиданно для всех нас и для врага, засевшего в окопах, говорит:

— Давайте на спор, солдаты, что мы богаче вас. Вот у одного меня только 25 пачек лучших сигарет, и только 130 пезет звенят в моем кармане.

Воцаряется исключительная тишина.

— И я, рядовой боец республики, жертвую все это вам. Согласны?

В окопах врага молчание.

— Неужели заснули на фронте? — кричит в рупор Панчовидио и повторяет свой вопрос. — Ну, отвечайте же: согласны или нет?

Какой-то робкий голос начинает вещать с той стороны:

— Можем менять на консервы.

Прослушав это предложение, мы громко смеемся, давая понять врагу, что очень богаты.

— Консервов у нас еще больше чем папирос, — отвергает сделку Панчовидио, — мы не коммерсанты и жертвуем вам безвозмездно.

В окопах, должно быть, совещаются, и через минуту мы слышим:

— Пусть один из ваших идет с сигаретами.

Панчовидио орет в рупор:

— Я вам верю, что никаких гадостей вы не натворите и не изрешетите меня и мои подарки.

И он весело предупреждает:

— Я выхожу и буду петь. При мне никакого оружия — только папиросы и мое жалование.

Панчовидио поднимается и идет в темноту. Его с минуту провожает Луканди. Мы знаем, что у Панчовидио, кроме сигарет, еще около 40 номеров «Мундо обреро».

Проходят долгие минуты ожидания. Мы слышим песню Панчовидио — это какие-то веселые куплеты, но вскоре далекий голос исчезает. Мы все страшно взбудоражены.

Так проходит сорок минут. И вдруг опять слышны озорные куплеты Панчовидио. Он идет. Мы готовы кричать, приветствуя нашего друга. Страшная темнота не дает нам разглядеть его. Вот и Панчовидио! Он спотыкается у самых наших траншей и комически рапортует:

— 39 номеров «Мундо обреро», 25 пачек сигарет и 130 пезет розданы благополучно.

И наш весельчак вытаскивает вещественные доказательства пребывания в окопах врага: две марокканские фески и одну солдатскую шапку.

— Подарок на долгую память, — раз'ясняет наш окопный агитатор происхождение головных уборов.

— Браво, друг! — поздравляем мы смелого товарища, и каждый из нас старается обнять нашего Панчо, пожать ему руку и похлопать по плечу.

...Где-то недалеко от наших передовых позиций, а иногда и совсем рядом — у временных казарм — раздавались одинокие, но всегда неожиданные и попадающие в цель выстрелы. Это стреляли «пакко» — таинственные и неуловимые марокканские снайперы. Выстрелы этих стрелков были страшнее пулемета, открыто ведущего свой огонь.

Это город Овиедо. Белая линия слева показывает, где проходит фронт.

О невидимых сверхметких «пакко» и погибших бойцах у нас много и взволнованно говорили. Чего таить, мы испытывали какой-то гипнотический страх попасть под пулю рядом с нами маскирующегося марокканца. Название этих стрелков, смело пробирающихся почти в наш тыл, происходило от точного воспроизведения звука пули — пакко, — вылетающей из африканской винтовки, которой были вооружены снайперы.

Одна — две жертвы этих «пакко» были печальным итогом почти каждого дня.

Неожиданно выстрел раздался и сегодня утром. Пуля попала в окно нашего штаба. В те дни Лас-Навас был уже нашим. Заняв этот чудесный уголок Гвадаррамы, излюбленный мадридской буржуазией, мы вскоре поняли, что враг потерял не только очень важный стратегический пункт, но и небывалый в условиях войны уют. Прекрасные отели Лас-Наваса даже обидно было так прозаически именовать казармами. Луканди был прав, когда, шутя, обещал нам здесь «курорт и отдых».

В те дни мы были уже богаче, и запасы патронов позволяли нам даже тренироваться в стрельбе по мишеням. Время пребывания в Лас-Навасе было для нас боевой и политической учебой. Диего де Месса весь ушел в занятия с неграмотными бойцами и вскоре демонстрировал Луканди первые самостоятельно написанные письма своих учеников. Попэй, наш читчик и фронтовой книгоноша, охватил уже своей просветительной работой весь батальон, а Хулио Ромео завершал курс лекций о санитарии, гигиене и первой помощи в бою. Но всем нам была не по душе эта почти спокойная армейская жизнь: мы уже успели привыкнуть к боям и даже почетную задачу защиты Лас-Наваса считали в душе делом, менее важным нежели постоянное продвижение вперед и стычки с марокканцами. Наши наступления угадывал Луканди, и нам крепко доставалось за эти, как именовал он их, «политико-стратегические отставания».

Однажды капитан вызвал Дельбаля, Панчовидио, Попэя, Фигаруа, меня и еще трех бойцов. Луканди серьезно разрабатывал план организации снайперской команды и остановился на нас. Наш командир нарисовал захватывающую картину ближайшей операции нашей восьмерки. Этой ночью нам предстоит первая вылазка на территорию врага, и с рассветом мы должны вернуться, доложив об удачах.

Ночью мы покидаем Лас-Навас «поупражняться», как напутствовал нас Луканди.

В пяти километрах от нас, в маленькой деревушке, спит мятежный батальон. Это смешанная часть из марокканцев и фалангистов. Господа испанские фашисты никогда не несут ночной охраны, если есть мавры. По данным разведки, враг ждет подкрепления. Ползком, в темной одежде мы приближаемся к цели. Ночь безлунная — верный спутник разведчика. Свидетель всех наших походов — одеяло — сегодня будет нашим оружием. Мы уже видим того, кто первый должен испытать силу этого нового вида «вооружения»: высокий мавр шагает от дерева к дереву. Марокканца выдает белое одеяние. Понятно, нет ничего легче сразить сейчас его меткой пулей. Но ведь не за этим мы приползли сюда. Нам нужно снять бесшумно всю ночную охрану — весь патруль. Панчовидио, Дельбаль и один из бойцов подползают на расстояние двух—трех шагов к марокканцу, когда он делает поворот, набрасываются на него, накрывая одеялом, валят на землю, и он не успевает даже крикнуть. Следующий мавр, в двухстах метрах отсюда, достается мне, Попэю и Фигаруа. Пока первая наша тройка разделывается с огромным мавром, мы вы-

жидаем, пока часовой вернется, и набрасываемся на него таким же образом.

Так мы проползли примерно с километр и бесшумно сняли ночной патруль — шесть человек, охраняющих деревушку, где спал враг. На Гвадарраме светает очень рано, и мы должны вернуться к себе засветло. Еще час в нашем распоряжении. Шопотом проходит наше совещание. Мы решаем войти в деревушку с тем, чтобы распознать, в каком из домов находится штаб. Решено приготовить сюрприз Луканди и принести ему какую-нибудь карту из штаба противника. Но благоразумие берет верх, и мы решаем уйти обратно. На узкой уличке Дельбаль спотыкается о какой-то металлический предмет.

— Чудесно! — шепчет он поднимаясь.

Это портативная мортира, очень удобная и незаменимая в горных условиях. С ней можно даже бежать — так она легка. Одна такая мортира имеется и у нас в Лас-Навасе. Но мы давно уже не работали с ней. Ни одного мортирного снаряда не осталось в четвертом батальоне. Дельбаль шарит по земле и готов вскрикнуть от восторга: целый запас мортирных бомб. По своей форме они очень напоминают авиационные. Каждый из нас запасается этим грузом и, взвалив на плечо Попэю мортиру, мы бесшумно идем дальше.

Когда мы отходим уже на четыреста метров от деревушки, созревает план, который принимается единогласно: нужно посеять страшное и непоправимое смятение в рядах врага. Быстро устанавливается мортира—на это не нужно даже и минуты, — и первый оглушающий выстрел посылается в спящую деревушку. Выстрелив, убегаем с мортирой в другую сторону метров за сто и уже отсюда посылаем второй и третий снаряды. Так в течение нескольких минут мы меняем точки. Трудно представить, что делается в стане врага. Если бы даже деревня бодрствовала, все равно в это ночное время почти невозможно определить, откуда летят эти маленькие, но разрушительные снаряды мортир, выводящие из строя при удачном попадании до тридцати человек. Сонному врагу, который сейчас начал беспорядочную стрельбу, наверное, кажется, что он окружен со всех сторон.

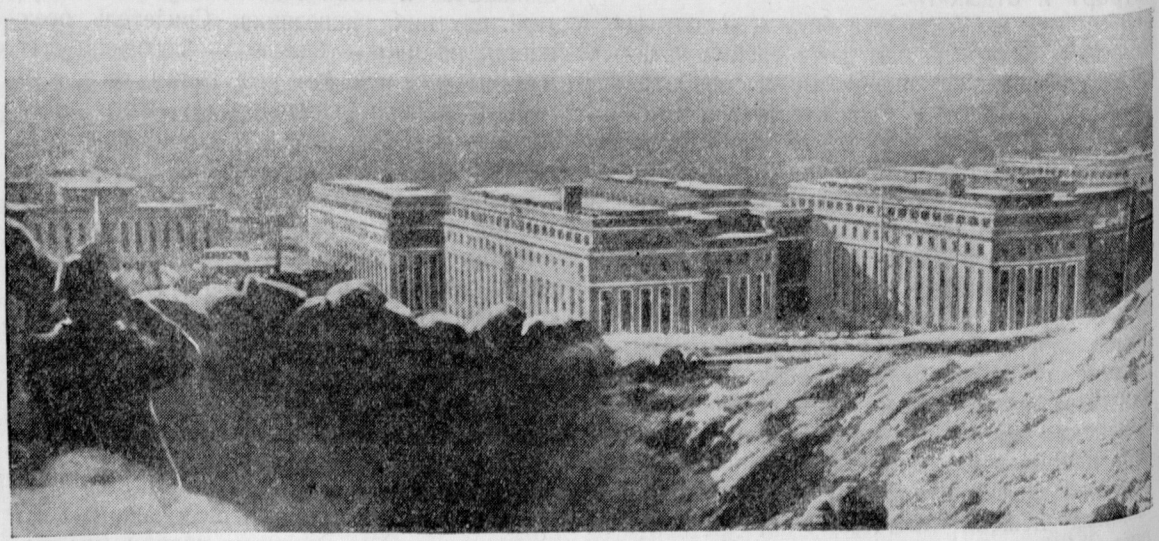
Мы слышим отчаянную перестрелку на территории деревушки. Это нам и нужно. Не израсходовав и десятой части запаса мортирных снарядов, мы быстро удаляемся и скоро, еще до наступления полного рассвета, пройдя все наши патрули, стучимся в дверь Фелисе Луканди. Мы устанавливаем мортиру посреди комнаты, где бодрствует наш «глухарь», разбуженный далекой стрельбой, выкладываем все бомбы, и Дельбаль рапортует о первой вылазке республиканских «пакко».

Как счастлив Луканди! Он бормочет что-то, поспешно обнимает каждого из нас и, наконец, роняет:

— Если они «пакко», то мы должны называться так, как именуют лучших стрелков в Советском союзе.

Мы провозглашаем «ура» и принимаем это посвящение в «стрелки Ворошилова».

За нами закрепляется это имя, и отныне наша восьмерка зовется «Ворошиловы».



Окопы республиканцев перед университетским городком Мадрида, в котором засели мятежники.

С КИНОАППАРАТОМ ПО ИСПАНИИ

В Москву возвратился советский кинооператор Борис Макасеев. Он пробыл в Испании десять месяцев. Вместе со своим товарищем Романом Карменом он снимал события, происходящие в Испании. На советских экранах идут снятые ими фильмы.

На этой фотографии: Б. Макасеев (справа) и Р. Кармен с киноаппаратом «Аймо».

Мы просили тов. Макасеева рассказать о том, что он видел. Вот что он рассказал:

«Мы отправились на испанский фронт вооруженные двумя киноаппаратами «Аймо». Это небольшие, очень удобные американские киноаппараты. «Аймо» можно зарядить сразу 30 метрами кинопленки. Эти аппараты можно перезаряжать на свету. Мы с ними не расставались. Мы об'ездили с ними всю республиканскую Испанию, были и в Мадриде, и в Толедо, и в Валенсии, и в Барселоне. Мы уходили из гостиницы рано утром, а возвращались глубокой ночью. Часто мы ночевали там, где нас заставала ночь. Обычно бои между республиканцами и мятежниками начинались утром. Чтобы снять бой под Теруелем, я выехал из Валенсии до рассвета. Мы ехали горными дорожками. В горах лежал плотный белый туман и было холодно. В таком тумане легко заблудиться и попасть к фашистам. Мы знали, что их укрепления совсем близко. А уж если попадешь к фашистам, вряд ли вернешься обратно живым.

Мы часто высовывались из машины и тревожно искали знаков на дороге. Но их почему-то не было, и мы не знали, кем занята эта местность: республиканцами или мятежниками. Случайно нам встретился автомобиль, в котором ехало двое республиканцев. Они указали нам верный путь, и когда мы под'ехали к окопам республиканцев, там уже готовились к бою.

Этот бой окончился победой республиканцев: они захватили много орудий и несколько пленных.

Орудия были сделаны в Германии и в Италии. Среди пленных я видел итальянцев. Фашистское командование называет их «добровольцами», но многие пленные сами рассказывали, что их силой заставили ехать в Испанию.

Когда снимаешь бой, обычно нервничаешь: столько волнующих моментов, все хочется снять, боишься пропустить что-нибудь.

Раз был такой случай. Я ночевал в деревне и рано утром вышел на улицу. По дороге проходили части республиканцев, проезжали грузовики с амуницией. Республиканцы шли в наступление. Вот прошел батальон интернациональной бригады имени Чапаева. Я стал снимать бойцов и вместе с ними вышел за деревню. Со мной шел наш шофер Рикардо. Он нес чехол с кинопленкой.

Не успели мы отойти от деревни, как послышался рокот моторов, в воздухе показались фашистские самолеты. Они летели низко над дорогой, по которой шли части. Раздалась команда тревоги, и бойцы рассыпались по полю.

Я не мог пропустить такой момент и стал снимать. Вдруг я увидел, что стою один на дороге, а Рикардо нет. Я стал звать его: «Рикардо, Рикардо!»

Но он не откликался. Я еще громче закричал: «Рикардо!»

Вдруг из маленького окошка полуразрушенной кузницы показалась голова Рикардо. Он спросил, что мне нужно. Я за-

кричал, чтобы он скорее выходил, что мне нужна пленка. Но он совсем не торопился. Я хотел сказать ему, чтобы он вылез из подворотни, но никак не мог вспомнить, как будет по-испански подворотня.

— Пурке, ты под подворотню спрятался! — крикнул я.

Рикардо, очевидно, понял мой испанский язык и хотя не очень охотно, но вышел из своего убежища и принес мне чехол. Я начал быстро снимать.

Когда заработала зенитная артиллерия, самолеты улетели. Части построились и снова пошли вперед.

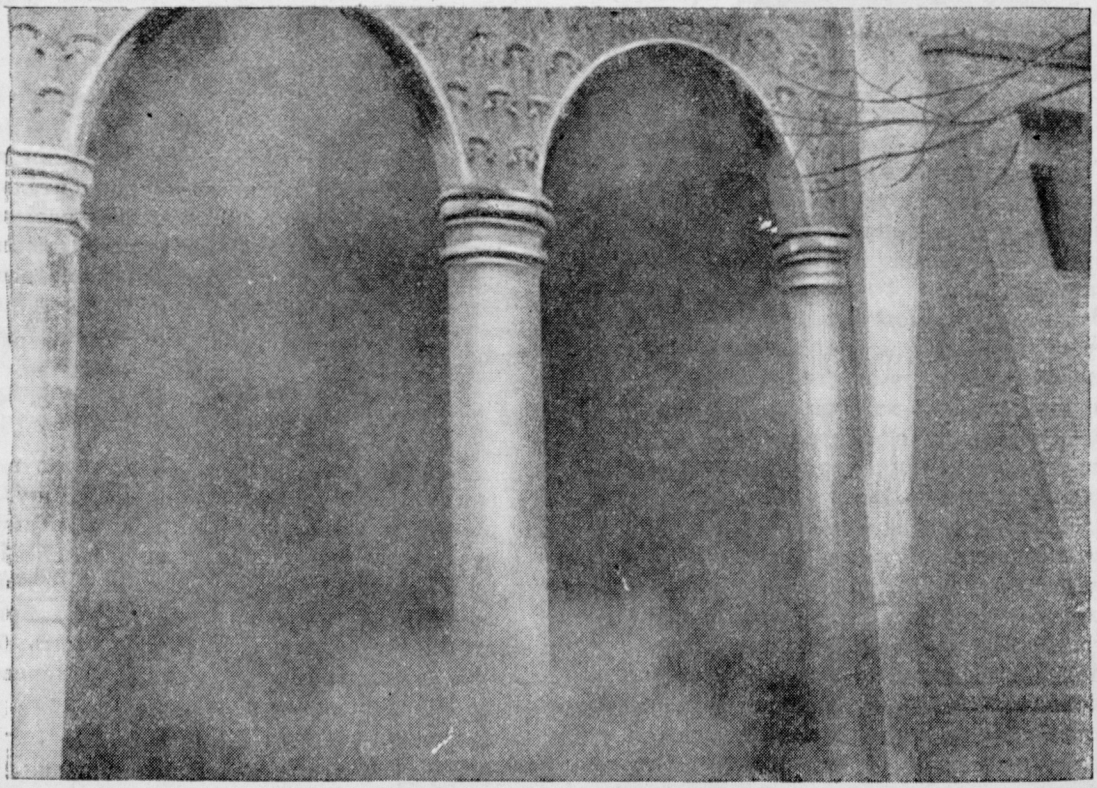
Таких случаев и у меня и у Кармена было очень много.

Кроме нас в Мадриде было много иностранных кинооператоров.

Когда к Мадриду подступали фашисты, все они уехали в Валенсию. Мы, конечно, остались в Мадриде и продолжали с'емку.

Когда мы приходили в гостиницу, мы рассказывали друг другу о том, что видели за день. А видели мы очень много, и каждый день был полон новых событий. Мы старались их заснять, чтобы показать всем правду об Испании.

Замок Дуки-Альба.



Этот снимок один из целой серии, которую я сделал, снимая пожар замка Дуки-Альба. Из-за дыма многие снимки не получились. Снимать было очень трудно: с потолка падали горящие доски. Здание рушилось. Я решил пройти внутрь. Около библиотеки пол совершенно сгорел, и на его месте была яма. Мимо меня пробежал боец, он нес на руках статую. Около него упала горящая балка, она разбила несколько фарфоровых ваз. Загорелась библиотека. Несколько человек стало вытаскивать из огня старинные книги. Они уже тлели. Замок горел очень долго.

Через несколько дней после пожара я проезжал здесь и увидел одни развалины. Не осталось даже колонн, которые вы видите на фотографии. Этот замок стоял 13 веков, пока его не разрушили бомбы фашистских самолетов.

Я видел его до пожара и помню, что это было одно из самых прекрасных зданий Мадрида.

Башни Серрано.

Это башни Серрано. На них видны черные точки. Это следы бомбардировки, но башенные стены крепки: в два метра толщиной, их нелегко разрушить. Вот дом с левой стороны разрушен. В нем теперь никто не живет. Кучка земли у дверей вырыта бомбой. Я снимал эти башни с улицы. Если бы я снял сверху, вы увидели бы плоскую крышу, окруженную барьером. Раньше эти башни были крепостями, и отсюда стреляли по врагам. Сейчас пришлось всю эту площадку крыши, до самого края барьера, засыпать землей. Ведь, когда строили эти башни, самолетов не было. Поэтому их крыша не так прочна, как стены.

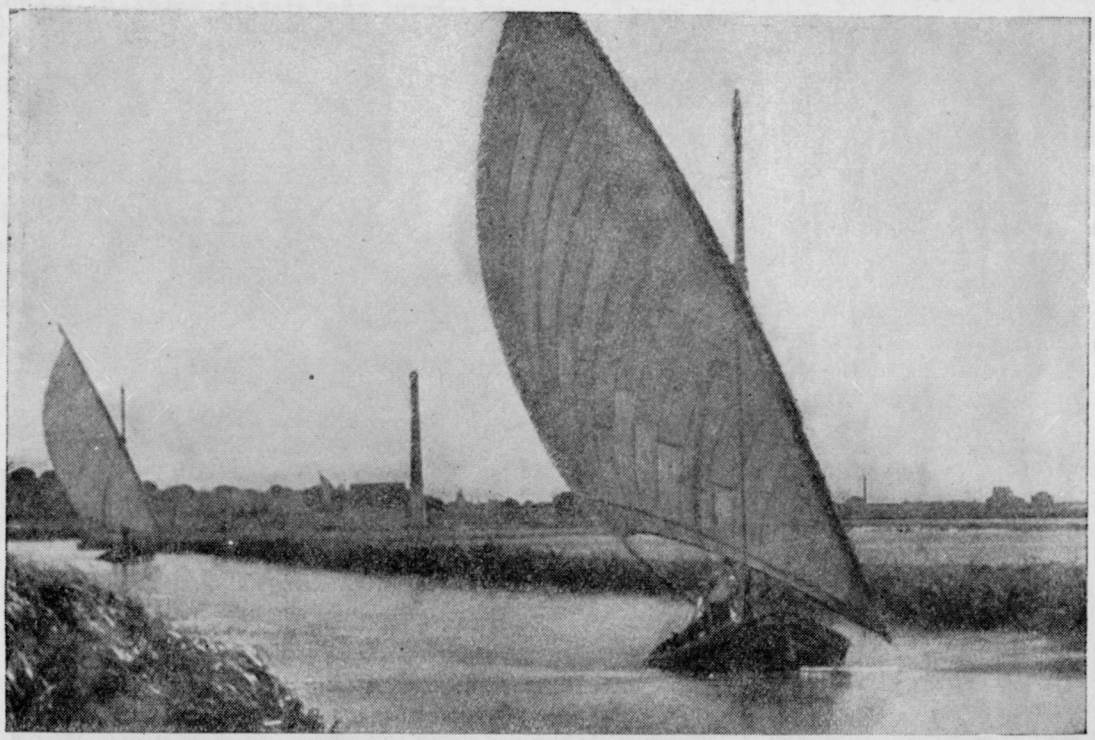
В башнях Серрано сейчас хранятся картины знаменитых испанских художников, вывезенные из Мадрида. Чтобы они не испортились, в башнях поставлены специальные печи. Там поддерживается все время одинаковая температура.

Сбор апельсинов.

Все побережье Валенсии покрыто апельсиновыми рощами. В этом году хорошая погода и крестьяне уже второй раз собирают урожай апельсинов. Этот снимок я сделал недалеко от замка Сестаго. Когда начался мятеж, хозяин замка сбежал, и теперь в нем живут ребята, приехавшие из Мадрида.

Я был в этом замке, когда они приехали. Их встречали пионеры Валенсии. Крестьяне соседних деревень убрали весь замок и принесли ребятам фрукты.

Рисовые поля в Валенсии.



Такими каналами изрезаны рисовые поля Валенсии. Весной открывают шлюзы и вода из каналов разливается по полям. По каналам плавают небольшие парусные суда. Они перевозят с полей урожай риса на мельницы. Здесь видны только трубы этих мельниц. На этих мельницах обмолачивают рис и посылают его республиканцам.

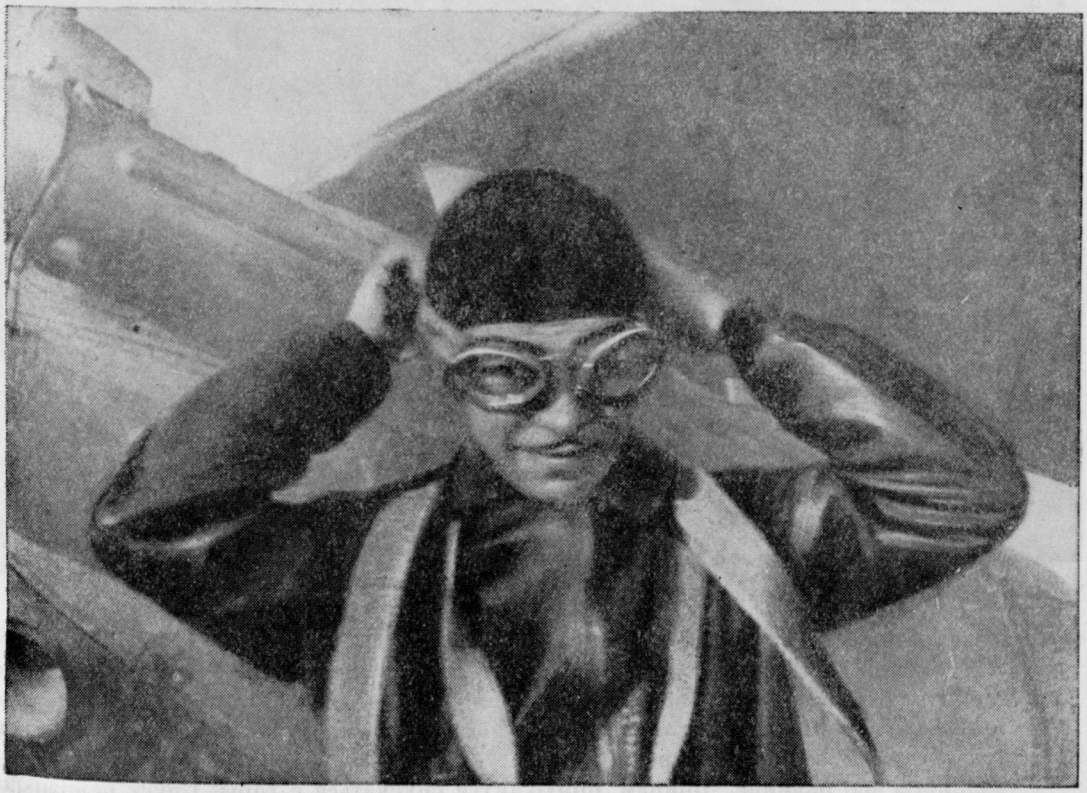
Гранатометчики в Толедо.

Этот снимок сделан с той же крыши, на которой сидят бойцы. Было темно, поэтому на фотографии видны только их силуэты, но кое-что разглядеть можно. На снимке заметно, как согнулся боец. В него стреляют фашисты. Их укрепления совсем близко от дома, в 100—150 метрах. С крыши они хорошо видны.

В руках у бойца праща. Праща — первобытное метательное оружие. Им воевали несколько тысяч лет назад. Испанские бойцы пользовались пращей во время защиты Толедо, в первые дни войны, когда у республиканцев не хватало оружия. Только вместо камня они закладывали в пращу гранату.

Со стороны фашистов стреляет пулемет, но бойцы не уходят. Вот один встал, размахнулся. Сейчас его граната полетит к фашистам. Другой боец в это время закладывает гранату в пращу.

Летчик Эргидо.



Летчик Эргидо. Я снял его, когда он надевал очки и собирался сесть в кабину. За его спиной виден самолет, на котором он летал. Эргидо называл его «Черный тигр». Когда я в первый раз увидел «Черного тигра», я даже удивился: он был совершенно не приспособлен к бою. Бомбы приходилось подвешивать к крыльям самолета или класть в кабину. Такие же самолеты были и у других летчиков. Но Эргидо очень долго летал на нем и сбил много фашистских самолетов. Мне рассказывали про его подвиги.

Раз у Сарагоссы его окружили фашистские «юнкерсы». «Юнкерсы» были новенькие: только что прибыли из Германии. Они со всех сторон окружили Эргидо. Ему некуда было податься. Тогда Эргидо пустился на хитрость: «Черный тигр» вдруг камнем полетел вниз. Фашисты решили, что самолет подбит. А Эргидо почти над самой землей выравнял машину, снова поднялся вверх и погнался за одним истребителем. Он стал сверху давить на него и заставлял его опускаться к земле. Эргидо не стрелял. Тогда у республиканцев было очень мало самолетов. Он решил привести этот самолет целым.

Фашистский летчик попробовал вырваться в сторону, но Эргидо снова на него налетел и заставил, наконец, фашистского летчика приземлиться на аэродроме республиканцев.

После того как в одном бою «Черному тигру» оторвало хвост, Эргидо получил новую машину. Его назначили командиром звена, и он вместе со своим звеном охраняет Мадрид. Как только в небе показываются самолеты мятежников, Эргидо и его товарищи вылетают им навстречу и отгоняют фашистов от столицы.

Бой.

Это бой под Теруелем. Только что раздались выстрелы фашистской артиллерии. Из окопов выскочили бойцы, они пробежали мимо камня, за которым я сидел. Видите, как они низко пригнулись. Над их головами летят пули. Первая цепь уже пробежала, а это бежит вторая цепь. Боец в черном комбинезоне заряжает винтовку. Сейчас он будет стрелять.

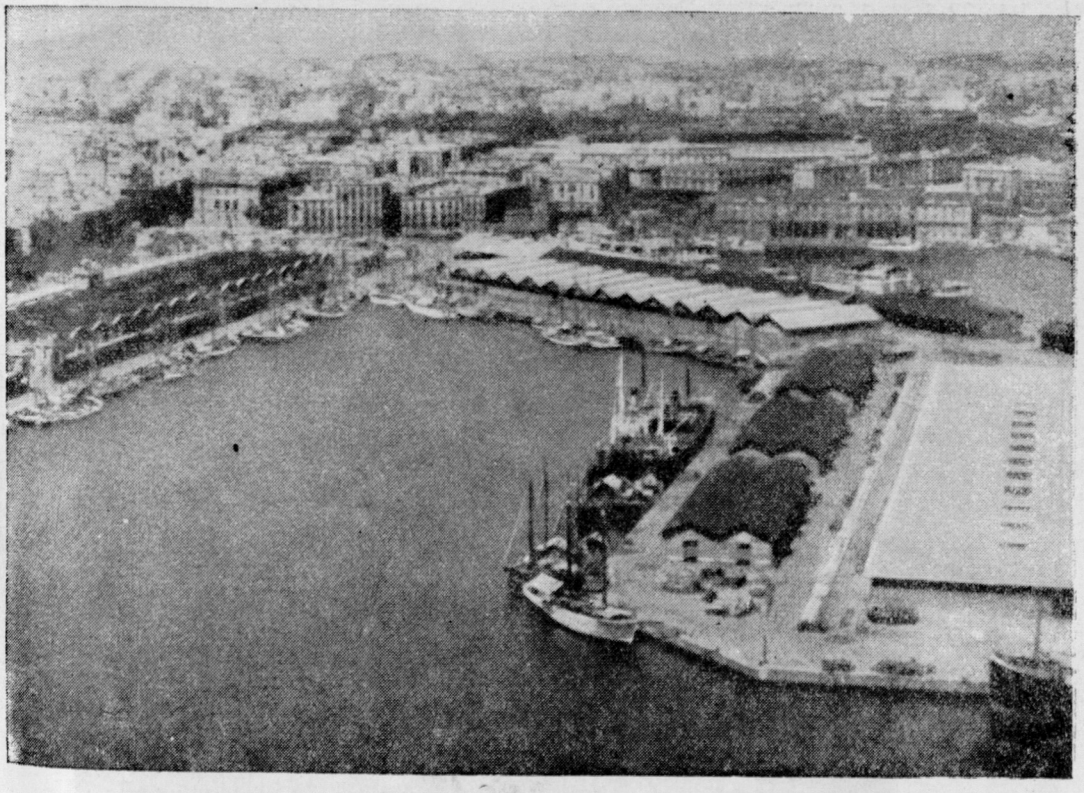
Фашисты на равнине. Бойцам приходится спускаться с горы. Спуск неровный. Из-под ног катятся камни.

Республиканская артиллерия громит фашистов

Я перебрался к артиллеристам. Они выбрали очень удобное место. Из-за деревьев их совсем не видно. У орудия работает три человека. Наблюдатель корректирует стрельбу.

Артиллерист закладывает снаряд в орудие. При мне этот снаряд полетел к фашистам.

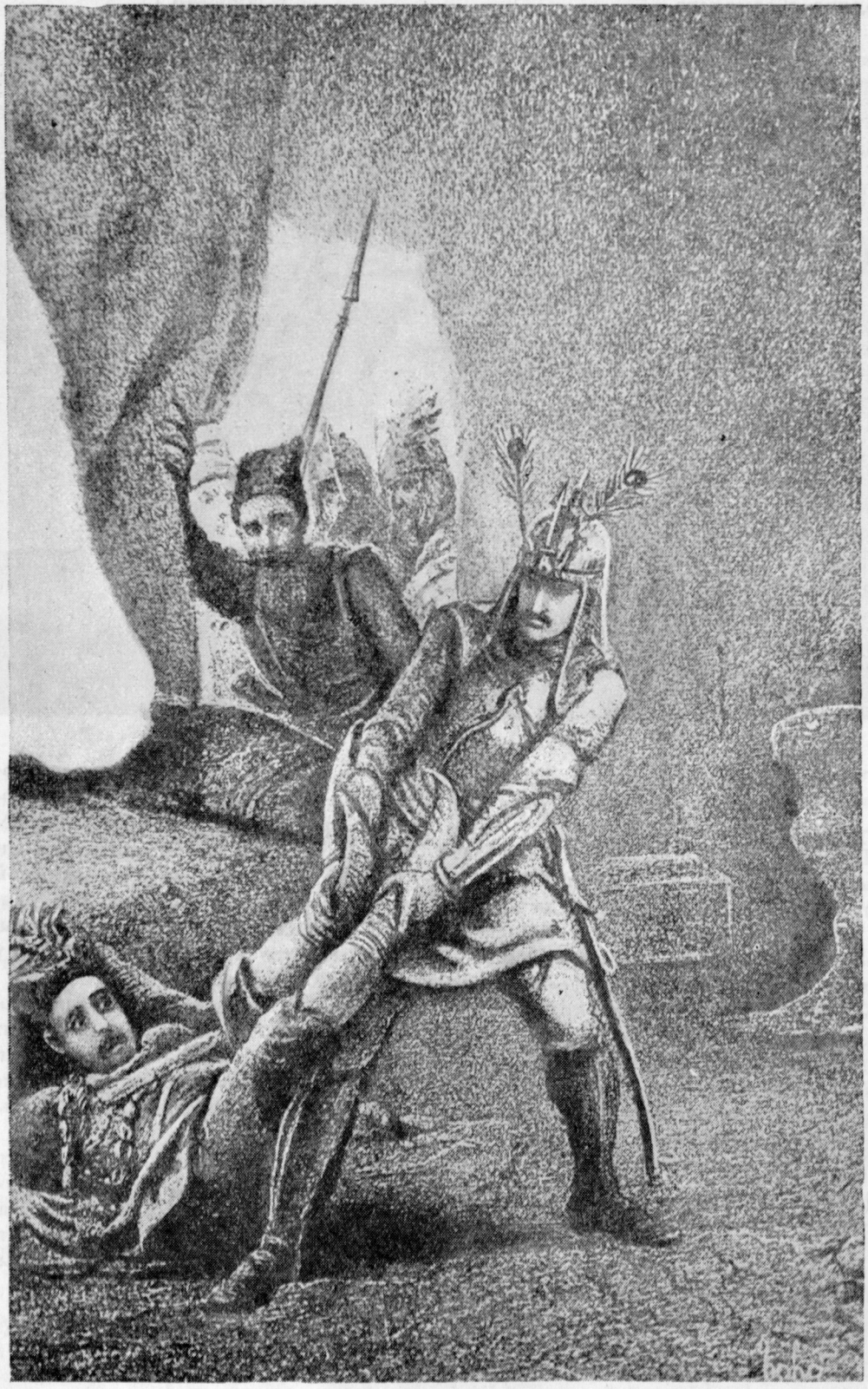
Барселона с самолета.



Так выглядит Барселона с высоты 800—900 метров. Я снял ее из окна самолета, когда летел из Мадрида в Барселону. Накануне вечером я узнал, что в Барселону приходит советский пароход «Зырянин» с продуктами для женщин и детей Испании. Утром я вылетел на самолете. Летчик, который вел машину, оказался очень интересным человеком. Он француз. Раньше работал на пассажирской линии Франция—Испания. А когда начался мятеж, он не полетел обратно во Францию, выкинул из самолета пассажирские сиденья и поставил у окон пулеметы. «Я остаюсь»,— сказал он. Республиканское правительство купило этот самолет у фирмы, и летчик остался со своей машиной в республиканской армии.

Когда на аэродроме нас познакомили, он посмотрел на мой киноаппарат, похлопал меня по плечу и говорит: «Metraudor». А «Metraudor» по-испански значит «пулеметчик». Видно, он мой киноаппарат принял за какой-то особенный пулемет, а меня — за пулеметчика. Так я и летел за пулеметчика. Сел у окна на ящике с патронами и смотрю в окно, не гонится ли за нами фашистский истребитель. Ведь нам пришлось лететь над территорией, занятой мятежниками.

Когда «Зырянин» пришел, я был уже в Барселоне. Он вошел в этот порт. Когда он приближался, все крыши складов были заняты народом. На фотографии видны эти крыши. Они кажутся маленькими, потому что я снимал с самолета, а на самом деле они большие. И на всех этих крышах сидели люди. Когда советские моряки сошли на берег, здесь был устроен митинг. Никаких трибун не было. Ораторы выступали прямо на крыше.



Я схватил его за ноги и о столб шатра сразмаха головой его ударил.

Шота Руставели

Витязь в тигровой шкуре

Перевел и обработал Н. Заболоцкий

(Продолжение)

Повесть шестая. О том, как Тариэл убил хорезмийского царевича

День настал — жених приехал, окруженный пышной свитой,
Вместе с ним отряд придворных прибыл, в битвах знаменитый,
Мы встречали хорезмийцев с драгоценными дарами,
Войско выстроилось в поле бесконечными рядами.

Чтобы отдыху предаться мог царевич благородный,
Мы на площади воздвигли для него шатер походный.
Был из красного атласа тот шатер, где все свершилось...
Гость вошел в него, и войско вкруг шатра расположилось.

В полночь улицей безлюдной ехал я домой устало,
Вдруг слуга письмо мне подал. «Торопись! — Асмат писала.—
Та, которая подобна драгоценному алоэ,
Ждет тебя...» И я помчался и вошел в ее покои.

Я предстал перед царевной. Вижу — сумрачная ликом —
На меня царевна смотрит в нетерпении великом.
«Что ты ждешь? — она сказала.— Час сраженья наступил
Или лгать ты мне задумал? Или вновь меня забыл?»

Уязвленный прямо в сердце, отвернулся я тоскуя.
«Слушай,— я сказал царевне.— Как забыть тебя могу я?
Разве воинская доблесть изменила нынче мне,
Чтобы деве приходилось понуждать меня к войне?»

Тут я бросился к отрядам и сказал: «Готовьтесь к бою!»
Оседлав коней, на площадь полетели мы стрелою.
Хорезмийцы крепко спали. Я прокрался возле них
И разрезал ткань палатки, где покоился жених.

Я схватил его за ноги и о столб шатра сразмаха
Головой его ударил. Стражи вскрикнули от страха.
Поднялась вокруг тревога. Но вскочил я на коня,
Поскакал я, и погоня не смогла догнать меня.

В некий замок укрепленный от погони я укрылся.
Ночь прошла, и на рассвете от царя посол явился.
Царь писал мне: «Бог свидетель, я взрастил тебя как сына.
Ныне я в тоске и горе. Ты один тому причина.

Ах, зачем мой дом, безумец, запятнал ты этой кровью?
Если дочь мою желал ты, если к ней пылал любовью,
Почему ты не открылся мне, родителю невесты,
Но дошел до преступленья и, свершив его, исчез ты?»

«Царь,— ответил я владыке.— Я твой воин, крепче меди.
Если б я поддался страху, мне б давно не жить на свете.
Но, чтоб суд твой справедливо совершился надо мной,
Знай: не думал добиваться я царевны молодой.

В нашей Индии немало городов, дворцов и тронов.
Ныне ты их повелитель и хранитель их законов.
От семи царей умерших ты наследовал державу,—
От тебя я сан владыки унаследую по праву.

Царь, ты сына не имеешь, у тебя одна царевна,
Я законный твой наследник, но судьба моя плачевна:
Если только хорезмийца ты поставишь нам царем,
Что взамен себе добуду я, владеющий мечом?

Нет, не нужно мне царевны, только Индия нужна мне.
Если спорить будешь,— камня не оставлю я на камне,
Всех строптивых уничтожу, мертвецов оставлю груду,
Но — клянусь тебе, владыка,— я престол себе добуду».

Повесть седьмая. О том, как была похищена Нестан-Дареджан

Взяв письмо, гонец уехал. На вершине старой башни
Я стоял в глубокой думе, вспоминая день вчерашний.
Тщетно вдаль вперял я очи. Бесприютны и убоги,
Только два скитальца бедных по пустынной шли дороге.

Как мое забилось сердце,— рассказать я не умею.
То была Асмат, рабыня, и слуга спешил за нею.
Дева шла, рыдая горько. Я воскликнул: «Что случилось?»
«Горе нам! — Асмат сказала.— Наше солнце закатилось».

Обезумевший от страха, я спустился к ней навстречу.
«Витязь,— дева продолжала,— слушай, я тебе отвечу.
Не обрадую тебя я, но и ты меня не радуй,
Умертви меня на месте, смерть да будет мне наградой.

Слушай, витязь. Рано утром весть о смерти хорезмийца
До ушей достигла царских. Услыхав, что ты убийца,
Царь сражен был прямо в сердце, плакал, гневался немало,
За тобой послал погоню, но погоня запоздала.

«О,— воскликнул царь,— понятен мне поступок Тариэла:
Он любил мою царевну, за нее он дрался смело,
За нее на смертном ложе умирал он от недуга,
Ах, они видались тайно и смотрели друг на друга!

Но клянусь я головою, что разделаюсь с сестрою,
Бог — свидетель мне: злодейку не оставлю я живою.
Не она ль мою царевну, деву лучшую на свете,
Нерадивая старуха, ввергла в дьявольские сети!»

Редко царь страны индийской головой своею клялся,
Но, поклявшись, он от клятвы никогда не отрекался.
Поняла Давар-колдунья, что близка ее могила,
И свою слепую злобу на царевну обратила:

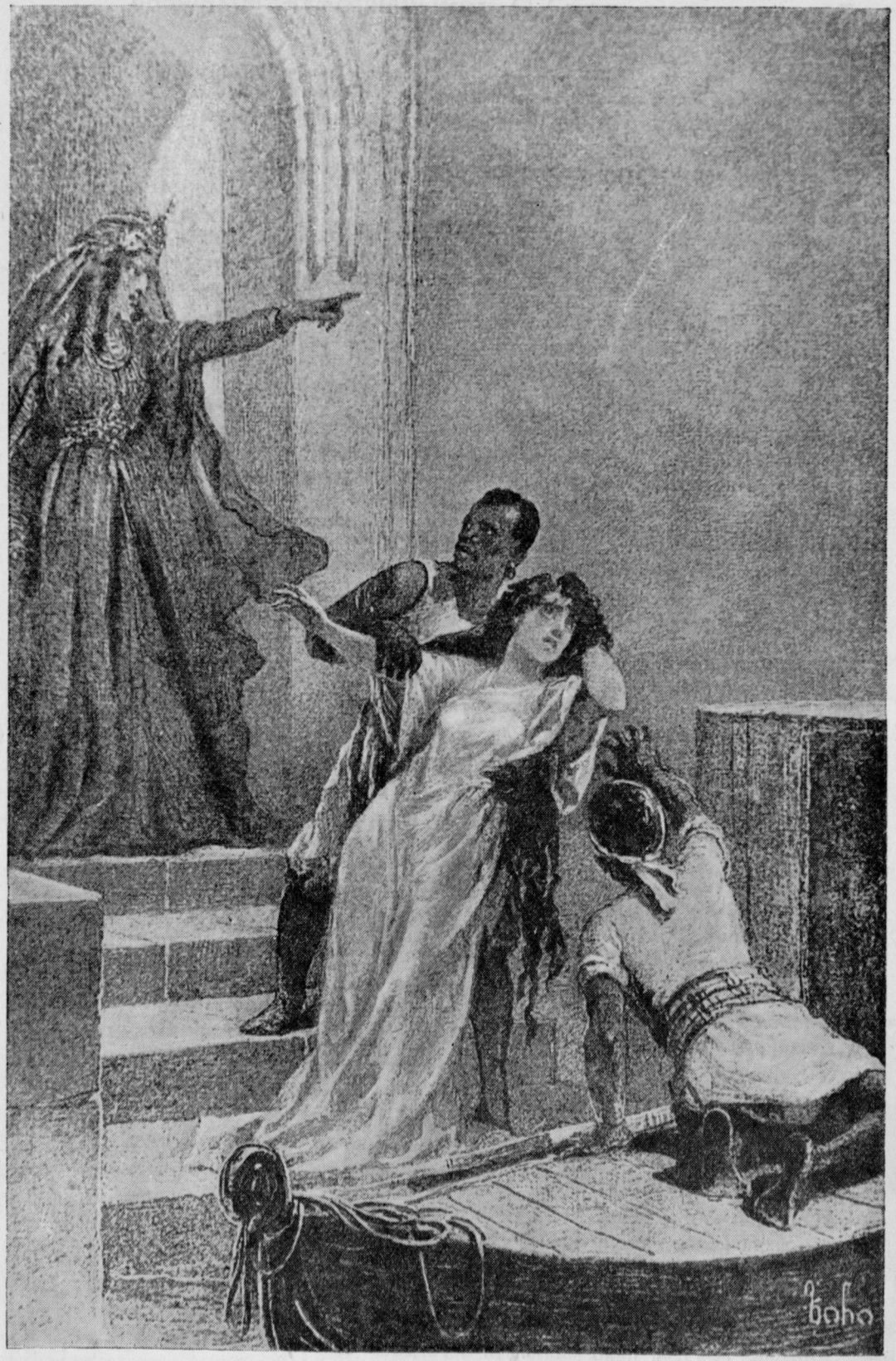
«Ты, негодница, в убийстве чужеземца виновата!
Ты виной, что я погибну от руки родного брата!
Так запомни же: отныне, как бы ты ни захотела,
Никогда не встретишь больше полководца Тариэла».

И Давар с великой бранью на царевну напустилась,
С криком волосы рвала ей, колотила и глумилась.
Беззащитная царевна, трепеща, упала на пол.
Мы не смели заступиться, только молча каждый плакал.

И тогда вошли с ковчегом два раба из рода Каджи,
Лица были их ужасны, и тела чернее сажи,
Повлекли они царевну, посадили внутрь ковчега,
И была царевна наша в этот миг белее снега.

Пронесли они царевну мимо окон прямо к морю.
Обнажив кинжал широкий, предалась колдунья горю.
«Царь идет! — она стонала.— Как пред ним я оправдаюсь?»
И, пронзив себя кинжалом, пала, кровью обливаясь».

Тут Асмат остановилась, не сумев сдержать рыданья.
«Витязь, сжалься надо мною. До последнего дыханья
Я была верна царевне. Ах, убей меня на месте:
Недостоин жить на свете, кто принес такие вести».



Повлекли они царевну, посадили внутрь ковчега.

«Успокойся,— я ответил,— в чем вина твоя, сестрица?
На друзей моих любимых разве я могу сердиться?
Буду странствовать я в море, обойду кругом я сушу,
Но найду мою царевну и тюрьму ее разрушу».

Ах, мое больное сердце стало каменным от горя.
Вместе с верными друзьями я немедля вышел в море.
Наш корабль блуждал по свету. Дни тянулись как недели.
Но напасть на след царевны мы, скитальцы, не умели.

Год прошел в великих бедах. Обессилены недугом,
Корабельщики-герои умирали друг за другом.
Сердце бедное от горя разрывалося на части,
Но пойдет ли против бога, кто его покорен власти?

Я корабль направил к суше, вышел на берег с друзьями,
Вдалеке виднелся город, весь украшенный садами.
И пошел я вдаль, гонимый беспощадною судьбою,
Лишь Асмат с двумя рабами поспешили вслед за мною.

Повесть восьмая. О том, как Тариэл встретился с Нурадин-Фридоном

Раз, когда у скал прибрежных я раздумью предавался,
На поляне предо мною некий витязь показался.
Кровь текла из ран героя, меч был сломан пополам,
Витязь жаловался горько и грозил своим врагам.

Я под'ехал к незнакомцу, пересек ему дорогу.
«Лев,— воскликнул я,— скажи мне, кто поверг тебя в тревогу?»
Оглянулся незнакомец и замедлил бег коня,
И с великим изумленьем стал рассматривать меня.

«Боже,— он сказал в восторге,— как твои прекрасны дети!
Вот стоит передо мною лучший юноша на свете.
Я ему во всем откроюсь, пусть узнает ныне он,
Как охотник безоружный был изменою сражен».

Мы сошли с коней и сели на зеленую поляну.
Мой слуга — искусный лекарь — осмотрел герою рану.
Там засел стрелы осколок, раб извлек его из тела,
Руку снадобьем помазал, чтобы рана не болела.

И сказал мне незнакомец, оправляясь от удара:
«Нурадин-Фридон — я, витязь, юный царь Мульгазанзара.
Ты теперь в моих владеньях. Город виден мой отсюда.
Невелик он, но красивей не видали мы покуда.

Дед мой, царь земель окрестных, чуя смерти приближенье,
Меж отцом моим и дядей разделил свои владенья.
Мне в наследство был оставлен остров — тот, что виден в море.
Дядя, жадный и свирепый, захватил мой остров вскоре.

Нынче утром я затеял соколиную охоту,
Пять сокольничих держали птиц, приученных к полету.
Мы приехали на остров, предались лихой забаве.
Остров мой — моя охота. Дядя гневаться не вправе.

Злые родичи, однако, по-иному рассудили:
Их войска в разгар охоты нас нашли и окружили.
Я, спасаясь, прыгнул в лодку. Но — увы! — навстречу мне
Мчался дядя с сыновьями, все готовые к войне.

Скоро маленькую лодку обступили их галеры,
Завязался бой кровавый, бой жестокий свыше меры.
Я разил врагов без счета, я не мог себя беречь,
Но — увы! — кончались стрелы, пополам сломался меч.

Смерть казалась неизбежной. Но, врагам своим на горе,
На коне своем прекрасном прыгнул я из лодки в море;
Изнуренный, я отныне положился на коня,
И скакун мой быстроногий вынес на берег меня.

Ныне я в беде великой. Все грядущее — от бога.
Верю я, падет убийца и наказан будет строго.
В день великого отмщенья проклянет он целый мир,
Стаи воронов слетятся на его загробный пир».

Смолк Фридон. И я в тот вечер полюбил его как брата.
«Витязь,— я сказал,— утешься: не на век твоя утрата.
Я отныне твой союзник. Как пристало добрым мужам,
Мы врагов твоих рассеем и затеи их разрушим».

Тут Фридон воскликнул: «Витязь, я тебя не знал доныне,
Но тебя уже люблю я. Встретил ты меня в кручине,
Но помог мне, словно другу. Если бог пошлет здоровья,
Жизнь свою до самой смерти посвятить тебе готов я».

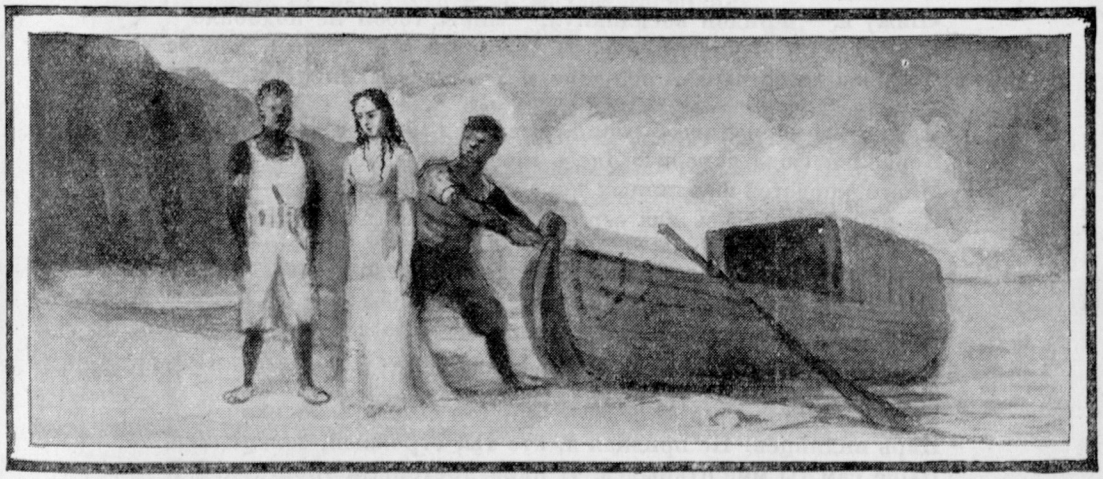
В город двинулись мы вместе. И отряды, в знак печали
Пеплом голову посыпав, на дороге нас встречали.
На меня взирали люди и, предав забвенью беды,
Говорили: «Вот предвестник нашей будущей победы».

Исцелился скоро витязь и со мной сравнялся в силе.
Войско мы вооружили и галеры оснастили.
На восьми ладьях огромных враг навстречу нам приплыл,
Я толкнул одну ногою и в пучину погрузил.

Я к другой ладье помчался и, схватив за нос руками,
Опрокинул лодку в море. Всё бежало перед нами.
Наши славные галеры полетели над водой,
Мы сошли на берег вражий и ввязались в лютый бой.

Мне понравилась в сраженье доблесть юного героя:
Храбр, как лев; лицо, как солнце; стан, как дерево алоэ;
Дядю он свалил на землю и коварных сыновей,
По рукам скрутив веревкой, привязал к ладье своей.

Мы противника измяли так, как мнут кусок сафьяна,
Нагрузили мы добычей два огромных каравана,
Город нас, ликуя, встретил на высоком берегу —
Так за умысел коварный отомстил Фридон врагу.



Повесть девятая. О том, как Фридон помогал Тариэлу в его поисках

Рано утром на охоту мы отправились с Фридоном.
В полдень мы достигли мыса и взошли наверх по склонам.
Далеко вдавался в море этот мыс, и даль морская
Расстилалась под ногами, колыхаясь и сверкая.

И сказал Фридон отважный, наклонясь над самой кручей:
«Рассказать тебе хочу я про один чудесный случай.
Как-то раз, когда над морем коршун в воздухе кружился,
Оседлав коня лихого, я за коршуном пустился.

В'ехал я сюда и вижу: далеко, в открытом море,
Что-то темное мелькает и несется на просторе.
«Рыба это или птица? — думал я с недоуменьем.—
Или зверь какой отважный смело борется с теченьем?»

Но не зверь то был, не птица — лодка на море мелькала,
Два раба чернее сажи лодкой правили устало
И везли они светило, заключенное в ковчеге,—
Никогда красы подобной не видал я в человеке.

Лодка к берегу пристала, вышла на берег девица,
Солнце, полное сиянья, не могло бы с ней сравниться:
Все лицо ее светилось, было молнии подобно,
Улыбнулась ей природа, но рабы смотрели злобно.

Пожалел я эту розу и на помощь к ней помчался,
Услыхав далекий топот, враг, как видно, испугался,
Лодка быстрая исчезла. Прискакал я — девы нету,
Только блеск ее прощальный разливается по свету».

Услыхав рассказ Фридона, я сказал ему тоскуя:
«Знай, Фридон, ты видел солнце, то, которое ищу я».
Пал на землю я от горя, проливал я слез поток,
И Фридон, любимый мною, утешал меня, как мог.

И поведал я Фридону все, что сердце волновало.
«Вижу я,— Фридон воскликнул,— мне с тобой не подобало
Говорить об этой встрече... Но великий наш творец,
Посылая смертным горе, даст и счастье наконец».

Плача, мы вернулись в город. И сказал Фридон мне: «Много
Кораблей сюда заходит. Здесь проезжая дорога.
Много новостей различных корабли привозят к нам —
Не найдем ли здесь для сердца утешительный бальзам?

Я пошлю гонцов надежных, моряков и следопытов.
Пусть все гавани обыщут, побывают на забытых
Островах, пускай об'ездят всю приморскую страну
И похищенную снова возвратят тебе луну».

Корабли отправив в море, мне Фридон сказал: «Великий
Царь индийцев! Не признал я, кто ты, стройный, солнцеликий.
Ныне сам ты мне открылся. И царя достойный трон
В этом зале да воздвигнет для тебя твой раб Фридон».

Много было мне Фридоном здесь оказано почета.
В ожидании посланцев улеглась моя забота.
Так летели дни за днями. Возвратились корабли,
Но — увы! — царевны юной мореходы не нашли.

Снова сердце погрузилось в безутешное страданье.
«О Фридон,— сказал царю я,— бесполезно ожиданье.
Как ни трудно нам расстаться,— день без друга, словно ночь,—
Отпусти меня, молю я. Ждать мне более невмочь».

Царь Фридон заплакал горько, и дружина боевая
Опустилась на колени, громким голосом взывая:
«Не оставь нас, царь индийский. Все мы счастливы с тобой,
Все, от мала до велика, за тебя готовы в бой».

«Нет, друзья,— сказал я твердо,— наступает час разлуки,
Если дева не найдется,— все равно умру от муки.
Нелегко мне вас покинуть, но — увы! — она в плену —
Как могу ее оставить, беззащитную, одну?»

Так простился я с народом, и Фридон, заплакав снова,
Подарил мне на прощанье своего коня лихого.
Крепко обнял я Фридона, омочил слезами грудь,
Оседлал коня в дорогу и помчался в дальний путь.

Снова странствовал я в море, снова я об'ездил сушу,
Бесполезные тревоги как туман легли на душу.
Но — увы! — царевны юной потерялся всякий след,
Обезумел я от горя, испытав немало бед.

И решил я сам с собою: «Что напрасно мне трудиться?
Может быть, в лесах дремучих перестану я томиться?
Брошу этот мир безумный, позабуду про людей,
Жизнь несчастную окончу посреди лесных зверей».

И сказал тогда рабам я: «Время нам расстаться, други.
Слишком долго вы терпели эти горести и муки.
Ныне вам даю свободу. Возвращайтесь в край родной».
Но рабы мне отвечали: «Не расстанемся с тобой.

Хоть и выпала на долю нам тяжелая судьбина,
Но никто из нас другого не желает господина.
Об одном мы молим бога: чтобы он позволил нам
Лик твой зреть до самой смерти, по твоим идти следам».

Что я с ними мог поделать? Мы покинули селенья,
Мы ушли на козьи тропы и в убежища оленьи.
Так я жил, в горах скитаясь, одинок и нелюдим.
И Асмат с двумя рабами по следам влеклись моим.

Здесь, среди густых деревьев, на пещеры я наткнулся.
Дэвы [1] высекли в скале их. Я взглянул и ужаснулся:
Злые чудища навстречу вышли целою толпой.
Я рабов на помощь кликнул и вступил в неравный бой.

И в ужасной этой битве все мои погибли слуги:
Дэвы их убили мигом и сорвали с плеч кольчуги.
Овладел моей душою небывалый лютый гнев,
Я накинулся на дэвов и разбил их одолев.

Стоны раненых чудовищ оглашали поединок,
Вся округа содрогалась от ударов их дубинок,
Солнце пылью обернулось, кипарис, упав, дрожал...
Сто чудовищ умертвил я и на части разорвал.

Вот, мой брат, с тех пор в пещере я живу и умираю,
По лесам брожу печальный, горько плачу и вздыхаю.
Лишь Асмат одна со мною проклинает белый свет:
Оба мы желаем смерти, нам спасенья больше нет.

Нестан-Дареджан, царевна, красотой равна тигрице.
Сшил я плащ из шкуры тигра в знак печали о девице.
Посреди зверей опасных сам я стал как лютый зверь,
Кроме смерти неизбежной нет спасенья мне теперь».

Кончив свой рассказ унылый, Тариэл умолк печальный,
Как янтарь ланиты стали, омрачился лик кристальный.
Слезы крупные застыли на ресницах Автандила,
И Асмат прохладной влагой грудь героя освежила.

Автандил воскликнул: «Витязь, вот мое простое слово:
Если лекарь заболеет, он зовет к себе другого,
Он рассказывает другу, что́ его, больного, мучит,
Друг с одра его поднимет и болезнь прогнать научит.

---

[1] Дэвы — сказочные чудовища, обитающие в горах.

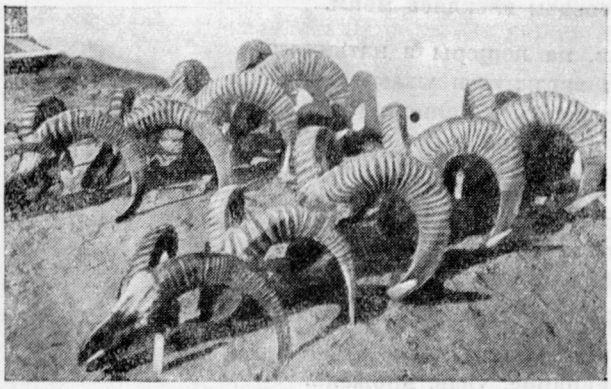
Слушай, витязь: срок подходит, должен ехать я к царице:
Передать рассказ твой чудный обещался я девице,
Но — господь мне в том свидетель — я вернусь к тебе обратно,
Жди меня на этом месте и не сетуй безотрадно.

Я вернусь к тебе, мой витязь, голова моя порукой,
И не век ты будешь плакать, опечаленный разлукой:
Деву пленную найду я и верну тебя невесте,
А не так, — врагом сраженный, я умру с тобою вместе».

И в ответ на эти речи Тариэл промолвил слово:
«Как ты мог, прекрасный витязь, полюбить меня, чужого?
Соловью покинуть розу тяжело, но тяжелее
Нам с тобою расставаться. Возвращайся же скорее!»

Ночь промчалась незаметно. И, едва зажглось светило,
Тариэл с рабыней верной проводили Автандила.
Дева плакала тоскуя, витязь горю предавался,
Но исчез печальный всадник, только след в песке остался.

(Продолжение следует)



Это рога необыкновенных горных баранов — архаров. Их собрал охотник Шустов. Он был послан на Памир Всесоюзной академией наук для изучения архаров. Скрещивая пятнадцатипудовых архаров с овцами, ученые выводят новую ценную для хозяйства породу.

Этого архара с'ели волки. Их следы видны слева. Против волков не помогли бедняге двухпудовые рога и быстрые ноги.

Знаменитый охотник-киргиз Урман подстрелил двух бурых грифов. Это гигантские хищные птицы. Размах их крыльев достигает 2 метров 60 сантиметров. Питаются они падалью. Но не каждый день приходится им быть сытыми. Поэтому, дорвавшись до поживы, они так наедаются, что не могут даже взлететь, и тут их легко подстрелить.

БИОЛОГИЯ

Как муравьи помогли строить шоссе

Французы недавно построили в Африке одну из самых длинных на свете автомобильных дорог. Как ни странно, но строить ее помогали... муравьи.

В одном месте не было ни камня, ни песку, чтобы мостить дорогу, а только мягкая земля и глина. Строители уже собрались было возить материалы издалека, но случайно обратили внимание на громадные трехметровые муравейники, повсюду возвышающиеся вокруг. Оказалось, что эти трехметровые кучи сложены из прекрасного крупного песка и щебня, очень удобных для дороги. Муравьи этой породы строили свои сооружения из твердых материалов. Они по песчинке выискивали их в земле и притаскивали в муравейник.

Рабочие стали брать строительный материал для дороги прямо из муравьиных куч, а миллионы муравьев снова бросались собирать песок и через несколько дней восстанавливали муравейник.

Так продолжалось до тех пор, пока дорога не была построена.

Древесные черви

В США вернулась из Сиама зоологическая экспедиция, посланная одним из крупнейших американских научных учреждений, Смитсоновским институтом. Основной целью экспедиции было изучение птичьего населения Сиама, до сих пор мало известного. Экспедиция привезла в Америку более 600 видов редких птиц. Но самой интересной и неожиданной находкой оказался дождевой червь. Дождевые черви есть везде, но найденные экспедицией сиамские дождевые черви замечательны тем, что живут не в земле, как их собратья во всем мире, а в коре и древесине деревьев.

Дождевой червь распространен повсюду на земле. Можно сказать, что это — одно из процветающих животных. Открытие американской экспедицией показывает, что дождевым червям стало «тесно» в почве и среди них вырабатываются уже виды, способные жить и в другой среде.

Это открытие пополняет наши знания о том, как шло развитие животного мира и как животные переходили от одной среды жизни к другой.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

«Сы-кун-цюань-шу» в Ленинской библиотеке

165 лет назад китайский император Цянь Лун вздумал, чтобы прославиться, создать энциклопедию, куда вошли бы наука и все искусство тогдашнего Китая. Собрав 300 академиков и лучших ученых страны, он приказал им немедленно приняться за работу.

Сначала ученые собрали все книги и рукописи, написанные с самых древних времен до 18-го века. Всего оказалось 172 526 тетрадей. Затем они принялись за проверку, исправление и сокращение. Потом взялись за переписку, и через 10 лет после начала работы рукопись была готова. Она заняла 168 тысяч тетрадей!

В нее вошло все, что знали китайцы о технике, медицине, экономике, политике, по военному делу и всем другим наукам; все, что было написано учеными, писателями, поэтами; все законы и государственные документы. Одно оглавление этой энциклопедии, которая была названа по-китайски «Сы-кун-цюань-шу», заняло 200 тетрадей.

«Сы-кун-цюань-шу» была переписана в 7 экземплярах, и для хранения их в 7 городах Китая были построены специальные библиотеки.

Другим странам не досталось ни одного экземпляра. И чтобы прочесть «Сы-кун-цюань-шу», ученые ездили в Китай из Европы, Америки, Австралии — изо всех государств мира.

Но китайцы захотели оказать услугу советскому народу, единственному по-дружески относящемуся к их несчастной стране. В прошлом году они сделали точные фотографические копии каждой страницы всех лучших книг «Сы-кун-цюань-шу» и подарили их Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина в Москве. «Мы хотим передать советскому народу ключ, при помощи которого граждане Советского союза смогут получить доступ к сокровищнице китайской премудрости»,— так сказал представитель Китая У Нань-жу, привезший замечательную коллекцию.

В коллекции 232 сборника, причем каждый состоит из многих книг. Есть сборники даже по 200 книг.

Сейчас привезенные фотокниги уже находятся на полках Ленинской библиотеки. Специалисты читают их и составляют подробные каталоги на русском языке, чтобы легче было в них разобраться. Для читателей «Сы-кун-цюань-шу» отведен отдельный зал.

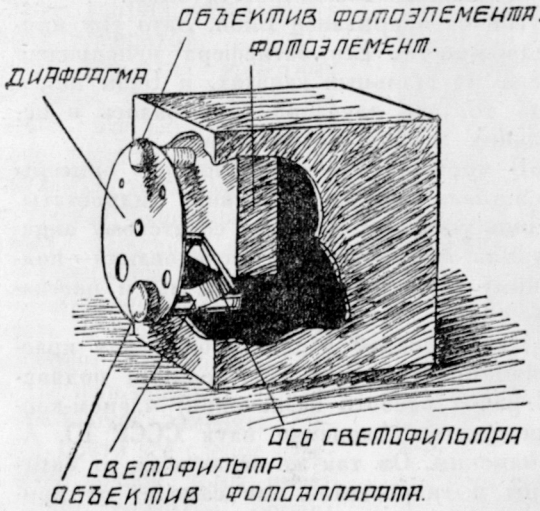
ТЕХНИКА

Автоматический фотоаппарат

Прежде чем сделать снимок, фотограф должен «определить экспозицию», то есть сообразить, на какое время нужно открыть затвор фотоаппарата. Если открыть его на слишком короткое время, на пластинку попадет мало света и изображения не получится: проявленная пластинка будет прозрачна, как стекло. Если же затвор продержать открытым слишком долго, света пройдет чересчур много — пластинка будет черна.

Чтобы правильно определить экспозицию, опытный фотограф должен принять во внимание час дня, погоду, какие предметы: светлые или темные — он хочет снимать и многое другое.

Знаменитый физик и математик Альберт Эйнштейн, бежавший в Америку из фашистской Германии, изобрел вместе с другим немецким эмигрантом, доктором Густавом Бэки, фотоаппарат, который всегда сам делает правильную экспозицию. Для этого они применили фотоэлемент—маленький прибор, превращающий свет в электрический ток,— тот «электрический глаз», применение которого в различных областях техники уже дало возможность построить столько «разумных машин». Кроме обычного об'ектива аппарат Эйнштейна имеет еще второй, отбрасывающий свет от снимаемых предметов не на пластинку, а на фотоэлемент.



В элементе сейчас же появляется ток и поворачивает маленькую ось, на которой качается легкая целюлоидная пластинка — светофильтр. С одного конца светофильтр совершенно прозрачен, а к другому постепенно темнеет. Этот фильтр помещен сзади главного об'ектива, и все лучи, идущие к пластинке, проходят сквозь него.

Когда освещение слабое, то ток фотоэлемента не может повернуть оси и фильтр стоит против об'ектива самым прозрачным местом.

Если ж света слишком много, то «электрический глаз» дает сильный ток, поворачивающий фильтр к об'ективу более темным местом. На пластинку всегда попадает ровно столько света, сколько надо для хорошего снимка.

Конечно, и этим аппаратом нельзя будет снимать, когда света недостаточно, например в темноте или сумерках, но передержки мы не получим с ним никогда.

Эйнштейна все знают как великого теоретика, автора самой, как будто отвлеченной «теории относительности». А между тем безошибочный фотоаппарат — уже третье чисто практическое изобретение Эйнштейна. Несколько лет назад он изобрел две холодильные машины. Причем об этом не знали даже его ближайшие товарищи по институту.

ОКЕАНОГРАФИЯ

Советский «Наутилус»

«Наутилус»! Мечта Жюля Верна и всех исследователей океанов! Подводная лодка, которая может погружаться на самые большие океанские глубины и перенести ученого в мир, которого не видел еще ни один человек...

И вот эта давняя мечта человечества впервые осуществляется в Советском союзе.

До сих пор в распоряжении человека было немного средств, чтобы спускаться в морские глубины.

В водолазных скафандрах можно работать лишь на сравнительно мелких местах. Двигаться в неуклюжем жестком костюме, связанном тросами и трубками с кораблем, нелегко. А в открытом море в скафандре вообще не спустишься: ведь там водолаз не достанет дна.

Подводные лодки достигают не больше 100 метров глубины.

Глубже всех людей пока спускался американец Биби. Зато ему пришлось отказаться от всякой подвижности. Его батисфера неподвижно висела на стальных канатах, и Биби видел лишь то, что случайно оказывалось в нескольких метрах от ее окна.

В прошлом номере «Пионера» описаны строящиеся сейчас советские гидростаты. Но они уступают третьему советскому аппарату для глубоководных исследований—подлинному «Наутилусу». О нем мы и расскажем сейчас.

Этот аппарат спроектирован для краснознаменного Эпрона (Экспедиции подводных работ особого назначения) членом-корреспондентом Академии наук СССР Ю. А. Шиманским. Он так же отличается от батисферы и гидростатов, как самолет от привязного аэростата.

Советский «Наутилус» имеет форму сигары и снабжен моторами. Он может опускаться, подниматься и двигаться под водой как подводная лодка.

И при этом он сможет достигнуть поразительной глубины, в 2½ километра, почти в 3 раза глубже Биби.

На этой глубине на каждый квадратный метр поверхности вода давит с силой 2500 тонн. Если бы пассажиры «Наутилуса» вздумали выйти на этой глубине наружу в легком водолазном шлеме, они были бы мгновенно раздавлены так, как если бы на них взвалили 150 железнодорожных вагонов камня!

А «автономный гидростат» Шиманского (так на научном языке называется наш «Наутилус») сможет проплавать на этой глубине 10 часов. При этом под'ем и спуск будут занимать всего минут по 15.

Если 2 гидростата, о которых мы рассказали прошлый раз, вполне заслуживают имени подводных лабораторий, то новый гидростат можно назвать «пловучим институтом». В нем будет соединено несколько лабораторий: физическая, химическая, геофизическая, зоологическая, ботаническая и т. д. Десятки приборов и несколько человек будут исследовать, как проникают сквозь толщу воды таинственные космические лучи, идущие из мирового пространства, наблюдать изменения силы тяжести, брать пробы для химического анализа и ловить глубоководных животных особой электроловушкой.

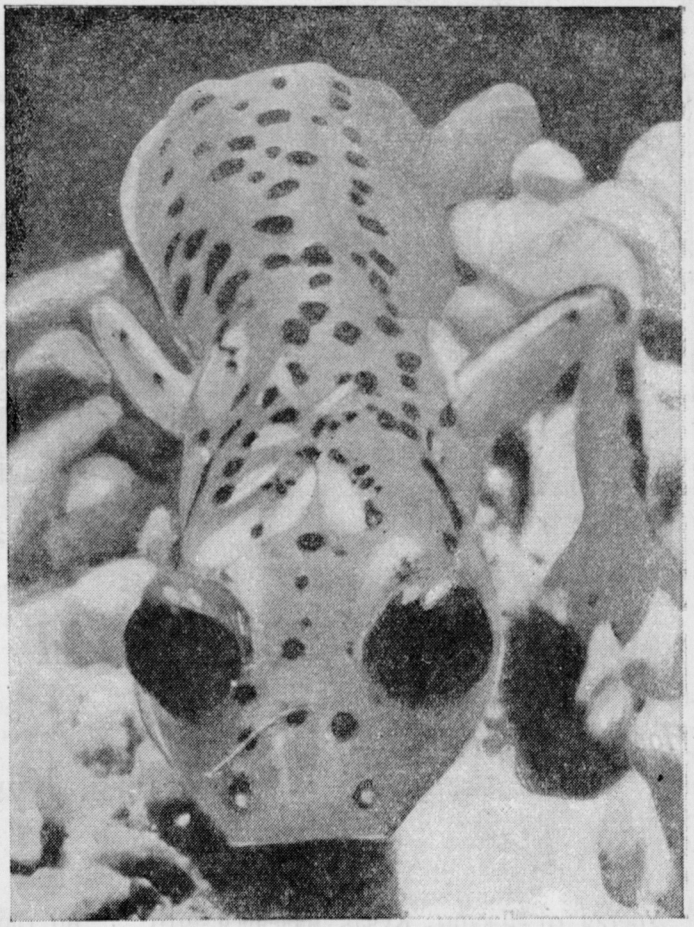
А между тем фото- и киноаппараты при свете мощных прожекторов запечатлеют на пленке картину жизни морских глубин с их неисследованными, то прекрасными, то уродливыми, но одинаково странными для человеческого глаза существами.

Животные тьмы

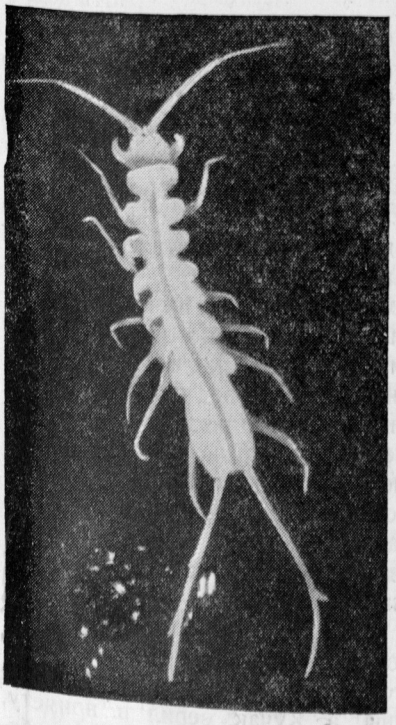
Эти странные животные водятся в подземных озерах в восточной части Соединенных штатов Америки. Первый луч света они увидели, когда фотограф зажег магний, чтобы снять их своим аппаратом.

Большинство этих животных вечной тьмы слепо. Тело их прозрачно. Таково крошечное безглазое ракообразное, которым питаются тоже слепые рыбы и слепые пещерные раки. У других, наоборот, огромные глаза — телескопы. Но трудно сказать, многое ли удается им разглядеть в подземельях, где они проводят всю жизнь.

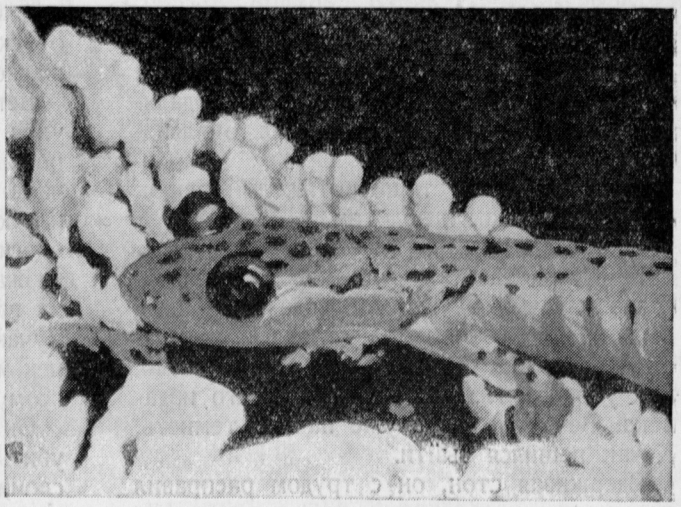
Там, где нельзя видеть, приходится чем-нибудь заменять глаза. И вот почти все слепое население мира вечной тьмы имеет чрезвычайно развитые органы осязания. У безглазого прозрачного рачка клешни покрыты осязательными волосками.



Пещерная пламенно-оранжевая саламандра. У нее огромные глаза-«телескопы», выпуклые как у лягушки.



Безглазый рачок.



Эта же саламандра, снятая сбоку.

Джура и Тэке

Повесть Ю. Тушкана *Рис. В. Цельмера*

Часть 3-я. Кучак

Глава первая

Убегая от Джуры, Кучак надеялся, что снег и ветер заметут его следы. Но снег шел недолго, и едва Кучак добрался до источника «Голубая вода», как ветер стих, тучи разошлись и в небе показались яркие звезды. Кучак боялся идти по свежей пороше, на которой ясно отпечатывались следы его ног, — он решил день переждать, а с наступлением темноты снова идти дальше, в Кашгарию, через перевал Биллянд-Киик.

Он очень устал тащить тяжелый мешок с вяленым мясом и золотом.

Рассветало.

Кучак забился в углубление под скалой, возле источника «Голубая вода», и весь день просидел, дрожа от страха и холода: он боялся, как бы Джура своими зоркими, как у барса, глазами не заметил его издалека. Вечером, когда уже начало темнеть, Кучак решился выйти.

Сдерживая стон, он с трудом расправил затекшие руки и ноги и на четвереньках вылез из углубления, но сразу же испуганно спрятался назад, под скалу: он увидел невдалеке Одноухую — собаку Зейнеб.

«Собака не будет бродить одна, — подумал Кучак. — Я пропал!»

Прождав еще час, он осторожно выглянул. Одноухая бродила уже совсем близко от скалы, под которой спрятался Кучак, и жадно нюхала землю.

Ветер подул со стороны Кучака, и Одноухая, поймав запах вяленого мяса, насторожилась, подбежала к скале и увидела Кучака. Остановившись перед ним, она жалобно повизгивала, выпрашивая мясо. Кучак бросил в нее камнем. Одноухая громко завизжала, но не убежала. Вспотев от страха при мысли, что собака приведет Джуру, Кучак поманил Одноухую, показав ей кусочек мяса, затем привязал за шею своим поясом и втянул под скалу.

Он был так зол, что сразу же хотел убить Одноухую, чтобы она не выдала его своим визгом, но в это время начали кричать филины, а Кучак верил в примету, что своим криком филины отгоняют альбе-

стов и джинов, предупреждая путников об опасности.

Помня слова аксакала, что в это время надо притаиться и молчать, чтобы не навлечь их гнева, Кучак решил ночь переждать, а утром убить Одноухую.

Но следующий день был такой теплый, солнце светило так ярко, что Кучак подобрел и решил взять собаку с собой в Кашгарию. «В дороге пригодится как сторож»,— решил он.

Сперва Кучак вел собаку на поводке, но, убедившись, что она и не думает убегать, снял веревку. Одноухая побежала вперед, часто оглядываясь. Кучак успокоился: когда собака бежит впереди и оглядывается на человека, значит, она боится потеряться и считает его своим хозяином.

Одноухой это было все равно. Это была старая бродячая собака, которая приставала ко многим караванам и многих хозяев переменила за свою долгую, всегда голодную жизнь.

Кучак шел по берегу Сельдары, прячась за камнями, мимо реки Танымас, все дальше на юговосток, где сверкал на солнце снегами перевал Биллянд-Киик.

Вода часто преграждала ему путь, и он уже много раз переходил бурные холодные потоки и быстрые, мутные реки.

Кучак промок и озяб, но разводить костер боялся, чтобы дым не привлек внимания Джуры.

По ночам он забивался в щели скал и дрожал от холода и страха, с нетерпением ожидая рассвета.

На третий день, к вечеру, перед тем как подниматься на перевал, Кучак собрал сухой полыни и разложил на плоских камнях большой костер под неведомо когда и кем задымленной скалой.

С наслаждением вдыхал он горький дым и грел руки. Потом снял мокрые ичиги, подвинул ноги к огню и, согрев их, обмотал теплыми шкурками сурков. Затем он просушил одежду. Наконец, вынул из курджума большой кусок вяленого мяса архара и нашпиговал его салом.

Он разгреб горячую золу, в которой лежали два плоских раскаленных камня, положил между ними мясо, посыпал его сверху золой и сильнее раздул костер.

В ожидании, пока испечется мясо, пропитанное жиром, Кучак положил голову на колени и задремал. Он вполне доверялся сидевшей напротив Одноухой, которая лаем известила бы его об опасности.

Неожиданный удар по плечу и сердитый окрик разбудили Кучака. Спросонья решив, что это Джура, Кучак, дрожа всем телом, бросился на колени, хватая подошедшего за ноги. Потом поднял голову и увидел незнакомых людей.

Высокие, низкие, толстые и худые, они толпились вокруг костра и сердито смотрели на Кучака.

Кучак протер глаза и быстро пересчитал их. «Семь человек»,— подумал он и подавил невольный вздох.

Самый толстый из незнакомцев (Кучак сразу же прозвал его «Кабаном») спросил Кучака, как его имя и откуда он.

— Я Кучак, я иду издалека.

— Ты не мусульманин,— с одышкой сказал Кабан,— ты негостеприимен, и ты не приглашаешь нас к огню.

Не успел Кучак ответить, как другой, худой и подвижной, которому он дал прозвище «Гадюка», подскочил к нему и пинком ноги отбросил его от костра. Кучак закричал: удар пришелся по еще не зажившим ожогам.

— Пошел вон! — крикнул ему третий.

Все засмеялись и уселись вокруг костра.

Присев на корточках в сторонке, Кучак ежился от ночного холода, зевал и тер кулаками глаза. Вглядевшись в лица пришлых людей, Кучак с удивлением узнал среди них Саида. Этот хитрый проныра был проводником китайского купца и его сына, когда те приезжали из Кашгарии на Памир, в кишлак Мин-Архар, выменивать пушнину и золото.

Кучак его сразу узнал по черным, как угли, глазам, скошенным к носу. Улучив момент, когда Саид отошел от костра собирать полынь, Кучак громко вызвался ему помочь и показать места, где много полыни. Саид согласился.

Кучак отвел его подальше и спросил, что это за люди, откуда они и куда идут.

Саид, узнав в трусливом толстяке Кучака, обрадовался, рассказал ему много интереснейших новостей.

Толстяки были баями из-под Ферганы, а он, Саид, взялся их провести в Кашгарию по потайным тропинкам, известным только ему.

Кучак удивлялся: зачем богатым людям идти пешком по трудно проходимым горам, не лучше ли им было поехать на конях по хорошим дорогам?

Саид щелкал языком от нетерпения и удивлялся глупости Кучака.

— Да знаешь ли ты,— сказал он ему,—

что сейчас в Туркестане у богачей отбирают землю и скот и все отдают бедным?

— Ну, ну! —сказал Кучак.— Не ври!— и даже засмеялся: он представил себе аксакала бедняком, а себя, Кучака, в горностаевом тулупе аксакала.

Саид рассердился.

— Пусть я буду синим ослом,— сказал Саид,— если то, что я говорю, неверно! Богатые и толстобрюхие баи забрали золото, бросили жен и бегут в Кашгарию. Мне что, я кашгарец, мне хорошо платят, я их и веду. А ты чего бежишь от власти бедняков? Ты бедняк, тебе и здесь хорошо будет: у тебя ведь нет золота?

Кучак весь с'ежился.

— Конечно, нет золота, конечно, нет,— бормотал он и тоскливо посматривал на окружающие их пустынные горы.

Он начал подозревать, что Саид неспроста завел его подальше от лагеря, и уже жалел, что пошел с ним...

А Саид, не обращая внимания на трусливые взгляды Кучака, продолжал рассказывать о жизни в Кашгарии. Он говорил, что в кашгарском городе трудно держать лошадь, потому что связка сена стоит двенадцать пулов. А еще труднее там сохранить свою голову.

— Саид! — донеслись издалека голоса баев.

— Сейчас! — закричал Саид.

Кучак живо принялся собирать полынь.

Вернувшись к костру, Кучак с горестью увидел, что баи доедали поджаренное им мясо архара. Они громко чавкали, облизывая пальцы.

Кучак выронил из рук полынь.

— Остановитесь, уважаемые! Что вы делаете? Вы едите мое мясо! — закричал Кучак, но никто не обратил на него внимания, как будто его здесь и не было.

Кучак, охая, достал из курджума мясо и стал есть его сырым. К нему подошел высокий киргиз и молча вырвал мясо. Кучак даже и не пытался вступать с ним в борьбу. Он лег на землю и осторожно, чтобы никто не заметил, маленькими кусочками стал вытаскивать из курджума мясо.

Глава вторая

На другой день утром Кучак хотел было уйти, но баи его не пустили.

— Эй, ты, ослиный хвост! — сказал ему Кабан.— Ты понесешь наши вещи.

— Мне не по дороге,— поспешно сказал Кучак.— Я не хочу идти в Кашгарию, я передумал и пойду домой.

— Не валяй дурака!—сказал Гадюка.— Бери и неси вещи: мы устали.

И они угрожающе взялись за ножи, висевшие на бедрах.

Кучак заплакал и, шатаясь под тяжелым байским грузом, побрел вместе с ними. Впереди, насупив брови, шел Саид: ему не нравилось обращение баев с Кучаком. Последним шел Гадюка; он колол Кучака кончиком ножа в шею, чтобы тот не отставал.

За перевалом Кучак решил ночью убежать от баев. Он успел немного отойти от стоянки, но лай Одноухой его выдал.

Уже пять дней шел Кучак с баями. Они с'ели все его вяленое мясо. Остались только кости.

— Почему у вас нет ружей? Здесь так много архаров,— говорил Кучак и показывал на склоны, где спокойно паслись стада архаров.

Саид об'яснил ему, что баи нарочно не взяли ружей, так как не хотели обращать на себя внимания в кишлаках, иначе их задержали бы как басмачей.

Вечером на привале, набирая воду у ручья, Кучак вспугнул стадо горных куропаток. Зная их привычку приходить на водопой на одно и то же место, он расставил силки.

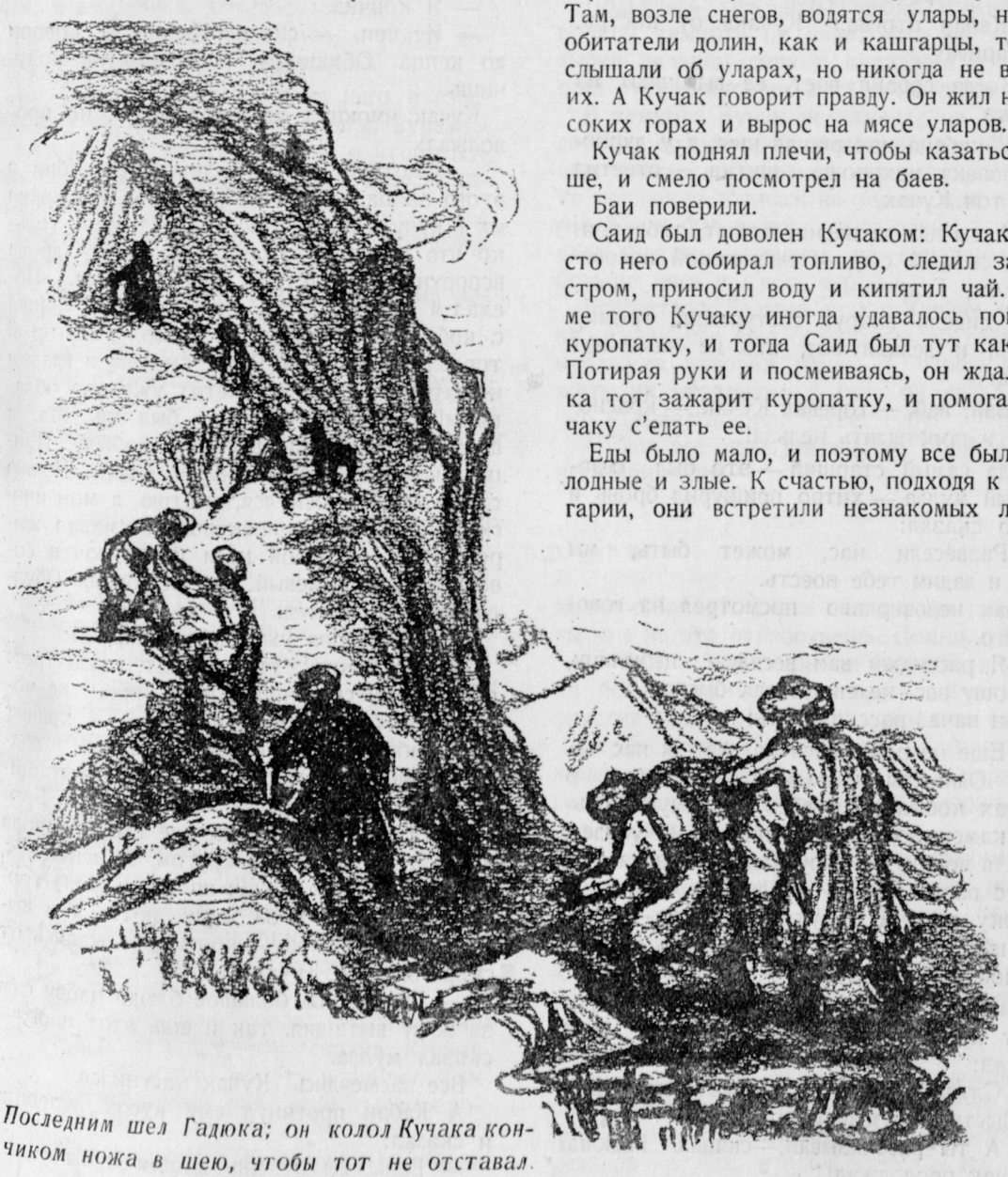
Рано утром, стараясь никого не разбудить, он встал и пошел к ручью. За ним увязалась Одноухая. В силок попалась куропатка. Но прежде чем Кучак успел вынуть добычу из силка, Одноухая схватила куропатку. Взбешенный Кучак набросился на собаку. Ухватив одной рукой торчавшие из ее пасти перья куропатки, он бил Одноухую по голове камнем. Но голодная собака не выпускала попавшего ей в рот мяса. Давясь и задыхаясь, она торопилась проглотить куропатку. Кучак заплакал от горя и поплелся к биваку.

Одноухая вернулась на бивак и начала скулить. Кучак, сосавший кость, даже поперхнулся от злости. Он прогнал Одноухую, но через несколько минут она уже опять скулила около ужинавших.

Ночью она ловко украла кусок мяса из-под головы Гадюки, который спал теперь каждую ночь рядом с Кучаком и привязывал к себе Кучака, чтобы тот не убежал.

Подозрение в краже пало на Кучака, и его избили.

Кучак клялся, что ему незачем красть, потому что хоть он и недоедает, но питается собственным жиром; он предлагал по-



Последним шел Гадюка; он колол Кучака кончиком ножа в шею, чтобы тот не отставал.

щупать жирные складки на своем теле и уверял, что после того как он нагулял такой жир, питаясь нежным мясом уларов, его уже не соблазняет невкусное вяленое мясо.

Чтобы окончательно убедить баев, Кучак рассказал, какие улары вкусные и как много он их с'ел.

— Сказки рассказываешь, — сказал Кабан.

— О нет, Кучак говорит правильно, — сказал Саид и показал на гору, снежная вершина которой была закрыта тучей. — Там, возле снегов, водятся улары, но вы, обитатели долин, как и кашгарцы, только слышали об уларах, но никогда не видели их. А Кучак говорит правду. Он жил на высоких горах и вырос на мясе уларов.

Кучак поднял плечи, чтобы казаться выше, и смело посмотрел на баев.

Баи поверили.

Саид был доволен Кучаком: Кучак вместо него собирал топливо, следил за костром, приносил воду и кипятил чай. Кроме того Кучаку иногда удавалось поймать куропатку, и тогда Саид был тут как тут. Потирая руки и посмеиваясь, он ждал, пока тот зажарит куропатку, и помогал Кучаку с'едать ее.

Еды было мало, и поэтому все были голодные и злые. К счастью, подходя к Кашгарии, они встретили незнакомых людей. Это были баи, которые тоже бежали в Кашгарию, пробираясь тропинками контрабандистов.

У них удалось купить немного еды. Похудевший Кучак потирал свой пустой и обвислый живот.

Вечером на привале Кучак подсел к баям. Он надеялся, что и ему перепадет ку-

сочек мяса или лепешки, но баи ему ничего не дали.

— Я нес ваши курджумы. Вы с'ели мое мясо. Неужели вы не дадите мне куска лепешки? — спросил Кучак.

Но Кабан отогнал Кучака от костра, приговаривая:

— Когда собака воет, ее выгоняют из кишлака.

— У кабана нехорошая шея, а у дурного человека нехороша шутка, — ответил ему в тон Кучак.

— А ты ляг да засни, может, тебе приснится сытный сон,—с насмешкой посоветовал ему Гадюка.

Баи сидели вокруг достурхана, громко чавкали и делали вид, что не замечают Кучака.

— Вай, вай, — горевал Кучак, — красноликих и пристыдить нельзя!

Тогда самый старший — это был седобородый мулла — хитро прищурил бровь и ехидно сказал:

— Развесели нас, может быть, мы тогда и дадим тебе поесть.

Кучак недоверчиво посмотрел на говорившего.

— Я расскажу вам веселую небылицу, но прошу вас, не ешьте так быстро.

И он начал рассказывать:

— Еще не родившись на свет, я пас табуны. Однажды лошади разбежались. В поисках кобылицы я влез на самую большую каменную гору, но ничего не увидел. Тогда я воткнул в гору палку, влез на нее, но и с палки ничего не увидел. Я воткнул в палку нож, а в рукоятку ножа—шило. Влез наверх — и земля показалась мне величиной с потник...

Заметив, что баи слишком быстро поедают куски мяса, Кучак прервал свой рассказ:

— Слушайте же, уважаемые, не ешьте так быстро, слушайте хорошо!

— А ты рассказывай,—сказал Гадюка. И Кучак продолжал:

— От усталости я заснул на шиле. Проснулся, смотрю: вдали на земле лужица, а за ней пасется моя кобыла с жеребенком. Присмотрелся я и вижу, что это не лужица, а Аму-Дарья. Прыгнул я с шила вниз и очутился на берегу реки. Вынул ножны, сел в них и гребу ножом вместо весла. Подплыл к кобыле. Жеребенка взял на руки, вскочил на кобылу, а с места двинуться не могу. Что делать? Тогда я сел на жеребенка, а кобылу взял подмышки и переплыл Аму-Дарью обратно.

Кучак внимательно посмотрел на достурхан и, заметив, что пищи осталось совсем мало, сказал:

— Я кончил.

— Не ври, — сказал Кабан. — Говори до конца. Обманешь — ничего не получишь.

Кучак чмокнул от негодования, но продолжал:

— Смотрю: под кустом заяц. Убил я этого зайца, потом набрал дров и сложил их в кучу. Выбил огонь, раздул трут, только что хотел разжечь, как вдруг дрова вспорхнули и улетели, как скворцы... Поехал я дальше. Ехал, ехал — устал. Сошел с кобылы и привязал ее к колу, который торчал среди степи. Вдруг смотрю и глазам не верю: моя кобыла летит уже под облаками! Оказывается, то был не кол, а аист. Он улетел и унес мою кобылу. Пришла ночь. Я разулся и лег спать. Ночью слышу шум, проснулся, смотрю, а мои ичиги дерутся: я неодинаково их смазал жиром. Ичиг с правой ноги успел почти совсем разорвать левый. Еле их рознял. Обулся и опять заснул.

Кучак говорил уже скороговоркой:

— Вдруг вижу: старик идет, глаза трет: попала ему соломинка, и он никак не может ее вытащить: «Помогите!» — кричит он. Прибежали сорок джигитов, сели в лодку, поплыли по глазу на лодке и вытащили не соринку, а целую кость карася. Бросили ее на землю, а из нее потекла вода и стала заливать все кругом. Я испугался, думаю: «Утону». Вижу: из кости жила торчит. Схватился я за жилу, потянул и вытащил блюдо плову,—кончил, задыхаясь от скороговорки, Кучак.

— Ну, раз ты большое блюдо плову сам за жилу вытащил, так и ешь этот плов,— сказал мулла.

Все засмеялись. Кучак насупился.

А Кабан протянул ему кусок лепешки и сказал:

— Ешь. Ты будешь нашим казыком — деревенским шутом. Смеши нас.

Кучак не взял, а вырвал лепешку, потом развязал свой платок-пояс и расстелил его на коленях. Он разломил лепешку на маленькие ломтики, разложил на платке и стал неспеша есть. Затем он старательно собрал все крошки с платка и с'ел их каждую в отдельности. Одноухая жадно смотрела на него, ожидая подачки, но Кучак только погрозил ей кулаком. Он рас-

положился у большого камня, но не успел заснуть, как его уже позвали.

— Пора идти. Собирайся в Кашгарию, бери курджум, — сказал Кабан.

Кучак чувствовал себя усталым, голодным, и ему очень хотелось спать.

— Не хочу я в Кашгарию, я пойду домой, — проворчал он недовольно.

Но Гадюка прикрикнул на него и взвалил ему на плечи, как на ишака, курджум с одеждой и с остатками еды, а чтобы Кучак не убежал, привязал его за шею веревкой к своему поясу...

Они шли ночью по долине у подножья горы, и Кучак спотыкался о камни.

— Подымай выше ноги, — шипел на него Гадюка.

Кучак шел и удивлялся.

— Эй, Саид, — спросил он, — почему мы идем ночью?

— Тише... тсс... — зашептали баи, и кто-то ударил его по шее.

Много раз они останавливались и прислушивались.

Услышав конский топот, баи быстро легли на землю. Кучак тоже лег, но зачем, он и сам не знал.

Пользуясь тем, что Гадюка и Кабан в ночной темноте не видят его, он проковырял пальцем дыру в курджуме и вытащил оттуда кусочек мяса и лепешки.

В темноте Кучак не замечал ни гор, ни дороги, по которой они шли. Он быстро шел вместе со всеми, и если слышал шум, то послушно ложился на землю, как и другие, а сам был занят только одним — желанием успеть вытащить из курджума побольше мяса и с'есть его.

Рассветало. Гадюка снял с Кучака веревку. Кучак все еще осторожно доставал из курджума кусочки пищи, и, чтобы положить их незаметно в рот, он делал вид, что утирает нос или чешет губу.

А баи все шли вперед, не обращая на него внимания.

Глава третья

Они перешли небольшую реку и поднялись по тропинке на холм. Кучак увидел кибитку; из нее вышел какой-то человек с ружьем и стал на тропинке.

Незнакомец был одет в синюю кофту, белые грязные штаны. Он, опираясь на ружье, чесал правой пяткой левую ногу. Когда баи подошли, он снял с головы шапку и молча протянул ее. Саид первый бросил ему в шапку серебряную монету. То же самое сделал каждый бай.

Кучак же ничего не положил в шапку. Незнакомец бросил шапку на землю, выставил ружье вперед и сердито закричал что-то по-китайски.

— Это китайский солдат, охраняющий кашгарскую границу, — сказал Кучаку Саид. — Брось ему монету в шапку. Так надо делать всякий раз, если ты переходишь границу...

— Но я не хочу в Кашгарию, и у меня нет денег, — сказал Кучак и попятился.

Солдат больно ударил Кучака прикладом и пнул его коленкой. Баи зло засмеялись. Кучак закричал.

Саид пожалел Кучака. Он бросил за него монету в солдатскую шапку и сказал:

— Если ничего не дашь солдату, то тебе надо будет отработать на его поле, а назад пойдешь, тебя партизаны поймают. И тогда тебе плохо будет. Зачем, скажут, ходил с баями? Я сам заплачу за тебя, но ты мне за это отработаешь. Помни.

— Вай, вай, я старый и больной, и у меня болят раны, — жаловался Кучак, и, опустив голову, он опять побрел за баями.

Перед заходом солнца они достигли, наконец, вершины горы, которую с утра видели вдали и о которой Саид говорил, что это последний большой перевал.

— Это Китай, смотрите и запоминайте, — сказал Саид, останавливаясь на перевале, — потому что только теперь, осенью, когда стоит «индийское лето», воздух чист и прозрачен.

Баи и Кучак остановились, выпучив глаза.

— Вон там, на юге, — показал Саид палкой на далекие, покрытые снегом горы,—за горами Индия. Туда ведут три дороги. Самая главная — это дорога семи перевалов на Лех, вторая дорога — на Читрал и третья — на Гильгит.

— Лех, Читрал и Гильгит! — повторил Гадюка, стараясь все запомнить.

— Там, — и Саид показал на восток,— там город Яркенд, а за ним страшная пустыня Такламакан, а еще дальше на восток, за Керией, — пустыня Лоб. А вон там, — и Саид ткнул палкой в сторону севера, — идет северная дорога небесных гор Тянь-Шань-Пе-лу. За ними лежит тоже Ки-

тай, который называется Джунгария. Смотрите и запоминайте. Сейчас мы находимся почти в Сарыколе, а идем в Кашгар. Там живут узбеки, дунгане, киргизы, китайцы и другие. Пойдем же, почтенные, скорее. Нам надо успеть придти в лянгар [1] еще до ночной темноты. Там у моего друга в чайхане мы можем напиться горячего чаю и поесть жирного плову.

Теперь Саид говорил спокойно, и с каждым его словом баи чувствовали себя бодрее. Они уже не имели вида загнанных лисиц.

Мулла, поджав отвислые от усталости губы, поправил свою зеленую чалму.

— Помолимся, правоверные, — сказал он и, став на колени, лицом к Мекке, молитвенно провел ладонями по лицу и поклонился.

Баи последовали его примеру. Кучак тоже стал на колени. Саид, сев на корточки, припоминал, сколько ему следует получить денег с каждого бая.

Окончив молитву, мулла спросил Саида:

— Много ли мулл в Кашгаре?

— А сколько стоит конь? — одновременно спросил его Кабан, засучивая рукава.

— А где дешевле жизнь?

— А на каком языке там говорят?

— А как дойти в Яркенд? — перебивая друг друга, спрашивали баи.

Саид поворачивал голову к каждому, но никому не отвечал.

— Здесь ветер и снег, почтенные. Поспешим же придти засветло в гостеприимный лянгар, и я отвечу на все ваши вопросы и расскажу вам много важного о жизни в Кашгарии. Поспешим же, почтенные, в лянгар, — и он быстро пошел по тропинке вниз, в ущелье, наполненное вечерними тенями, сыростью и холодом.

Баи, толкая друг друга, поспешили за ним, забыв о Кучаке.

А он стоял неподвижно, навалившись грудью на палку, и куда бы он ни смотрел, он видел только снежные вершины, сверкавшие в лучах заходящего солнца, да туманные дали.

Давно уже затихли возбужденные голоса баев, а Кучак все еще неподвижно стоял и устало смотрел вперед, но ничего не видел. Он весь ушел в себя и думал о том, что теперь будет с ним в этой огромной, страшной чужой стране.

Порыв холодного ветра ударил его снегом по лицу, запорошив глаза. Кучак вздрогнул, провел ладонью по глазам, испуганно оглянулся и, как привыкшая к стаду овца, побежал в глубь ущелья за своими спутниками.

Глава четвертая

Кучак нагнал баев уже внизу, на дне ущелья. Они молча стояли, сбившись тесной толпой возле скалы, у поворота тропинки, и о чем-то тревожно говорили.

— Эй, Кучак, — сказал мулла, — снимай курджум и пойди, пожалуйста, посмотри, что такое в лянгаре, и мы накормим тебя досыта.

Кучак подошел к ним, снял тяжелый курджум и заглянул за выступ скалы.

Он увидел рощу низких деревьев, между ними большую кибитку, обнесенную высоким забором, а вокруг забора, на полянке, валялись трупы людей и лошадей. Тяжелый запах гниющего мяса доносился оттуда.

— А, может быть, там живут драконы? — спросил Кучак, недоверчиво рассматривая высокие ворота с крышей, углы которой были загнуты вверх.

— Иди, иди! — хором закричали все баи.

— А Саид где? — спросил Кучак.

— Саид ушел вперед осматривать тропинку.

— Иди, иди, а то плакать будешь.

Было еще светло. Кучак осторожно пошел вперед.

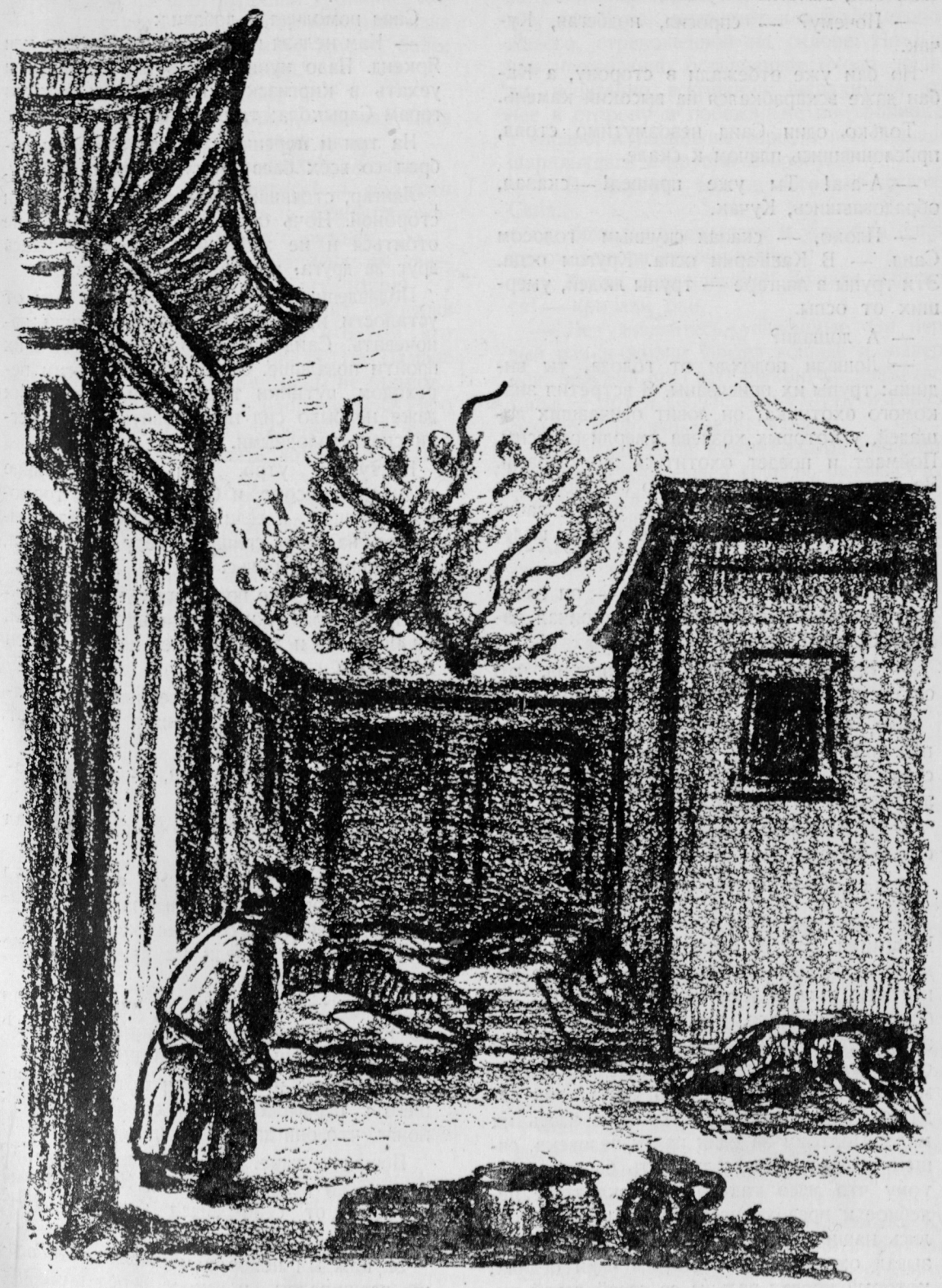
Он тихо вошел во двор кибитки.

Во дворе, у стен, на циновках, тоже лежали трупы. У многих не хватало рук и ног, хотя следов битвы не было заметно.

Пугливо оглядываясь во все стороны, Кучак подошел к стене кибитки и заглянул в дыру, затянутую чем-то белым и почти прозрачным. Он увидел в кибитке собак. Они пожирали трупы. Чтобы лучше рассмотреть, Кучак поцарапал ногтем полупрозрачную бумагу, напоминавшую бычий пузырь. Он нажал сильнее — бумага с треском разорвалась. Он отскочил, но все же успел увидеть через образовавшееся отверстие собак-людоедов.

В ужасе Кучак побежал со двора к баям.

[1] Лянгар — постоялый двор.



Он тихо вошел во двор кибитки.

— Не подходи к нам близко! — закричали они, заметив бегущего к ним Кучака.

— Почему? — спросил, подбегая, Кучак.

Но баи уже отбежали в сторону, а Кабан даже вскарабкался на высокий камень.

Только один Саид невозмутимо стоял, прислонившись плечом к скале.

— А-а-а! Ты уже пришел! — сказал, обрадовавшись, Кучак.

— Плохо, — сказал скучным голосом Саид. — В Кашгарии оспа. Кругом оспа. Эти трупы в лянгаре — трупы людей, умерших от оспы.

— А лошади?

— Лошади подохли от голода, ты видишь: трупы их привязаны. Я встретил знакомого охотника; он ловит одичавших лошадей, у которых хозяева умерли от оспы. Поймает и поедет охотиться за уларами. За одного улара платят сто баранов. Сам знаешь: кто ел мясо уларов, тот не заболеет оспой, а больной, поев улара, вылечивается.

— Кучак был возле трупов — он заболеет оспой! Прогони его! — закричал издали Саиду Гадюка.

— Не бойтесь, я ведь вам говорил, что он ел уларов, — сказал Саид.

Баи, вспомнив об этом, успокоились и подошли к Кучаку и Саиду, осторожно став за стеной, чтобы ветер со стороны лянгара не дул на них.

— Что же нам делать? — спросил Саида самый старый бай.

Саид яростно сплюнул и сказал:

— Охотник рассказывал, что люди в Кашгарии мрут от оспы как мухи во время мороза. Целые кишлаки вымерли. Людям, которые уже болели оспой и поэтому не боятся заразиться, платят большие деньги за то, чтобы они зарывали трупы умерших от оспы. Все охотники охотятся за уларами, но улара очень трудно убить: они водятся только высоко в горах, а здесь их мало. Поэтому за один палец человека, евшего уларов, платят двадцать баранов, потому что мясо такого человека тоже целебное и предохраняет от оспы. Так лечились наши деды и прадеды. А еще рассказывал охотник, что нашелся один бедняк, который продал пальцы со своей левой руки и получил сорок баранов, а ночью богатые соседи решили его убить и продать. Узнав об этом, он бросил всех баранов и убежал в горы.

Саид помолчал и добавил:

— Нам нельзя идти сейчас в Кашгар или Яркенд. Надо купить яков или лошадей и уехать в киргизские кишлаки, к южным горам Сарыкола: там нет оспы.

На том и порешили. Тогда же Саид собрал со всех баев плату за свою работу.

Лянгар, стоявший на дороге, баи обошли стороной. Ночь была теплая, и, чтобы не отбиться и не заблудиться, они, держась друг за друга, пошли вслед за Саидом.

Подавленные и унылые, они еле шли от усталости и, немного отойдя, решили заночевать. Саид напрасно уговаривал их пройти подальше. Обессиленные долгим переходом, путники так устали, что у них даже не было сил приготовить пищу. Легли спать голодными.

Наступило утро. Баи спали. Солнце поднялось высоко, и Саид принялся тормошить спящих, а если это не помогало, выжимал на шею спящему воду из платка, намоченного в ручье.

Дольше всех не просыпался Кучак. Только после того, как Саид облил его водой, он поднялся и долго не мог понять, где он находится.

Он тер глаза и с удивлением оглядывался во все стороны. Он видел опухшие от сна лица и злые глаза.

— Ты не уважаешь сон, — сердито сказал он Саиду.

— Надо спешить: кругом оспа,—отвечал Саид.

Кучак с любопытством рассматривал кусты шиповника и редкие заросли колючих деревьев и можжевельника.

Все путники сидели на лужайке, возле ручья.

Чистая холодная вода, с шумом прыгая по камням и загибая за скалу, вливалась в большой горный поток на дне ущелья.

По ширине и мощности потока, сбегавшего с перевала тонкой струйкой, Кучак понял, что они далеко отошли от перевала.

Пошли дальше. Ущелье извивалось то к югу, то вело на восток. Кучак справа и слева от себя видел только горные склоны.

За каждым поворотом ущелье все больше расширялось, и вскоре перед ними открылся лесистый склон, а вдали виднелась каменистая долина, зажатая между горами.

Они шли по протоптанной тропинке, которая у самого склона разветвлялась: одна тропинка вела вниз, к югу, другая, более протоптанная, шла на север.

Путники пошли на север.

— Тутраковые заросли, — сказал Саид и показал вниз, на лесистый склон.

Справа и слева громоздились камни.

— Эй, стой! Не шевелись! — раздался вдруг окрик, и слева, из-за камня, неожиданно показался человек с ружьем.

— Не идите по этой тропинке: вы занесете в наш кишлак оспу! Идите назад!

— Почтенный, — сказал Саид, выступив вперед, — мы идем с Памира и о том, что люди болеют оспой, не знали. На Памире мы ели уларов и поэтому оспы не боимся...

— Зачем вы идете в наш кишлак? Чего вы хотите? — спросил человек.

— Продай нам девять лошадей, — сказал Саид.

Человек свистнул. Из-за другого камня вышел второй вооруженный и подошел к первому. Они посовещались.

— Мы продадим вам четырех лошадей, по одной на двоих, а вы дайте нам мяса уларов.

— У нас нет уларов, мы с'ели их, — сказал Саид.

— Тогда вы, евшие уларов, заплатите за лошадь по пальцу, иначе мы не продадим лошадей.

Баи хитро переглянулись и посмотрели на Кучака.

— Беги, — тихонько шепнул ему Саид, стоявший сзади.

Кучак поперхнулся и невольно схватился за пояс, где было зашито золото.

— Иди сюда, Кучак! Иди, милый!—приторно ласковым голосом сказал старший бай, подходя к нему.

— Беги же, безголовый, или тебя продадут на мясо! — прошептал опять Саид.

Кучак подпрыгнул и помчался изо всех сил вниз по тропинке, мимо человека с ружьем.

За ним проскакала Одноухая.

Баи растерялись, но потом побежали догонять Кучака.

— Стойте, не бегите в сторону кишлака! — закричал сторожевой, но баи его уже не слушали.

Выстрелив в толпу бежавших людей, сторожевой одного из них убил, но другие успели пробежать по тропинке к кишлаку.

— Он ускачет на лошади! — кричали баи, запыхавшись от быстрого бега, увидев, что Кучак подбегает к лошади сторожевого, стреноженной на склоне. Но Кучак неожиданно остановился около лошади, испуганно вскрикнул, шарахнулся от нее в сторону и побежал не по тропинке, а вправо, к подножью горы, в лес. Лошадь шарахнулась в другую сторону.

— В лесу мы его не догоним,—сказал Саид.

Он бежал впереди всех и уже был близко от лошади сторожевого.

— Кучак, сумасшедший! Лошади испугался! — кричали баи.

— Не удивляйтесь, уважаемые. Он первый раз в жизни увидел лошадь и, наверное, подумал, что это дракон! — засмеялся Саид. — Вот я сейчас сниму путы и взнуздаю ее, и на ней поедет мулла.

Баи уселись на камнях. Саид спокойно подошел к храпевшей лошади, развязал путы, взнуздал ее и вскочил в седло.

— Прощайте, уважаемые. Я довел вас до Кашгарии. Я сделал свое дело. Мне очень приятно быть в вашем обществе, но я спешу домой. Аллах с вами, да не с'едят вас, евших уларов, местные жители!

С этими словами Саид ударил коня нагайкой и помчался по склону вниз, к лесу.

— Держи его! — закричали баи.

— Держи, держи! — раздались вокруг голоса, и на лужайку выбежало несколько человек с ружьями.

Один из них выступил вперед и сказал:

— Если вы сейчас же не уйдете от нашего кишлака, мы перестреляем вас!

— Дайте нам похоронить нашего спутника, — сказал старший.

— Милостью аллаха мясо его послужит нам для того, чтобы лечить больных и предохранить здоровых от болезни.

Все шесть баев бросились наутек в разные стороны. Они побросали свои курджумы, чтобы легче было бежать.

Три бая побежали в одном направлении и вместе продолжали дальнейший путь на юг.

Боясь за свою жизнь, они рассказывали всем встречным о Кучаке, который с'ел несметное количество уларов, и советовали его разыскать и убить.

Они утверждали, что аллах послал Кучака на землю, чтобы исцелить больных оспой. Говорили, что достаточно больному дотронуться до Кучака —и больной исцелится.

Эта легенда быстро разнеслась по всем кишлакам.

Во все стороны пустились в погоню за Кучаком знахари, охотники и простые жители кишлаков. Ведь их матери, отцы, братья и сестры гибли от оспы! Только мясо уларов могло их спасти. Но уларов не было. Пусть лучше погибнет один, который с'ел великое множество уларов, чем тысячи людей.

Глава шестая

Поровнявшись с лесом, Саид осадил вспотевшего коня и оглянулся. Нестройной толпой баи бежали по склону горы в другую сторону. Саид сдвинул баранью шапку на затылок и вытер ладонью мокрый лоб.

Конь потянул уздечку и жадно начал есть траву.

Саид свистнул и ударил его нагайкой. Конь прыгнул вперед, но Саид сдержал его и поехал шагом, внимательно оглядываясь во все стороны.

Вечером Саид выбрал место у ручья, остановился, привязал уставшую лошадь за повод повыше к дереву, чтобы она, прежде чем пастись, остыла и отдохнула. Потом он собрал сучья и разложил костер. С седла он снял забытый хозяином курджум и вынул оттуда кусок сыру из сливок—курут, несколько ячменных лепешек, бурдюк с кумысом и кусок вяленого мяса.

Поджарив мясо, Саид с апетитом его с'ел, закусив лепешками с сыром. После этого он разжег костер еще больше. Огонь высоко пылал, освещая багровым пламенем всю поляну.

Саид положил на седло курджум, вскочил на лошадь и, сказав про себя: «Ищите меня здесь», — поскакал в глубь леса. Там не разжигая огня, он заночевал под кустом, а стреноженного коня пустил пастись.

Ночью он проснулся оттого, что кто-то у него из-под головы осторожно тянул курджум с провизией.

Саид, притворившись спящим, слегка повернул голову, чтобы рассмотреть вора.

— Одноухая! — крикнул он.

Собака испуганно отскочила в сторону.

— Значит, где-то здесь недалеко и Кучак, — вслух сказал Саид, вставая, и потянулся так, что у него хрустнули кости.

Рассветало. Небо на востоке казалось коричневым.

Одноухая упорно смотрела на Саида, ожидая подачки.

— Кучак, Кучак! — закричал Саид, но никто не отзывался.

Тогда он стал бросать в Одноухую камнями и бросал до тех пор, пока она не поняла, что надо бежать, спасаться у своего хозяина.

Саид быстро шел за собакой и вскоре подошел к густым зарослям шиповника. Одноухая проскользнула в заросли. Саид пошел за ней, осторожно раздвигая кусты. Вдруг он почувствовал, что земля под его ногами оборвалась, и он кубарем скатился вниз, в старую волчью яму.

— Ой! Не надо, не надо! Ай-ай-ай! — закричал в яме чей-то испуганный голос.

Саид вскочил на ноги и схватился за нож, но, увидев Кучака, забившегося в угол, усмехнулся и сказал:

— Чего кричишь? Хочешь, чтобы тебя баи услыхали и пришли сюда?

Кучак сразу же затих.

— Не бойся, — сказал Саид, — я сам убежал от баев. Вылезай из этой волчьей ямы. У меня есть конь, поедем вместе. Будешь прислуживать мне.

Кучак молчал и старался нащупать рукой золото, подвязанное на животе.

— Или ты очень богат и возьмешь меня к себе в услужение? — спросил его Саид.

— Нет, нет, — поспешно сказал Кучак и опять прикоснулся рукой к золоту, чтобы убедиться, что оно не исчезло, — я пойду к тебе работать.

Саид помог Кучаку вылезть из ямы, и они пошли.

Накормив Кучака, Саид привел лошадь.

— Что это, что это? — испуганно спросил Кучак.

— Это лошадь, ты разве не слышал о лошадях? — сказал Саид, седлая коня.

— Ах, это лошадь! — облегченно вздохнул Кучак. — Я о них много слышал, но никогда не видел.

Он неуверенно подошел к коню.

Конь храпел и пятился.

Наконец, они уселись: Саид — на седле как хозяин, а Кучак с трудом устроился на крупе лошади так, чтобы не сидеть на ранах.

— Не бойся, не сжимай меня так руками: не упадешь, — успокаивал его Саид.

— Конечно, конечно, — говорил Кучак и еще сильнее прижимался к Саиду.

Они ехали шагом по лесу у реки, об'езжая заросли шиповника и малины.

— Ты держись за меня,— говорил Саид.

И Кучак еще сильнее сжимал его.

— Да нет, ты не понял меня, — продолжал Саид, — я говорю о том, что один ты пропадешь, и поэтому должен помогать мне во всех делах. Я о твоем счастье, Кучак, думаю.

— Спасибо, ты добрый человек, — говорил Кучак и хватался рукой за золото на животе. — А чем ты сам занимаешься?

Саид чмокнул.

— Не было такого дела, каким бы я не занимался, не было такого места в Синь-Цзяне, где бы я не был, — сказал он. — Я промывал золото из голубоватой глины и камней в Соургане и Чисгане, возле Керии. Был нищим, просил милостыню, потом поссорился со старшиной нищих: не поделили краденого, — и я удрал. Работал еще по переброске трупов.

— Как, как? — испуганно спросил Кучак.

— Эх, Кучак, ничего-то ты не знаешь — плохо тебе будет одному. Не знаешь того, что судья отвечает за каждого убитого в его округе. Если человек был убит далеко от места, где живет судья, его меньше штрафуют. Поэтому судья всегда хочет перебросить труп убитого в чужой округ и тому, кто это сделает, хорошо платит. Это хороший заработок, только случается нечасто. Понял?

— Понял, — сказал Кучак, — только ведь это страшно — ночью трупы возить.

— Работал я еще, — продолжал Саид, — искателем кладов. Ох, много добра в заброшенных старинных городах в Такла-Макане.

— Да ведь ты сам говорил, что там пустыня.

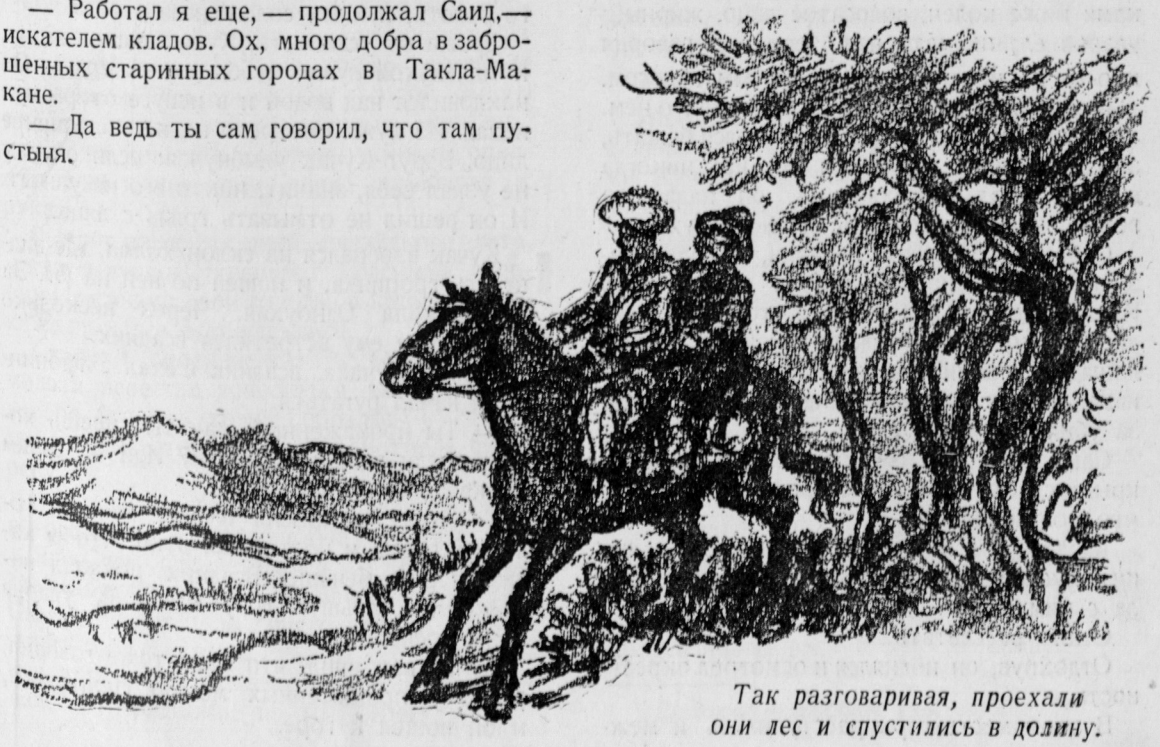
— Ну да, — согласился Саид, — а в пустыне стоят целые города, засыпанные песком. Вот там и роешь. В Кашгарии много мест, где можно искать клады. А надоест копать, можно контрабанду возить или баев проводить через границу.

— Нет, — жалобно сказал Кучак, — лучше скот разводить, лучше быть дехканином.

Саид расхохотался.

— Эх, ты! — сказал он. — Да знаешь ли ты, как трудно жить дехканам, сколько с них берут податей? Ведь дехканам достается только солома от пшеницы, да и то не вся. Хердж — десятую урожая — надо отдать? Надо! Зякет муллам надо заплатить? Надо! Танап — сбор с хлопка и садов — тоже дай; а не дашь — возьмут. А сколько еще: саманпуль — сбор за солому, кяфее — в пользу сборщика, тарикора — налог со всякого имущества. А сбор на содержание начальства и войск, а бесплатная работа по устройству арыков, а бесплатная обработка земли? Еще надо платить судьям, толкователям законов, потом сотнику, писарям, старостам — всем надо платить. Теперь тебе понятно, почему я говорю, что у дехкан остается от пшеницы солома, да и то не вся?

— Да, — сказал Кучак, — лучше быть охотником.



Так разговаривая, проехали они лес и спустились в долину.

Так разговаривая, проехали они лес и спустились в долину, на пыльную дорогу. Солнце сильно припекало.

— Ох, — стонал Кучак, — я лучше пойду пешком: у меня болят раны.

Он слез, и они двинулись дальше: Саид ехал на лошади, а Кучак шел рядом, держась за стремя.

— Куда же мы идем? — спросил Кучак.

— Мы спрячемся от оспы в кишлаке у прокаженных. Туда боятся все ходить, а я не боюсь: проказа бывает от ийе, а ийе знахарь может заговорить, — ответил Саид.

После захода солнца они увидели на самой горе, у входа в ущелье, юрты. Оттуда доносились мычанье коров и ржанье лошадей.

— На тебе двадцать денег, — сказал Саид, — подымись к кибиткам и купи мяса. Я бы сам пошел, но я в ссоре с этим киргизским родом теит.

— Как это «купи»? — спросил Кучак.

— Обменяй серебро на мясо.

— А! — сказал Кучак и пошел к юртам.

Одноухая побежала впереди.

— Да сначала послушай у юрты, о чем там говорят, а потом уж заходи! — крикнул Саид.

Кишлачные собаки выбежали с лаем навстречу Одноухой. Кучак воспользовался этим: подкравшись к кибитке, он приложил ухо к кошме и вдруг услышал: «Пожилой такой киргиз, небольшого роста, с руками ниже колен, волосатое лицо, жирный: уларов ел; поймать надо его...» — говорил кто-то в кибитке низким, густым голосом.

Кучак понял, что в юрте говорили о нем.

Он затрясся от ужаса и бросился бежать, забыв обо всем. Он бежал так, как никогда еще не бегал. Запыхавшись, он падал на землю, чтобы отдохнуть, и снова бежал.

Собаки возле юрт залаяли, почуяв незнакомца, и киргизы вышли наружу. Но Кучак был уже далеко. Они его не заметили. Однако Саида увидели и узнали. Сев на лошадей, они поскакали к нему. Два года назад в этом кишлаке Саид у одного киргиза убил и ограбил сына.

Саид еле удрал от погони. Он весь покрывался потом только при одной мысли, что мог попасться.

Между тем Кучак прятался среди высоких кустов жесткой травы. Одноухая легла с ним рядом.

Стало рассветать.

Отдохнув, он поднялся и осмотрел окрестность.

В этом месте горы расступились и между ними лежала большая равнина. В середине ее было болото, а по краям росли высокие кусты травы. Среди них стояли лужи. Там же, где травы не было, блестели лужи, и возле луж виднелась красная в трещинах глина.

В этой безрадостной долине Кучак чувствовал себя сиротливо. Не видно было ни одной птицы. Здесь даже ветра не было.

Кучаку захотелось пить, и он подошел к самой крайней луже с мутной водой.

В тихой луже как в зеркале Кучак увидел себя и прошептал, вспоминая слова, сказанные о нем в юрте: «Волосатый киргиз». Глядясь в воду, он начал выдергивать волосы из своей не в меру густой бороды, чтобы хоть немного изменить внешность, но жажда заставила его бросить это дело. Он нагнулся к луже, вода оказалась горько-соленой. Тогда Кучак пошел к большой луже в глубине долины. Он шел по сухой, потрескавшейся глиняной корке, и ему казалось, что корка под его тяжестью колеблется. Он остановился и топнул ногой. Корка треснула, и он погрузился в грязь

— Вай, вай! — завопил Кучак и дернулся всем телом назад.

Но грязь засосала его выше колена. Он упал. Одноухая села невдалеке и завыла.

Много времени потратил Кучак, пока вылез из грязи. Если бы он провалился немного ближе к болоту, он бы уж не выбрался, потому что это был край страшного болота, пухлых солончаков.

Дрожа от усталости, Кучак пошел назад, к маленькой луже, чтобы смыть грязь. Он наклонился над водой и в испуге отпрыгнул назад. Из лужи смотрело на него страшное лицо. Вдруг Кучак улыбнулся: если он сам не узнал себя, значит, никто его не узнает. И он решил не отмывать грязь с лица.

Кучак взобрался на склон холма, где виднелась тропинка, и пошел по ней на юг. За ним бежала Одноухая. Через несколько часов пути ему встретился всадник.

Увидев Кучака, всадник с'ехал с тропинки и начал ругаться.

— Ты прокаженный, как ты смеешь ходить среди здоровых людей? Иди к своим прокаженным в горы!

— Куда? — спросил Кучак, вжимая голову в плечи и подтягивая руки, чтобы казаться еще меньше. Всадник показал нагайкой на большую гору вдали и, ударив коня, поскакал дальше.

Кучак вспомнил, что Саид тоже говорил, будто у прокаженных можно спрятаться, и он пошел к горе.

Зная от Саида, что по здешним дорогам бродит много басмачей, Кучак завернул свое золото в грязный платок и обвязал им вроде ошейника горло Одноухой.

Ночью по гальке, резавшей ноги сквозь дырявые ичиги, шел Кучак к горе. Только изредка приближался он к кибиткам горных жителей, чтобы попросить поесть, и тогда слышал разговоры о том, что «хорошо бы поймать Кучака».

Так шел Кучак ночь и день, и уже снова наступил вечер, а гора все еще была на том же расстоянии.

Прошло несколько дней. Кучак так сильно голодал, что как-то ночью убил Одноухую и с'ел ее. Теперь он спал на ее шкуре и пропах псиной. Овчарки, выбегавшие ему навстречу с гор и ущелий, почуяв этот запах, нападали на него и долго провожали его лаем.

Кучак возненавидел собак.

По всем тропам и дорогам искали и ловили Кучака. Муллы молились, чтобы аллах послал счастье поймать «волосатого киргиза», и получали за молитвы «сеям» от верующих.

По всему Кашгару разнеслась легенда о киргизе, который всю жизнь ел только уларов, так что стоит с'есть маленький кусочек его мяса, приготовленного знахарями, чтобы больной выздоровел.

С каждым днем цена Кучака повышалась, а легенда ширилась, и «узун-кулак»[1] нес ее дальше.

И многие уже верили, что Кучака послало само небо, но люди настолько грешны, что не могут его найти. Место, где он находится, укажут только люди святой жизни. И кашгарцы ходили к пяти мудрым аксакалам. Но мудрые аксакалы сказали, что не подобает мусульманам есть людское мясо. Тогда раз'яренная толпа, пришедшая узнать у мудрецов, гадавших по «запискам из нефритовой коробки», где искать Кучака, в гневе убила их, а потом сожгла их тела, ибо мудрые не могли говорить так глупо.

Глава седьмая

На склоне горы одиноко стоял кишлак. Его кибитки расположились у обрывистого берега над рекой. А внизу, на самом берегу реки, стояла мельница, и возле нее лежали бурдюки для переправы через реку.

Но никто не ехал и не шел в этот кишлак. В нем жили прокаженные. Если кто и приходил в этот кишлак, так только контрабандисты и бандиты, скрывающиеся от китайской полиции. Это были выгодные пришельцы. Они приносили с собой много денег и ценных вещей, которые Янь-Сянь, старшина кишлака и хозяин чайханы, опиекурильни и мельницы, ловко прибирал к рукам.

В один из ясных дней индийского лета, когда девушки украшают красными осенними листьями свои головы, в кишлаке прокаженных все всполошились.

Старухи бросили катать войлок, звон молота перестал доноситься из кузни, и вскоре большая толпа собралась у самого края обрывистого берега и смотрела через реку.

А на другом берегу стоял человек невысокого роста и призывно махал рукой.

Янь-Сянь посоветовался со знахарем — стариком, увешанным разными амулетами. Слегка подняв полы синего халата, он медленно сошел к реке, стал на берегу и, подняв ладонь над глазами, пытливо всматривался в незнакомца на том берегу.

Он долго не мог решить, стоит ли перевозить в кишлак этого грязного старика в драном халате, но так как Янь-Сянь был человек опытный и знал, что по одежде нельзя судить о богатстве человека, то он приказал мельнику перевезти незнакомца.

И вскоре Кучак стоял перед толпой прокаженных. Вид их испугал Кучака. У многих не было рук, ног, носов, и лбы их были морщинисты.

Янь-Сянь повел Кучака в свою чайхану, а любопытная толпа пошла следом за ними. Кучак сторонился прокаженных: он боялся заразиться.

В чайхане Кучак наелся как удав, удивив всех своей прожорливостью, а когда хозяин Янь-Сянь потребовал плату, Кучак дал ему кусочек золота.

Янь-Сянь очень удивился, но и виду не показал. «Ага, — подумал он, — это переодетый богач». И решил уговорить Кучака остаться жить в кишлаке, чтобы постепенно выманить у него золото.

— Уважаемый, — сказал он, — я дам тебе хорошую кибитку, дров, и ты можешь приходить ко мне каждый день в течение четырех месяцев и с'едать утром и вечером по две пиалы рису и курить анашу.

---

[1] Дословно — длинное ухо, слух.

— Но я не хочу курить, — сказал Кучак.

— Как не хочешь? — удивился Янь-Сянь. — Все прокаженные курят, чтобы усладить свою тяжелую жизнь, полную горя и страданий. Или ты не прокаженный?

— Я буду курить, — покорно ответил Кучак. — Но пусть никто не дотрагивается до меня: я болен многими страшными болезнями. Их послал на меня арвах за то, что я зарезал сотни людей. Я буду жить среди вас, о почтенные. Вы поможете мне выполнить обет не притрагиваться ни одним пальцем к другому человеку. Нет бога, кроме бога, и Магомет—пророк его!

Присутствующие повторили, и все сказали: «Омен».

В тот же вечер, чтобы не вызвать подозрений и, кстати, попробовать, не перестанут ли болеть от опиума раны, Кучак пошел в опиекурильню, помещавшуюся рядом с чайханой.

Через низенькую дверь он проник в небольшое темное помещение, наполненное синими полосами тяжелого дыма.

Вначале он ничего не видел, кроме дыма, сквозь который виднелись тусклые огоньки карачираков. Откуда-то, с полу, доносилось хриплое дыхание.

Когда же он немного освоился, то увидел низкие стены, затянутые паутиной, и грязные цыновки. Его испугало безумное выражение глаз курильщиков, но Янь-Сянь потянул его за рукав и сказал:

— Ложись.

Кучак лег на бок на грязную цыновку у самого входа, положив голову на деревянный чурбан.

Янь-Сянь придвинул к нему карачирак и подал крошечную трубку на длинном мундштуке.

— Соси дым и вдыхай, — сказал он на ломаном киргизском языке, помогая Кучаку приложить к огню трубку с шариком опиума.

Кучак взял мундштук в рот и, когда шарик опиума коснулся огня, глубоко затянулся. Шарик затрещал и сгорел, а Кучак, выпучив глаза, закашлялся.

— Но я не хочу курить, — сказал Кучак.

— Научишься, — спокойно сказал Лян и приготовил следующий шарик опиума.

Потом Кучаку подали большую трубку, набитую зеленоватым порошком.

Кучака тошнило, и он хотел уйти, но, вспомнив, что за анашу уже заплачено, решил курить.

Долго он курил и сначала ничего, кроме тошноты и боли от ран, не чувствовал. Потом боль стихла, и ему показалось, что стены кибитки раздвинулись. Он посмотрел на ногу и увидел, что она стала большая как гора. Он встал, и ему показалось, что

сам он легкий как перо и ничего не весит. А на душе у него тоже стало легко и весело. Опьянев от анаши, он начал громко смеяться.

Поздно ночью Янь-Сянь шел из чайханы домой. Ночь была темная, и он зажег фонарь. Проходя мимо опиекурильни, он услышал дикий визгливый хохот. Янь-Сянь подошел поближе, поднял фонарь и осветил лицо хохотавшего. Это был Кучак. Выпучив глаза, он смотрел себе под ноги и хотя ничего в темноте не видел, но хохотал. Пальцем ноги, вылезшим из прорвавшегося ичига, он упирался в небольшой камешек, и ему казалось, что перед ним не камешек, а огромная скала, и он никак не может переступить через нее.

Янь-Сянь самодовольно улыбнулся: чем скорее Кучак приучится к анаше, тем лучше, — и пошел домой спать.

Визгливый смех Кучака преследовал Янь-Сяня до самых дверей его кибитки.

Глава восьмая

Дни проходили за днями. Пожелтели листья и облетели с деревьев. Снег все чаще посыпал землю и лежал не только ночью и утром, но иногда и днем.

Кучак ничего не замечал. Он думал только о том, как бы у него не украли золото, которое он носил на животе. Беспокоили его и раны.

Раны эти поджили и покрылись струпьями. Днем, когда Кучак вставал и начинал двигаться, они трескались, причиняя сильную боль. Кучак ходил к знахарю и взял у него амулет с волосами русского, но и это не помогло.

Он просыпался поздно. Подолгу, не мигая, смотрел он в очаг, где вместо веселого огня лежал холодный серый пепел, и силился вспомнить, что с ним было вечером.

Ему не хотелось ни думать, ни шевелиться, даже дышать ему было лень. Все тело его ныло, болели ожоги. Много часов подряд лежал он в оцепенении и чего-то боялся, пряча голову под тулуп. Потом вставал и шел в чайхану. Ему не хватало двух пиал рису — он с'едал еще много мяса с приправой из кореньев.

Наевшись, он опять делался вялый и сонный, а вечером шел в опиекурильню, курил анашу и сразу преображался.

Он рассказывал сказки, танцовал и пел. Кто бы узнал в этом веселом плясуне Кучака!

Знахарь всегда вертелся возле него и старался ощупать Кучака, чтобы узнать, где он носит золото. Но, даже опьянев от анаши, Кучак помнил о золоте.

Чтобы его ночью не обобрали, он уходил из кишлака в горы, где он в бреду видел такое, чего никогда не увидит обыкновенный человек.

Начались сильные морозы. Даже на бурной речке уже появился прибрежный лед.

Раз Кучака принесли с отмороженными пальцами левой руки. Знахарь отрезал их. Кучак плакал и причитал:

— О мои пальцы, которые так умело готовили плов! Вы стоите много баранов, а вас выбрасывают даром!

Знахарь долго думал над словами Кучака. Почему бы это пальцы киргиза стоили много баранов? Уже не тот ли он человек, весть о котором донеслась до кишлака? Если это так, то это не человек, а клад.

Знахарь все время следил за Кучаком и несколько раз спрашивал, как его зовут. Сначала Кучак сказал, что его зовут Саид, а потом забыл об этом и сказал, что его зовут Джура, а в третий раз сказал, что он Тагай. Это укрепило подозрение знахаря.

Уходя в горы, Кучак плясал, пел, падал на землю. Падая, он снова тревожил свои раны, а по утрам удивлялся, почему они не заживают. Кучак решил пойти опять к знахарю.

Тот жил на самом краю обрыва над рекой, над тем местом, где на берегу реки стояла мельница Янь-Сяня.

Кучак толкнул низенькую дверь и очутился в большой кибитке. По стенам ее висели амулеты: ишек-таш, головы филинов и локтевые кости, которые, по уверению знахаря, помогают стеречь скот; около них висели бубны, семиструнная скрипка и дудки. У стен стояли какие-то тюки, шкатулки и лежало множество скатанных кошм.

Посредине кибитки, вокруг костра, сидело несколько костлявых стариков.

Кучак сердито сопел и, нахмурившись, смотрел на них. Ему не понравилось, что знахарь не один.

Он снял с себя ладанку и швырнул знахарю:

— Не помогает, болят ожоги,— сказал он.

Знахарь, высокий, тощий, с носом как

у филина, подхватил ладанку на лету, и, укоризненно покачав головой, спрятал на груди.

— Я выгоню из тебя бесов, я выгоню хозяев твоей болезни,— сказал знахарь,— но ты мне уплатишь двадцать тоэлей [1].

Кучак клялся, что он беден, но потом согласился и дал кусочек золота. Его посадили на полу, спиной к канату, протянутому с середины потолка до полу. Два старика, взяв со стены бубны, начали бить в них и петь. Знахарь стал плясать вокруг Кучака. Потом он взял зарезанного петуха и приложил его к лицу Кучака. Разрубив петуха пополам, он вынул легкие и приложил их к спине больного. Пока один из стариков их придерживал, знахарь стегал Кучака прутом по спине, восклицая: «Кач, кач!» [2].

— О Чингис-хан,— кричал знахарь, прыгая с пеной у рта,— выгони ийе! О Тамерлан, выгони ийе! О Манас, выгони ийе, он боится тебя, о богатырь!

Тем временем старики разожгли огонь, и знахарь подержал над ним дудку и приложил ее к уху Кучака. Кучак отдернул голову: трубка была раскалена.

— Ага! — закричал знахарь. — Ийе боится! Давай ухо, давай.

Потом Кучака повели из кибитки по ступенькам вниз, к реке, к заброшенной мельнице. Кучаку было больно идти, и он стонал. Там его посадили на землю и накрыли халатом. Знахарь начал бегать вокруг Кучака, ударяя его живым петухом ниже спины, громко крича:

— О Чингис-хан, о Манас, бешеную лошадь не раз повергал ты наземь и свой колчан, полный стрел, ты шутя опоражнивал. О, порази ийе, изгони его!

После этого он смазал гусиным жиром раны Кучака и повел к себе в кибитку отпраздновать выздоровление больного.

Кучак, после того как его раны смазали жиром, почувствовал себя легче. Струпья уже не болели, а только слабо ныли.

Невеселый сел он около огня и, увидя через дымоход пастушескую звезду, вспомнил аксакала, Зейнеб, Джуру. «Где они?»— подумал Кучак.

Старики пили чай, ели вареное мясо, мокая его в рассол, и запивали водкой из джугары.

А знахарь взял камышевую дудочку и запел веселую песню о Янь-Сяне.

Услышав имя Янь-Сяня, Кучак вспомнил о курильне опиума и сразу ожил: глаза его широко раскрылись, и он поспешно выбежал из кибитки.

— Куда он? — спросил пьяный комоланча.

— Эй вы, синие ослы! — сердито сказал знахарь.— Не могли вытащить у него золото!

А Кучак бежал уже в курильню. Накурившись до одурения, он вышел и побрел в горы.

Он видел улыбавшуюся ему луну, погрозил ей пальцем, захохотал и побежал дальше.

Глава девятая

Долго не мог очнуться от дурмана Кучак, а придя в себя, все никак не мог понять, где он лежит.

Прищурившись, смотрел он в угол кибитки, где возле костра сидело два человека. Он хотел потереть лоб, но почувствовал, что у него связаны руки.

Кучак испугался и прислушался к разговору.

— Уговор—так уговор,— грозился один, в голосе которого Кучак с ужасом узнал знахаря из кишлака прокаженных.

Его собеседник — это был мулла Кипчакбай — возражал:

— Я бедный, я очень бедный, мы уговорились, что я заплачу тебе за Кучака тысячу баранов, сто лошадей и сто кутасов, но у меня здесь ничего нет. Довези Кучака в кишлак Така, и ты сразу все получишь, даже погонщиков для скота дам.

— Но у тебя в кишлаке оспа, я могу заболеть,— беспокойно сказал знахарь,— и потом... давай лучше сейчас зарежем Кучака и повезем продавать его мясо.

Кучак закричал.

Мулла Кипчакбай бросился к Кучаку и зажал ему тряпкой рот. Знахарь дрожащими руками набивал трубку анашей, просыпая порошок на пол.

Вставив мундштук Кучаку в рот, он зажал ему ноздри, и скоро Кучак затих. Его глаза широко раскрылись, и он расхохотался, показывая кому-то язык.

---

[1] На наши деньги — 25 рублей 60 копеек.

[2] «Убегай прочь!»

Знахарь облегченно вздохнул и, схватив его подмышки, потащил грузить на верблюда.

Он привязал Кучака на верблюда, а сам пошел впереди, ведя верблюда за повод, продетый через нос. Мулла ехал сзади на жеребце.

Очнулся Кучак под вечер от исступленных криков. Кругом него бесновалась обезумевшая толпа. Вокруг верблюда, на котором был привязан Кучак, стояли вооруженные люди и прикладами винтовок били в грудь тех, кто лез вперед, к Кучаку.

Он привязал Кучака на верблюда, а сам пошел впереди, ведя верблюда за повод, продетый через нос. Мулла ехал сзади на жеребце.

— Спокойствие, сохраните спокойствие! — кричал мулла Кипчакбай, но его голос терялся среди исступленных криков:

— Кучака, дайте нам Кучака!

Каждый из толпы стремился получить хоть крошечный кусочек целебного мяса этого киргиза, посланного самим небом. Кучак, поняв все, испугался и закрыл лицо руками.

Из толпы послышались крики:

— У Кучака нет на левой руке пальцев! Кто-то отрезал пальцы. Нас обокрали.

— Я их отрезал, они были отмороженные! — закричал знахарь.

— Ты с'ел их, значит твое мясо целебно против оспы! — неслись из толпы крики.

— Да, да, правоверные, мясо знахаря — тоже лекарство! — кричал мулла Кипчакбай, решив не только не платить знахарю, но и заработать на нем.

В одно мгновение обезумевшая толпа бросилась к знахарю и разорвала на куски.

Толпа кинулась к Кучаку.

Платок Кучака разорвался, и из него на землю посыпалось золото. Изумленные люди бросились подбирать раскатившиеся золотые монеты и куски золота.

Увидев золото, мулла Кипчакбай стегнул своего жеребца и направил его на толпу. Он бил камчей направо и налево всякого, кто поднимал с земли золото.

— Мое золото, не трогайте! — кричал он.

Перепуганного Кучака втащили во двор и спрятали в кибитку.

На улице все еще выла толпа, требуя мясо Кучака. Люди угрожали разнести кибитку и зарезать муллу и его басмачей.

Но мулла сказал: пока не возвратят ему всех украденных монет, никто не получит целебного мяса. Наконец, украденное золото возвратили.

Через полчаса каждый из толпы получил по крошечному кусочку мяса, уплатив за него серебро, овцу или лошадь.

— Кушайте мясо Кучака, питавшегося уларами, и вы не будете болеть оспой,— приговаривал лукавый мулла.

Продавались и волосы Кучака как талисман против оспы.

А в глубине двора, в маленькой темной комнате без окон и дымохода лежал связанный Кучак. Потный, красный мулла Кипчакбай наклонился к Кучаку.

— Золото,— хрипло говорил он,— откуда золото? Говори...— и он тряс его за плечо.

Кучак прикинулся потерявшим сознание.

Кипчакбай сел около него на корточки и сказал:

— Слушай, несчастный, я приказал зарезать пять яков и раздать их вместо твоего мяса, а много других яков лишилось хвостов; их волосы роздали как будто это твои, но я не буду козы [1] трех басмаческих отрядов, если не добьюсь того, чтобы ты мне рассказал, откуда у тебя такое чистое красное золото; а если не скажешь, прикажу зарезать и мясо отдать толпе. Ну?

— Уважаемый, я сам из Кашгара... Далеко отсюда я нашел клад. Сохрани мою жизнь, и я... я... я... проведу тебя, там много, много золота.

Заскрипела дверь, и вошел басмач.

— Козы,— послышался его голос из темноты,—к вам пришел известный мошенник Саид. Он клянется, что знает вашего пленника, приехавшего в Кашгарию с Памира. Саид хочет говорить с вами.

Кипчакбай засопел от гнева и, ударив Кучака кулаком по лицу, закричал с бешенством, брызгая слюной:

— Ты соврал мне, самому козы, ты не из Кашгара, ты с Памира. Говори: где нашел золото?.. Убью!

И он снова ткнул его кулаком в лицо.

— Пить, пить,— прошептал Кучак, закатывая глаза.

— Козы,— послышался голос басмача,— не пачкайте рук. Саид обещал все рассказать.

— Слушай, пастух! — сказал Кучаку козы-мулла Кипчакбай. — Если ты соврал, тебе не сдобровать! — и он ушел.

Вскоре в кибитку вошел Саид.

Он присел возле Кучака и укоризненно сказал:

— Вай, вай, мне, своему другу, ты не сказал ни слова о золоте. Ты плохой друг!

— Скажи, где ты нашел золото? — голос Саида был ласковый, спокойный, но в душе у него была буря. Он не мог себе простить, что упустил такого жирного гуся.

Кучак послушно ответил:

— На Биллянд-Киике, в ледяной щели... Там много еще осталось.

Саид быстро оглянулся, прислушался и, не услышав никакого подозрительного шороха, наклонился к самому уху Кучака и прошептал:

— Делай так, как я тебе скажу. Я обещал козы выведать у тебя, где ты нашел золото. Я обману козы и спасу тебя, а золото с Биллянд-Киика мы поделим пополам.

— Хоп [2], — ответил Кучак, — а что я должен делать?

— Ты скажи козы Кипчакбаю, что ты нашел золото в пустыне Такла-Макан, в одном из мертвых городов, засыпанных песком.

— Хоп,— ответил Кучак.

Через несколько дней пять верховых выехало из ворот кипчакбаевского дома, направляясь на восток.

Впереди ехал Саид, сзади него, держась за гриву лошади, ехал Кучак, и с ними трое вооруженных винтовками басмачей.

Прошел месяц, но путники не возвратились, хоть Саид и обещал приехать через месяц. Прошел еще месяц, и встревоженный Кипчакбай, подозревая недоброе, послал на розыски еще троих басмачей. Через три недели они вернулись и рассказали, что по дороге в Яркенд люди видели три трупа и опознали в них трех басмачей, а куда делись Саид и Кучак, никто не знает.

[1] Козы — военный судья.

[2] Хоп — хорошо.

(Продолжение следует)

ПОЧТА

Летом с каждым случается какое-нибудь приключение. Бывают такие приключения, что и другим ребятам интересно послушать о них. Вот мы и решили собрать все рассказы ребят о их летних делах и веселых приключениях и напечатать эти рассказы в журнале. Присылайте свои письма, ребята.

Может получиться очень интересно: ведь письма будут со всех концов Советского союза, и мы узнаем, как и где ребята отдыхали и что с ними случалось.

Вместе с письмами присылайте рисунки и фотографии. От этого письма станут еще интереснее.

Мушка-парашютистка

Письмо Георгия Коргуля

Свердловск, 22-я школа Уралмашзавода, 10-й класс

Фотографии Я. Даниленко

Когда мы решили сделать парашют для собаки, многие ребята и взрослые отговаривали нас:

— Ничего у вас не выйдет, только собаку искалечите.

Но мы твердо решили построить такой парашют, чтобы он действовал безотказно.

Мы решили сделать парашют ко дню массовки свердловской авиомодельной лаборатории, к 6 января. Срок у нас был небольшой, но все ребята с жаром принялись за дело. Мы кроили, шили, вырезали, клепали, паяли; одним словом, на детской станции все были заняты устройством парашюта.

Через несколько дней в зеленом ранце лежал акуратно уложенный голубой батистовый парашют.

Мы побежали к парашютной вышке, чтобы испытать, как он действует.

Хоть парашют и раскрылся, но мы увидели очень много крупных недостатков. Необходимо было переделать ранец: он плохо раскрывался и задерживал парашют.

На переделку ушло много времени, и мы закончили ее уже в день массовки. Мы пошли с парашютом на массовку, но все очень нервничали. А вдруг он не откроется?

Мы должны были спускать собаку с коробчатого змея. Для змея нужен сильный ветер, а тут, как назло, стояла тихая погода. Мы были очень расстроены. Когда массовка уже подходила к концу, поднялся сильный ветер. Мы быстро запустили змея, приготовили «почтальона». У «почтальона» была сделана защелка, к которой мы подвесили собаку. Через несколько минут «почтальон» на роликах стал быстро подниматься по лееру.

Все, затаив дыхание, следили, как собака, мерно покачиваясь на «почтальоне», поднималась к змею.

«Почтальон» докатился до змея, защелка ударилась, отскочила назад, и собака начала падать с высоты, разматывая шнурок. Потом шнурок выдернул задвижки, и парашют раскрылся. Собака, поддерживаемая парашютом, стала медленно опускаться. Приземлилась она удачно. Нас окружила целая толпа, все хотели посмотреть на собаку. Пришлось поднять ее на руки, чтобы все видели.

Мы вернулись домой очень веселые и решили продолжать это дело. Мы построили новый парашют, в $2\frac{1}{2}$ раза больше первого (первый был размером в 1 квадратный метр).

Ребята запускают змея.

Наш новый парашют мы улучшили и внесли в него много конструктивных изменений.

Однажды мы решили попробовать прыжки с парашютной вышки. Мы сбросили котенка. Кошек вообще труднее сбрасывать, потому что они цепляются за стропы и могут запутаться. Первый раз котенок благополучно приземлился. Но второй прыжок окончился неудачно: кто-то из ребят небрежно уложил парашют, стропы запутались, парашют не раскрылся и котенок упал с высоты 60 метров. Он упал на вспаханное поле и долго лежал без движения. Мы решили, что он разбился. Но котенок вдруг встал и потянулся.

Падение не отразилось на нем, и сейчас он вырос, стал уже совсем большим котом.

После случая с котенком настроение у нас было плохое: все ругали нас, а мы ругали того, кто плохо уложил парашют. Ведь главное во всей нашей работе — акуратность, а тут!.. Было очень обидно.

Тут же, после прыжка котенка, мы на другом парашюте сбросили рубанок. Парашют действовал хорошо.

К этому времени у Жоржика Савельева подросла собачка Мушка. Мушка была очень смелая и веселая собачка, и Жоржик готовил ее в парашютисты. Мы сбросили с вышки Мушку. Прыжок удался на славу, и настроение у всех стало лучше. С тех пор Мушка стала нашим штатным парашютистом. Она 15 раз прыгала с парашютной вышки, и у нее появилось какое-то доверие к парашюту: если ее подводили к краю вышки без парашюта, она жалась, пищала, старалась убежать. Но стоило надеть на нее парашют, она подходила к самому краю вышки и весело виляла хвостом.

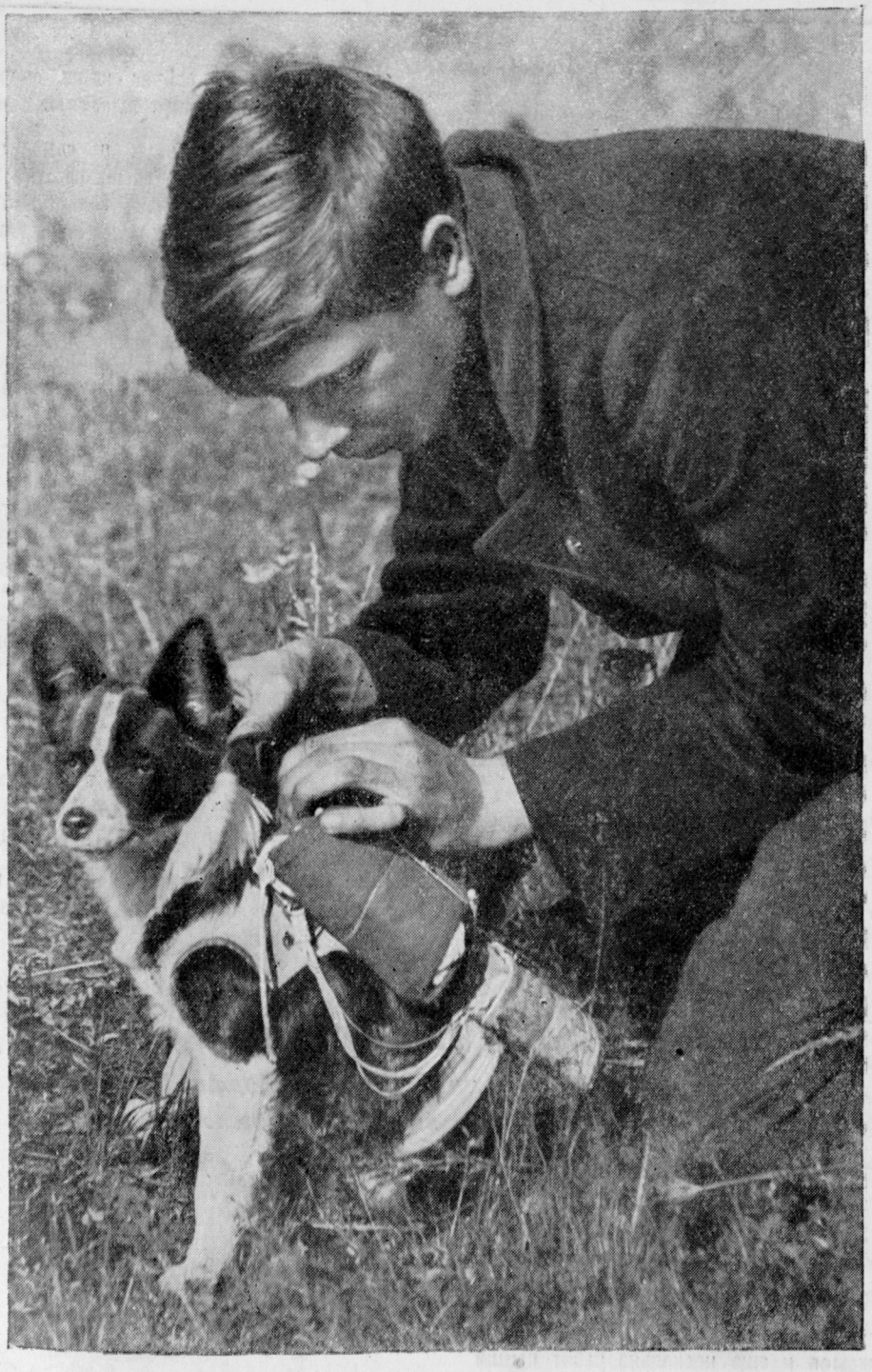
Специально для Мушки мы сделали змея, и она несколько раз прыгала со змея.

Мушку приходилось часто возить на аэродром, где была парашютная вышка, а в трамвае животных возить запрещено. Мы сделали специальный чемоданчик с дырками, в котором возили ее. Вскоре нашу Муху знали все на Уралмашзаводе. Когда она бежала по улицам, ребята кричали ей вслед: «Муха-парашютистка!»

Приближался день авиации. Мы с Жоржем мечтали о том, чтобы сбросить Муху с самолета. Мы снова переделали наш парашют: сделали совсем другой ранец. Когда наши парашюты были готовы и действовали безотказно, мы поехали в аэроклуб к областному инспектору парашютизма тов. Берендяеву. Нас встретили здесь очень хорошо, наш парашют осмотрели со всех сторон, разбирали его, складывали и, наконец, признали, что он годится для прыжков с самолета.

Назначили день для испытаний. Мы приехали на аэродром с Мушкой, надели на нее два парашюта — основной и запасной. На старт вырулил самолет «У-2». Летчик сел в кабину, в другую — инспектор парашютизма, а в третью — Жорж с Мушкой. Самолет пошел на взлет. Я видел, как самолет набирал высоту. Вот он поднялся на высоту 300 метров, сделал круг над аэродромом, потом мотор замолк, самолет слегка накренился, и я увидел, как Жорж выбросил Муху. После небольшой затяжки парашюты раскрылись, и Муха медленно опустилась на землю.

Наступил день авиации. В этот день Муха должна была снова прыгать с самолета. Чувствовала она себя хорошо. Когда мы ехали на аэродром на грузовике, она становилась передними лапами мне на колени и высовывала голову навстречу ветру.



Георгий на аэродроме надевает Мушке парашют.

Мушка перед под'емом по лееру к змею.

Парашюты на Мушку надевать легко: она не старается их сбросить.

— Ну, Мушка, сейчас наша очередь,—сказал я ей, когда на старт выкатили самолет.

Мы залезли в кабину, и самолет полетел. Сверху видны разноцветные флажки и зеленое поле аэродрома. Вот видна большая арка, около нее должен стоять Жорж. Здесь мы должны были сбросить Мушку. Она сидела у меня на коленях очень спокойно. Когда инспектор подал команду, я выбросил ее за борт. Парашют раскрылся, и Мушка стала медленно приземляться.

Жорж мне рассказывал потом, что Мушка упала в середину толпы. Все испугались. Мушка зарычала. Она не увидела нас, и никто не снимал с нее ранец.

А публика решила, что Мушка взбесилась, и все стали разбегаться. Но когда Жорж подошел к Мушке, она сразу успокоилась и завиляла хвостом.

Конструкция парашюта, на котором прыгала Мушка, такова: он состоит из ранца, хомутика, который надевается на Мушку, и самого парашюта. Диаметр парашюта — 1 метр 60 сантиметров, а отверстие в куполе — 40 сантиметров. В парашют вшиты 28 строп, их длина — 2 метра. Они укладываются в соты ранца. Ранец сделан ввиде конверта. Все 4 стороны откидные.

Недавно у нас случилось большое горе: Муха пропала. Где она, — пока неизвестно. Но мы надеемся найти ее.

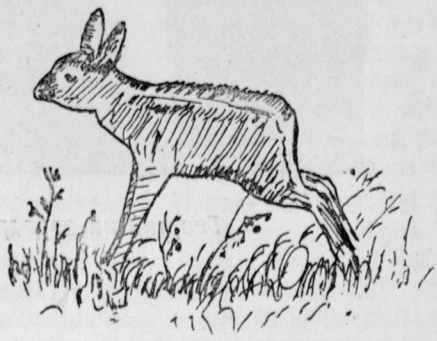
По следам косули

Письмо и рисунки Кости Турчина

Западносибирский край, село Тальменка

Я жил на Дальнем Востоке, около Амура. Эта река очень богата рыбой, и все ребята занимаются рыболовством.

Однажды я и еще несколько ребят пошли далеко за город Благовещенск. День был очень жаркий. Больших деревьев здесь не было, а повсюду росли мелкие кустарники. Мы зашли в густую камышевую заросль. Вдали пролетел коршун. Вдруг недалеко от нас сильно затрещал



Молодая косуля.

камыш. Мы перепугались, так как в этих местностях бродят дикие кабаны. Но из-за камыша показалась голова молодой косули. Она пристально посмотрела на нас и скрылась в кустах. Мы побежали за ней, но было уже поздно: косуля бежала очень быстро и скоро исчезла.

На другой день мы пришли опять на это место и весь день играли. Неожиданно мы увидели ту же косулю. На этот раз мы разглядели ее хорошо. В этот день шел дождик и отпечатки всех следов были ясно видны на земле. Когда косуля убежала, мы пошли по ее следам. Мы шли часа два и только к вечеру в горной местности заметили целое стадо косуль. Они увидели нас, и все стадо стремительно умчалось.

Здесь мы увидели сусликов и ежика. Это была интересная прогулка. Мы рассказали охотникам нашего города о том, как мы видели косуль, и охотники, дав подрасти стаду и размножиться, начали там охотиться.

Амурский суслик.

НА ПОЛЮС

Далеко на севере,
На громадной льдине,
Где туманы серые
И голубые льды,
Далеко на севере,
Там, где небо сине,
Стоит палатка черная
На голубом снегу.

Нет у льдины паруса,
Мотора и руля,
И льдина быстро движется
Неведомо куда.
То ль будет вокруг полюса
Вертеть, кружиться там,
То ль двинется к Гренландии
Суровым берегам.

Далеко на полюсе,
Где земная ось,
Много наших смелых,
Отважных собралось.
Их ветры не смущают,
Их не смутишь нигде!
Живут они на льдине,
Как на Большой земле.

И мы хотим на полюс,
Где стужи и мороз,
И мы хотим пощупать
Земную ось.
— Для полюса вы молоды, —
Нам говорят в ответ, —
Насколько нам известно,
Там пионеров нет.

Но ведь пока мы вырастем,
Все полюсы откроют —
Пройдет десяток лет,
И белых пятен нет.
Мы ставим вам условие:
Мы ждать согласны, но...
Оставьте нам с Сережей
Хоть одно пятно!

Коля и Сережа Бибины

Москва, Дом пионеров и школьников имени Павлика Морозова

Рассказы о школе

Люся Матюшенко

(Москва, Центральный дом пионеров)

1. „КОЗЕЛ“

Не помню, за что Алексей Юрьевич, наш групповод, отчитывал ребят. Это был добрый старенький учитель, с очками на носу и седенькой козлиной бородкой, за которую он получил прозвище «Козел». Это прозвище прочно укрепилось за ним, и не мы его выдумали: с тех пор как мы пришли в школу, его уже так звали ребята пятых классов, которым он преподавал.

Сегодня ребята здорово напроказили, и Алексей Юрьевич сердился. Он протирал очки, пообещал наказать этих ребят и вызвать родителей. Класс зашумел. Кто-то громко крикнул: «Козел!» Алексей Юрьевич вдруг растерялся, хотел что-то сказать, но потом неожиданно повернулся и вышел, оставив на столе портфель. Все притихли. Девочки зашептали: «Кто это сказал? Кто это?» Кто-то засмеялся, на него шикнули.

Класс сдержанно шумел. Все узнали, что это сказал Кириллов. Некоторые пробовали обратить дело в шутку и даже его похвалить, но всем было неприятно. Ребятам было жалко Алексея Юрьевича, досадно на товарища. Зазвонил звонок. Девочки побежали отнести Алексею Юрьевичу портфель и вернулись с известием, что он плакал. Ребята заволновались еще больше. Девочки предложили пойти извиниться. Кириллов отказался. Он сидел на парте, окруженный ребятами, и говорил: «Очень надо!»,— но чувствовал себя виноватым и старался найти оправданье. Ребята косились на него. Уроки прошли вяло. После уроков Кириллов и еще несколько мальчиков остались в школе. Об этом никто потом не говорил, но все знали, что они извинялись перед Алексеем Юрьевичем.

2. ЗАВТРА СПЕКТАКЛЬ

Приближается Октябрьский праздник. Наш класс готовится к утреннику: мы ставим пьесу, которую сочинили сами ребята. Эта пьеса всем очень нравится, потому что в ней говорится про Красную армию. Мальчики готовят пугачи и запасаются пробками. Репетируем у кого-нибудь дома. Несмотря на то что у нас нет руководителя, все ребята старательно учат роли и дисциплина в кружке образцовая. Сами сочиняем, сами ставим, сами режиссируем. Всем очень нравится эта работа.

Девочки готовят, какие могут, костюмы, мальчики достают фанеру и доски и делают декорации. В этой работе крепнет дружба. Последней, генеральной репетицией все остались довольны. Роли знают твердо, и пугачи, за которые мальчики очень волнуются, действуют исправно. Завтра спектакль.

3. МИША ФРУМКИН

На уроке кто-то из ребят запустил чернильницей в учительницу. В двух шагах от Натальи Петровны чернильница ударилась о доску, залив ее чернилами. Наталья Петровна ушла, не окончив урока. Ребята, в недоумении от этой дикой выходки, обсуждали, кто это был, возмущаясь поступком товарища. На перемене все толпились у дверей, не выходя из класса. Расспрашивали друг друга, кто это сделал. Знали только два или три человека, но они не говорили. Следующего урока не было. Пришли директор и классный руководитель. Они сказали, что виновник должен сознаться. Класс молчал. Директор поговорил с классным руководителем и об'явил, что если никто не сознается, класс расформируют. Тогда поднялся Миша Фрумкин и сказал, что это сделал он. Ребята зашумели. Никто не верил, что он, активист и отличник, хороший товарищ, мог сделать такую подлость. Не поверили этому и классный руководитель и директор. Они ушли, предоставив решать это дело нам. Ребята столпились около Миши. Одни упрекали его, другие уговаривали снять с себя напрасное обвинение. Миша плакал. Он знал, кто кинул чернильницу, но не хотел выдать товарища и не хотел, чтобы наш дружный класс расформировали, и решил взять вину на себя. Ребята долго утешали и расспрашивали его. Наконец, он сказал, что кинул чернильницу Коля Петров. Все побежали к Коле. Все требовали, чтобы он сознался и выручил товарища. Коля ходил угрюмый. Он чувствовал, что класс настроен против него. Разошлись по домам в угнетенном состоянии. Что было дальше, я не знаю. Вероятно, Коля сознался, так как класс не расформировали и Мише ничего не было.

4. НАШИ УЧИТЕЛЯ

Наша школа была маленькая, двухэтажная, с узкими коридорами и низенькими классами. На переменах в коридорах пройти было трудно. У стен жались девочки, собирались кучками мальчики, расталкивая всех, проносились ребята постарше. Но и сейчас, когда я уже учусь в новой, просторной и светлой школе, старую школу, где я провела первые годы ученья, я всегда вспоминаю с любовью. Как много провели мы там вечеров, выпуская газеты или готовя пьесы, какая крепкая дружба связывала там ребят! Как много учителей сменилось, хороших и плохих, сколько было там любимых учителей и наш руководитель — старенький Алексей Юрьевич, с его глубоким знанием ребят и большой любовью к нам! Больше всех учителей любили его.

Когда нас перевели в новую школу, девочки ходили к нему в школу, где он преподавал, и мальчики тоже бывали у него.

В первом и во втором классах с нами занималась Клавдия Сергеевна. Она была совсем молодая. Ее ребята очень любили. Она жила где-то под Москвой, и раз, когда она долго болела, мы ездили к ней. В конце учебного года мы дарили ей цветы, а когда она ушла, девочки плакали.

5. ЛАГЕРНАЯ ЖИЗНЬ

У нас были очень хорошие вожатые — Роза и Муся. Ребята не удирали со сборов. К сборам готовились старательно и ожидали их с нетерпением.

Мы разучивали пьесы, устраивали утренники, а в лагерях — костры. И какие костры!.. Большие ребята приносили хворост и сухие елки, где-нибудь на берегу реки расчищали место, а когда темнело, здесь собирался весь лагерь. Приходила даже толстая добрая повариха Катенька. С песнями мы зажигали костер и начинали свою самодеятельность. В воздух взвивались золотые искры, дым отгонял мошкару, пламя освещало лица ребят, а внизу плескалась река, и тепло и уютно было у костра. А когда весь запас топлива выгорал и костер начинал тухнуть, мы отправлялись в лагерь. Шли не строем, а кучками, кто как хотел. Пели и разговаривали и незаметно добирались до лагеря. Линейку проводили без рапортов и расходились спать по палатам. Любили ребята лагери.

В последнюю ночь пребывания в лагере наш горнист Вася так тоскливо играл вечернюю песенку «Спать, спать по палаткам», что было грустно до слез и не хотелось верить, что завтра мы покинем лагерь.

А на другое лето наш лагерь был расположен под Москвой, у маленькой речушки, заросшей желтыми кувшинками и ивовыми кустами. Кругом шумели сосны, а дальше, за речкой, начинался настоящий, густой лес, где росли фиалки и было много малины и земляники. Туда ходили мы за ягодами.

Раз, после обеда, моросил мелкий дождик и небо было покрыто тучами. Все девочки сидели в комнатах и играли в камешки, несколько старших ребят занималось на кольцах и трапеции. Мы с Любой собрались в лес, но больше никто не хотел с нами идти, и мы отправились одни. Кружек для ягод не взяли, так как не думали забираться далеко. Но, войдя в лес, мы и сами не заметили, как добрались до дальнего малинника. Ягод было множество, и мы жалели, что не во что их собирать. Потом мы пошли дальше, напали на целую поляну земляники и взапуски принялись собирать ее прямо в рот. Но вдруг небо потемнело, сверкнула молния и грянул гром. Мы, перепуганные, вскочили. Дождик барабанил по листьям все сильней и сильней. Тут уж мы совсем растерялись и бросились бежать прямо по землянике. Мы уже едва пробивались сквозь переплетенные ветви, как вдруг совсем неожиданно выбрались на дорогу. Но она была нам совсем незнакома. Мы заспорили, куда идти. Гром тем временем замолк, и дождь пошел реже. Измокшие до нитки, добрались мы до лагеря как раз к ужину.

В теплые, солнечные дни мы ходили за кувшинками и из их длинных стеблей делали ожерелья, оканчивающиеся цветком.

А забравшись раз подальше от лагеря, мы с Любой нашли лилии и вымокли до пояса, доставая их.

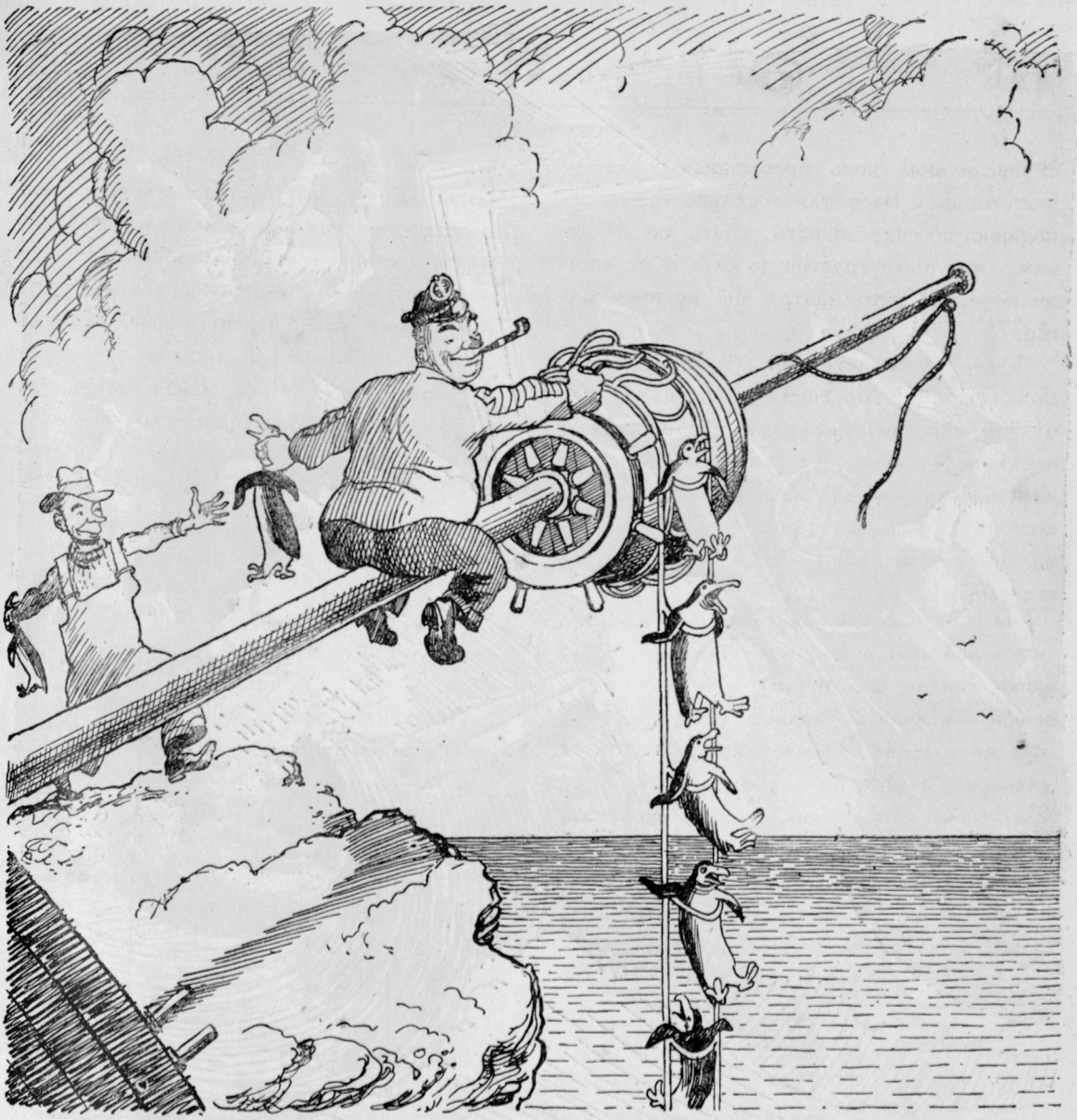
Много интересных костров и вечеров провели мы здесь, и самый веселый костер был прощальный.

Многие ребята пишут о том, чего они сами не видели и не знают, только в книгах об этом читали. Поэтому их рассказы больше похожи на книги чем на настоящую жизнь.

Люся Матюшенко сделала по-другому. Она написала о той школе, в которой сама учится. Она хорошо знает ребят своего класса, поэтому и рассказы у нее получились живые и правдивые. Она ничего не выдумала, а написала так, как это было на самом деле.

Прочтите, ребята, ее рассказы и напишите нам свое мнение о них.

□ □ □



Приключения капитана Врунгеля

(Продолжение)

А. Некрасов *Рис. К. Ротова*

Целый день китолюбивые адмиралы спорили. Наконец, решили: для изучения вопроса создать специальную комиссию, а нас пока водворить на необитаемый остров.

Я протестовал, да что толку. Подцепили краном «Беду», опустили на скалы и ушли.

Ну, я вижу: нечего делать. Приходится устраиваться по-береговому, с учетом создавшегося положения. А положение отвратительное.

Хуже всего с питанием. Одни скалы кругом: ни флоры, ни фауны,— и у нас запасы на исходе.

Вдруг однажды смотрю: подходит к нашему острову льдина. А на льдине пингвины выстроились как на смотру, кланяются...

Ну, и, знаете, пришлось сооружать этакую машину, пингвинопод'емник, что ли. Взяли пустую бочку, прибили к ней запасный штурвал, насадили на конец мачты, сверху перекинули штормтрапы, а для приманки я спустил картинку «Разварной судак под польским соусом». Я спустил картинку на шнурке и смотрю: пингвины заинтересовались, двинулись к краю льдины, один сунул голову в трап, тянется дальше, к судаку, и, только просунул крылышки, я крутанул бочку — один есть!

И так-то славно дело пошло. Я сижу на мачте верхом, кручу бочку одной рукой, другой снимаю с конвейера готовую продукцию, передаю Фуксу, тот — Лому, а Лом считает и выпускает на берег. Часа за три весь остров заселили.

Пингвины эти бродят по скалам. Кругом птичий гомон, суета, шумно, весело... Лом оживился, собрался стряпать.

Мы ему натаскали дров из моря целую гору. Он отобрал что посуше, развел костер... Ну, доложу вам, и костер: дым столбом, как из вулкана, скалы раскалились, только что не светятся. Жара. Ну я и решил устроить баньку. Постирали одежду, развесили, паримся. И тут я недосмотрел — не нужно бы особенно увлекаться. Антарктика как никак, погода там неустойчивая... Нужно бы учесть это, а я пренебрег, сам еще поленце подкинул... Вскоре и результат последовал: жар пошел кверху, гудит, как в трубе, и, понятно, нарушилось равновесие воздушных масс. Со всех сторон налетели холодные атмосферные течения, нагнали туч... хлынуло...

Вдруг как грянет!

Не выдержал раскаленный гранит быстрого охлаждения, треснул... Лом, бедняга, погиб в катастрофе, судно погибло... Словом, конец мечтам...

Ослепленный и оглушенный, я очнулся не сразу. Наконец, пришел в себя, смотрю: пол-острова вместе с яхтой как не бывало — только пар идет. Кругом туман, море кипит, вареные рыбки плавают... Подо мной какая-то доска. Фукс тут же, рядом, тоже на доске, а кругом весь наш гардероб расплывается в стороны.

Я решил, знаете, отдаться на волю стихии. Свернулся комочком на доске, ноги, руки подобрал, лежу. И Фукс так же устроился. Плывем рядышком по воле волн, в неизвестном направлении, перекликаемся:

— Хау-ду-ю-ду, Фукс, как у вас?

— Ол райт, Христофор Бонифатьевич, все в порядке...

В общем, как это говорится,— спокойствие после грозы. Тишина, благодать, я даже поправляться стал.

Как-то раз просыпаюсь, гляжу: земля на горизонте. По очертаниям будто Гавайские острова. Подошли поближе — так и есть.

Удачно, знаете. Прекрасное это местечко. В свое время, правда, было не очень спокойно, кто-то кого-то тут ел... Но сейчас туземцы вымерли, белым есть некого, и белых есть некому, так что тихо. А в остальном—богатая растительность: ананасы, бананы, пальмы. А главное — пляж Уайкики. Со всего мира туда собираются купальщики. Там прибой замечательный. В его волнах местные жители, стоя на досках, катались.

Конечно, это когда-то было... но все-таки, знаете, молодцы: стоя! А мы что? Лежим, барахтаемся, как котята. Мне даже стыдно стало. Я выпрямился во весь рост... И представьте: удержался, отлично удержался.

Тогда и Фукс встал. И вот этаким манером, наподобие морских полубогов, мы несемся в бурунах, в брызгах пены. Берег ближе, ближе. Вот волна лопнула, рассыпалась, а мы как на салазках, так и выкатились на пляж.

Тут нас окружили какие-то дачники в купальных костюмах, смотрят, аплодируют, фотографируют. А у нас, признаться, вид самый жалкий. Уж очень как-то непривычно без формы и без знаков отличия.

Так неудобно, что я решил скрыть свое имя и положение, остаться, так сказать, инкогнито...

Показал Фуксу жестом: «Молчите»,— а сам жду, что дальше будет.

Тут подходит какой-то паренек в пиджачке и начинает об'яснять публике:

— Вот, мол, дирекция пляжей Уай-Кики, стремясь доставить удовольствие публике, отыскала двух живых гавайцев, которые только что продемонстрировали прекрасный вид старинного местного спорта. Гавайцы отличаются стройным сложением, мягким характером и природными музыкальными способностями. Сегодня вечером эти двое дадут концерт на гавайских гитарах...

Ну еще поболтал, потом берет нас под руки, отвел в сторонку, спрашивает:

— Ну, как доехали, где остановились?

— Благодарю вас, хорошо.

— Ну и прекрасно,— говорит он,— а сейчас, знаете, пора идти одеваться.

Усадил нас в машину, привез куда-то, там нам дали гитары, украсили цветами, вывели на эстраду...

Надо петь, а что петь? Я как назло все песни забыл. Фукс тоже растерялся. Смотрит на меня, шепчет:

— Запевайте, Христофор Бонифатьевич, я подтяну.

Публика волнуется, негодует. Ну, я закрыл глаза — будь что будет! — ударил по струнам — и басом, без слов, одну мелодию.

Потом вышел на эстраду конферансье.

— Вот,— говорит, эта старинная гавайская песня, слова которой говорят о сборе плодов хлебного дерева, как нельзя лучше отражает смысл гавайской музыки...

И представьте: бурные аплодисменты сорвали.

Ну, потом увели нас в контору, уплатили гонорар... Вышли мы. А куда идти? Пошли назад, к морю.

Идем по песочку. На пляже ни души. Потом видим: какие-то двое сидят. Подошли к ним, разговорились. Они на порядки жалуются.

— Чорт знает, что такое,— говорят,— мы артисты, подписали контракт изображать здесь гавайцев. Месяц целый учились на досках ездить, гавайские песни разучивали. Сегодня премьера, обещали устроить встречу на пляже, а вот сами видите...

Тут я все понял. Хотел было об'ясниться, вдруг, понимаете, ветер швыряет мне под ноги обрывок газеты... И, поверите ли, смотрю: фотография, на фотографии мой старший помощник Лом, тут же «Беда» и трагическое описание крушения у берегов Бразилии. И тут же рядом об'явление: «Пользуйтесь воздушными сообщениями тихоокеанских линий! Регулярные рейсы в Штаты и в Бразилию».

У меня прямо груз с души: значит, и Лом жив, и «Беда» цела, а главное, ясно, что делать: лететь.

— Сходите-ка, Фукс,— говорю я,— возьмите билеты на самолет в Бразилию.

Фукс рад стараться, умчался, а я тут на пляже остался, этих фальшивых гавайцев развлекать.

Наконец, смотрю: Фукс катит на такси, выскочил и манит меня в тень банана.

Я распрощался с артистами, подхожу.

— Плохо, Христофор Бонифатьевич,— говорит Фукс,— не хватило денег. Придется по одному билету лететь и в одном пальто. Я уж сяду на вас верхом...

— Ну что ж,— говорю,— садитесь... только скорее, а то как бы полисмен не заметил.

Фукс взгромоздился на меня, накинул макинтош, одернул. Пошли.

Пришли к самолету, на пристань. Фукс пред'явил билет, нас провели, показали место. Ну уселись кое-как; собственно, я уселся, а Фукс стоит на сиденье и головой подпирает потолок.

Я посмотрел в щелочку, вижу: и остальные пассажиры на местах.

Потом заревели моторы, самолет разбежался, хлоп, хлоп по воде, поднялся. Летим, ночь кругом. В небе звезды, моторы ревут, а в остальном все спокойно. Пассажиры уснули, я тоже вздремнул, один Фукс бодрствует во всей кабине.

До утра так пролетели, а утром проснулись, я смотрю в свою щелочку, прислушиваюсь. В кабине заметное оживление, все липнут к окнам, показывают друг другу и, судя по поведению, любуются видами Кордильер. Фукс тоже склонился к окну, а я волей обстоятельств принужден пропускать такое редкое зрелище и сидеть в темноте.

И так, знаете, обидно стало и скучно. Я сам себя утешаю, думаю: пусть смотрят на здоровье, а я найду занятие. Достал трубочку, набил, чиркнул спичку привычным движением, закурил, задумался. Вдруг слышу: паника в кабине; и чаще других раздается слово «пожар».

Я чувствую: Фукс меня пятками по бокам, как осла, я его ущипнул, а сам выглянул, посмотрел в зеркало и все понял: дым от моей трубки валит изо всех отверстий и, действительно, создает впечатление пожара. Я скорее вытряс пепел, трубку в карман, прижал огонь каблуком, да только, знаете, поздно.

(Продолжение следует)

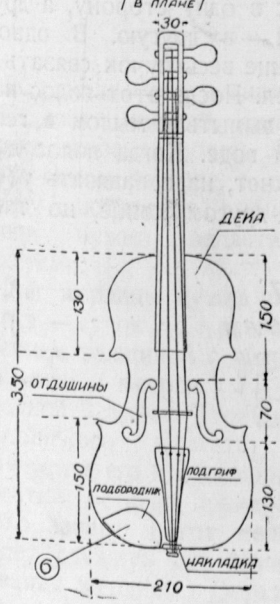
САМОДЕЛЬНАЯ СКРИПКА

А. Головинский

Скрипка—дорогой инструмент. Очень хорошая скрипка стоит иногда дороже автомобиля, и даже самая дешовая, плохонькая скрипка стоит столько, что не каждый может ее купить. Но можно, оказывается, самому сделать скрипку, которая не даст, правда, слишком громкого звука, но зато имеет очень приятный тембр и вполне годится, чтобы начать всерьез учиться игре.

Обойдется она не дороже рубля, а времени на ее изготовление уйдет день — два, не больше. Инструменты для этого дела нужны самые несложные: пила, рубанок, стамеска, нож и большой буравчик.

РИС 1
ВИД СПЕРЕДИ
(В ПЛАНЕ)



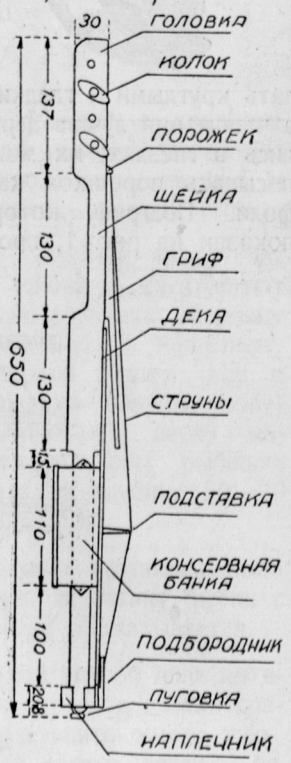
А материалы: кусок крепкого прямослойного дерева, небольшой лист фанеры, несколько гвоздей, пучок конского волоса, кусочек канифоли, немного краски и консервная банка — вот и все.

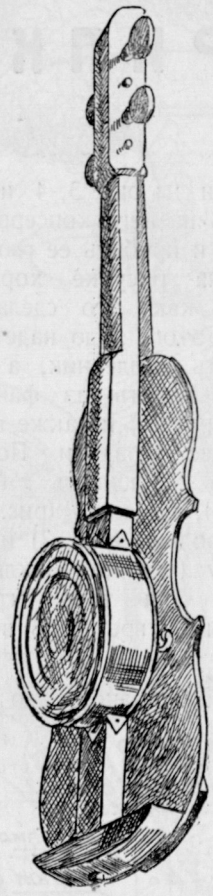
Как выглядит эта скрипка, видно на фотографии и на рисунках 1 и 2, где скрипка изображена в готовом виде и указаны все размеры в миллиметрах. А чтобы понять, как она делается, надо внимательно разобраться в чертежах, потом точно по ним сделать отдельные части и постепенно собирать их, соединяя друг с другом в том порядке, как будет рассказано дальше.

Сначала надо сделать главный стержень (он изображен на рис. 3, 4 и 5), надеть на него консервную банку и прибить ее гвоздями (на рисунке хорошо видно, как это сделать). После этого надо надеть и прибить наплечник, а затем вырезать из фанеры деку (рис. 1) и также прибить ее гвоздями. Потом можно прибивать гриф рис. 6), порожек (рис. 6), подбородник (рис. 7) и накладку (рис. 6). Накладка нужна для того, чтобы струны не врезались в дерево.

Шейки колков надо сде-

РИС 2
ВИД СБОКУ
(РАЗРЕЗ)





лать круглыми и гладкими, а чтобы они лучше держались в гнездах, их можно посыпать порошком канифоли. Подгриф, который показан на рис. 1, просто

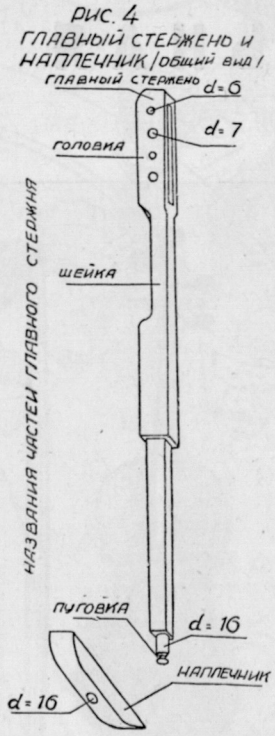


РИС. 4
ГЛАВНЫЙ СТЕРЖЕНЬ И НАПЛЕЧНИК (общий вид)

нарисован — его делать не надо, так как на нашей скрипке струны прикрепляются прямо к пуговке.

Смычок можно сделать тремя способами: из дощечки, из прутика с привязанными носиком и с колодочкой и просто из прутика вроде того, как делают лук для стрельбы (рис. 8).

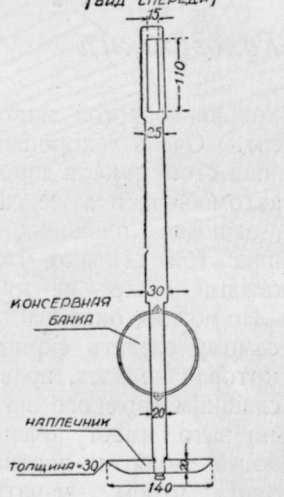
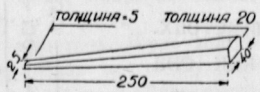


РИС. 5
ГЛАВНЫЙ СТЕРЖЕНЬ С КОНСЕРВНОЙ БАНКОЙ И НАПЛЕЧНИКОМ (вид спереди)

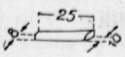
Для смычка нужен конский волос — все равно — черный или белый. Приготовить его надо так: взять два пучка по 35 — 40 волосков каждый и сложить их вместе так, чтобы один пучок был основанием волос в одну сторону, а другой — в другую. В одном конце весь пучок связать в узел. После этот волос надо вымыть с мылом в теплой воде. Когда волос высохнет, надо завязать узел на другом конце, но так,

РИС. 6
ЗАГОТОВКА ДЛЯ ГРИФА



ГРИФ В ГОТОВОМ ВИДЕ

ПОРОЖЕК.



НАКЛАДКА

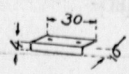
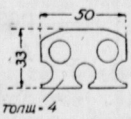
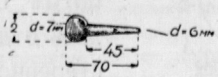


РИС 7
ПОДСТАВКА



КОЛОК



ПОДБОРОДНИК

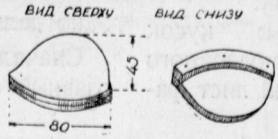
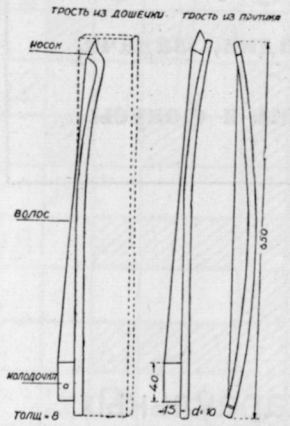


Рис 8

ОБРАЗЦЫ СМЫЧКОВ



чтобы волоски лежали ровно и гладко. Для этого перед завязыванием второго узла их надо расчесать гребешком. К обоим концам волоса надо привязать насмоленные нитки и этими нитками привязать его к трости смычка. После этого надо истолочь маленький кусочек канифоли в порошок и этим порошком натереть волос.

Струны надо взять гитарные: «первую» (стальную), «вторую» (стальную), «третью» (витую) и «четвертую» (витую). Эта «четвертая» струна называется еще «четвертый басок».

Строить (настраивать) скрипку надо так же, как строится мандолина.

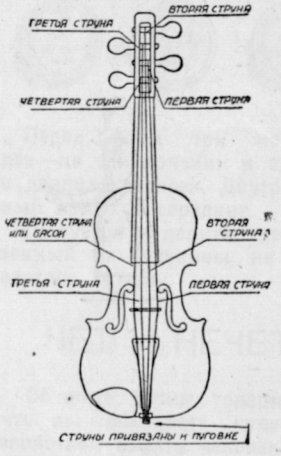
На рис. 9 показано, в каком порядке должны быть расположены струны, и к каким колкам должны быть они прикреплены. Ладов на скрипке не полагается. Правильность наложения пальцев на струны определяется по слуху.

Лучшей школой (самоучителем) для скрипки считается школа Берио. Ее можно купить в нотном магазине.

Такую скрипку сделали ребята Центральной станции юных натуралистов. Для усиления звука скрипки они придумали вставить в консервную банку еловую палочку толщиной с карандаш. Палочка вставляется так, чтобы одним концом она упиралась в донышко банки, а другим в деку.

Рис 9

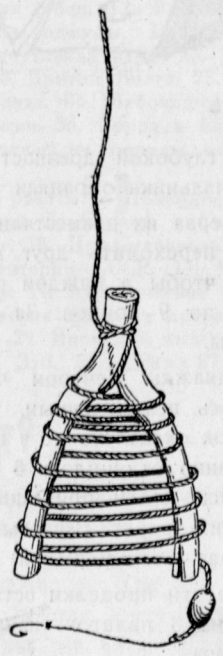
КАК НАДЕВАЮТСЯ СТРУНЫ



ЖЕРЛИЦА

Жерлица — это снасть для лова хищной рыбы (щуки, жереха, окуня). Лето в самом разгаре, а поэтому любителям рыбной ловли нужно запастись снастями.

Для жерлицы нужна рогатка — сучок с развет-влением толщиной с палец. Возьмите метров 7 — 8 прочной лески (тонкого английского шпагата) и привяжите его к основанию рогатки, оставив примерно метр запаса. (Этот конец будет служить для привязывания жерлицы.) Остальную леску замотайте «восьмеркой» на развилках рогатки. Конец одной развилки расщепите и в него защемите конец лески. К леске привязывают стальной поводок с крючком. Около поводка укрепляют грузило. Вот жерлица и готова.



На жерлицу ловят так: на крючок насаживают мелкую рыбешку. Жерлицу привязывают к нависшему над водой дереву (или к специально вбитому колу) и отпускают леску настолько, чтобы рыбешка ходила на глубине 50—70 сантиметров.

Когда крупная рыба возьмет приманку, леска с жерлицы разматывается.

Такой способ лова интересен тем, что можно сразу расставить много жерлиц и издали следить за ними.

Загадки, задачи, игры и фокусы

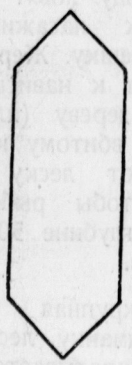
ТРИ МАНДАРИНА

(Задача-шутка)

Два отца и два сына купили три мандарина. Они их разделили так, что каждый отец и каждый сын получили по целому мандарину.

Кто об'яснит такое чудо: откуда появился четвертый мандарин?

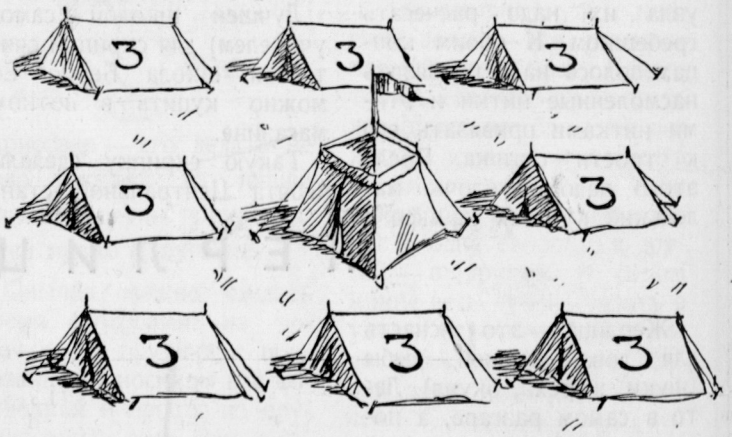
ГОЛОВОЛОМКА



Разрежьте этот неправильный шестиугольник на 5 частей так, чтобы из них можно было сложить знак Красного креста, как на санитарных автомобилях.

Проделка караульных

(Головоломка, присланная Витей Ржечицким из Одессы)



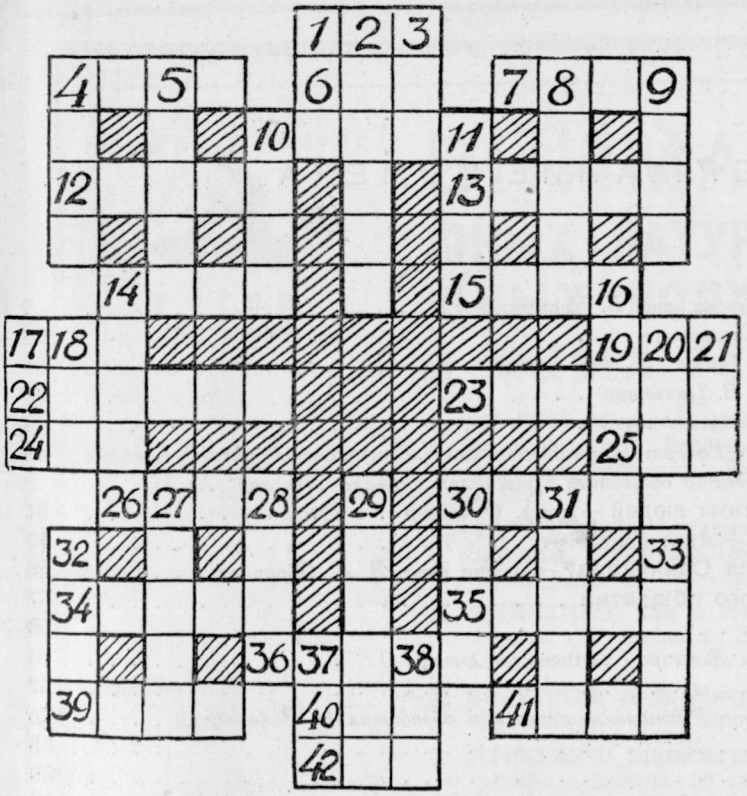
В глубокой древности, во время какого-то похода, шатер военачальника охраняли воины, размещенные в 8 палатках.

Сперва их разместили потрое в палатке, а потом разрешали даже переходить друг к другу. Требовали с них только одного: чтобы в каждом ряду палаток, с любой стороны, всегда было по 9 воинов. За этим очень строго следил начальник охраны.

Однажды вечером четверо караульных отлучилось, и это осталось незамеченным, так как при проверке в каждом ряду палаток оказалось по 9 воинов. На следующий день также безнаказанно отлучилось 6 воинов. А после караульные вовсе разошлись: стали приглашать к себе гостей несмотря на строжайший запрет. В первый раз они пригласили четверых, во второй раз — восьмерых и, наконец, — целую дюжину.

Все эти проделки остались незамеченными, так как в каждом ряду из 3 палаток начальник охраны всегда насчитывал по 9 воинов.

Как воины ухитрялись все это проделывать?



Кроссворд

Прислал Игорь Бердичевский из Ростова на Дону

Слова по горизонтали: 1. Зеленое насаждение. 4. Орудие портного. 6. Пища. 7. Планета. 10. Стая собак. 12. Всесоюзный пионерский лагерь. 13. Ограда. 14. Часть одежды. 15. Снаряд. 17. Эпоха. 19. Место для стрельбы. 22. Спортивная игра. 23. Большой электротехнический завод в Москве. 24. Приток Волги. 25. Шеренга. 26. Корабельная мера веса. 30. Продукт. 34. Небольшое судно. 35. Имя деятеля республиканской Испании. 36. Город в Европе. 39. Животное. 40. Женское имя. 41. Животное из породы оленей. 42. Снежный шар.

Слова по вертикали: 1. Полевые работы. 2. Немецкое имя. 3. Приношение, подарок. 4. Страна в Азии. 5. Страна в Европе. 8. Зернохранилище. 9. Химический элемент. 10. Представитель племени, жившего в древности на части территории СССР. 11. Часть света. 14. Дикое животное. 16. Стадо овец. 17. Акустическое явление. 18. Судьба. 20. Название. 21. Об'единение людей в древности. 27. Приток Лены. 28. Лестница на корабле. 29. Японский император. 30. Тьма, туман. 31. План местности. 32. Зуб. 33. Нота. 37. Болезнь. 38. Шум.

Сколько лет?

Несколько пионеров спросили своего вожатого, сколько ему лет. Вожатый подумал, хитро посмотрел на них и говорит:

— Я знаю, что по математике у всех вас «отлично», ну так вот вам задача, решив которую, вы узнаете, сколько мне лет. Слушайте же: половина, четверть и одна шестая моего возраста и еще четыре года и один день составят как раз число моих лет через один год, одиннадцать месяцев и пятнадцать дней.

Помогите пионерам узнать возраст своего вожатого.

ТРИ МОНЕТЫ

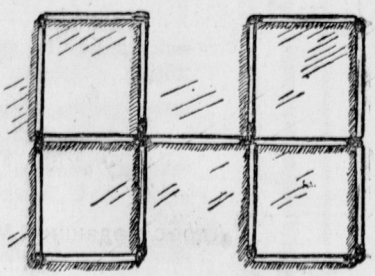
Перед вами три монеты: две—по три копейки и одна—в двадцать копеек. Двугривенный лежит в середине.

Требуется удалить двугривенный из середины, не прикасаясь к нему.

ЧЕТ И НЕЧЕТ

Об'явите своим товарищам, что вы обладаете чудесным свойством видеть человека насквозь. Для доказательства этого предложите устроить такое испытание. Пусть один из ваших товарищей возьмет в одну руку четное количество камешков (например 2, 4, 6), а в другую — нечетное (например 3, 5, 7). Затем предложите ему умножить число камешков в правой руке на четное число, а в левой на нечетное, оба числа сложить и сумму сказать вам. Теперь вы сможете разглядеть сквозь кулаки, в какой руке товарища находится четное количество камешков, а в какой — нечетное. Секрет очень прост: если общая СУММА будет НЕЧЕТНАЯ, то четное количество камешков зажато в правой руке, если СУММА НЕЧЕТНАЯ — то в левой.

СПИЧЕЧНАЯ ГОЛОВОЛОМКА



Сложите из пятнадцати спичек такую фигуру, как на рисунке. Сложили? Ну, а теперь переложите две спички так, чтобы получилось пять квадратиков.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Сомбреро — *рассказ Сергея Григорьева, рис. В. Чернецова* 2
Ризго — *проф. Е. Тарле, рис. Б. Синявского* 23
Полярные сияния — *проф. Н. Н. Зубов* 31
Кутька — *рассказ Вс. Вальде, рис. В. Цельмера* 38
Июльские дни. *Двадцать лет назад* 44
Клетчатый флейтист из Хэмлина—*Роберт Броунинг, перевод Н. Кончаловской, рис. Ю. Кискачи* 46
„КОМПАС" — *известия Географического общества читателей журнала „Пионер" № 13*
По следам первобытных людей — *проф. О. Бадер* 51
Таинственная земля — *Арон Гольдварг* 55
Существует ли Земля Санникова? — *ответ акад. В. А. Обручева* 55
Фонд Географического общества 57
Превращение бабочки 58
Бойцы республики. *Майор Рамон Диестро (Записки из дневника)* 61
С киноаппаратом по Испании 67
Витязь в тигровой шкуре — *Шота Руставели, перевел и обработал Н. Заболоцкий* 75
Научный телеграф 85
Животные тьмы 89
Джура и Тэке. *Часть 3-я — Повесть Ю. Тушкана, рис. В. Цельмера* 90
ПОЧТА:
Мушка-парашютистка — *письмо Георгия Корнуля* 109
По следам косули — *письмо и рисунок Кости Турчина* 112
На полюс — *стихи Коли и Сережи Бибиных* 113
Рассказы о школе — *Люся Матюшенко* 114
Приключения капитана Врунгеля — *А. Некрасов, рис. К. Ротова* 117
Самоделки 123
Загадки, задачи, игры и фокусы 126

На обложке — „Боец республиканской армии" — рисунок испанского художника Джима

Ц. 193 г.
Акт № 169
Вклади. л.

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды", 24, комн. 822, Тел. Д 3-30-73.

Ответ. редактор Б. ИВАНТЕР
Зам. редактора В. Фраерман Отв. секретарь В. Поддубная Худ. редактор П. Кузьмичев
Сдано в набор 13/VI 1937 г. Подписано к печати 31/VII 1937 г. Изд. № 606
Уполномоченный Главлита № Б—23975 82×110 1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе 16 п. л.
Типография газеты „Правда" им. Сталина. Москва, ул. „Правды", 24. Зак. № 1243. Тир. 90 000

КОГИЗ

ВНИМАНИЮ

ЮНЫХ НАТУРАЛИСТОВ, ЮНЫХ КОЛХОЗНИКОВ и ЮНЫХ ТЕХНИКОВ

А. БРАГИН. Мир, перестроенный заново. Павильон зерна Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. 95 стр. В перепл. — 2 руб.

С. ГАТОВСКИЙ. Академик Лысенко и его научные открытия. Под ред. акад. И. Г. Эйхфельда. 48 стр. 75 коп.

М. ДЕМЧЕНКО. Как я стала запевалой пятисотниц. С предисл. В. Катаева. 47 стр. 75 коп.

К. КОЧЕТКОВ. И. В. Мичурин. Под ред. акад. Б. А. Келлера. 48 стр. 80 коп.

В. ЛУНКЕВИЧ. Шелковичный червь. Изд. перераб. и дополн. 29 стр. 60 коп.

А. МОЛОДЧИКОВ. Лютер Бербенк. Под ред. акад. Б. А. Келлера. 45 стр. 75 коп.

А. НЕКРАСОВ. Электрическое солнце. Под ред. проф. Н. А. Артемьева. 30 стр. 60 коп.

Ш. НЮРЕНБЕРГ. Отступление тундры. Под ред. проф. В. И. Эдельштейна. 29 стр. 60 коп.

А. ЮГОВ. К. А. Тимирязев. Жизнь и деятельность. Под ред. акад. Б. А. Келлера. 112 стр. 1 р. 50 к.

Книга юного конструктора. Том I. 311 стр. + 1 лист чертежей. В перепл. — 10 руб.

А. АБРАМОВ. Десять моделей. 2-е изд., дополн. Рис. Д. Смирнова. Фото автора. 110 стр. В перепл. — 3 руб.

А. АБРАМОВ и И. ФРОЛОВ. Самодельная паровая турбина. 32 стр. В перепл. — 1 руб.

Д. БУНИМОВИЧ. Самодельный аппарат типа «лейки». 46 стр. В перепл. — 1 р. 25 к.

Э. МИКИРТУМОВ. Летающие модели самолетов. 94 стр. + 1 лист чертежей. 2 р. 75 к.

Требуйте во всех магазинах Когиза, культмагах потребкооперации и киосках „Союзпечати".

Наложенным платежом высылают „КНИГА — ПОЧТОЙ" имеющиеся при всех областных и краевых отделениях Когиза.

Цена 1 р. 50 к.

М5318

П 29
34